

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Университетская археология:
прошлое и настоящее

Материалы Международной научной конференции,
посвященной 80-летию первой в России кафедры археологии

Под редакцией д-ра ист. наук И. А. Тихонова

Издательство
Санкт-Петербургского
университета
2017

УДК 902
ББК 63.4(2)

Редакционная коллегия:

И. А. Гарбуз, канд. ист. наук М. Т. Кашуба, член-корр. РАН Е. Н. Носов,
Я. А. Страхова (ответственный секретарь), д-р ист. наук И. Л. Тихонов
(ответственный редактор), канд. ист. наук О. А. Щеглова

Рецензенты:

канд. ист. наук Е. Ю. Гирия (ИИМК РАН),
канд. ист. наук Е. А. Черленок (СПбГУ)

Печатается по решению Научной комиссии в области истории и археологии СПбГУ и при поддержке Фонда археологических исследований Научно-исследовательского центра «Актуальная археология» (Санкт-Петербург) проект ФАИ-А2 №201678002, www.archaeology.one

У59 **Университетская археология: прошлое и настоящее:** Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию первой в России кафедры археологии / Отв. ред. И. Л. Тихонов. — СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2017. — 244 с.

ISBN 978-5-288-05807-3

Настоящее издание содержит материалы Международной научной конференции «Университетская археология: прошлое и настоящее», посвященной 80-летию первой в России кафедры археологии — кафедры археологии Санкт-Петербургского государственного университета, проводившейся 19–21 октября 2016 г. Сборник состоит из трех разделов. Первый посвящен различным аспектам и направлениям учебной и научной деятельности кафедры археологии и ее выдающихся представителей. Второй раздел содержит материалы, связанные с актуальными проблемами профессиональной подготовки археологов в российских и зарубежных университетах и в историографическом, и в современном аспекте, особенно после перехода отечественного высшего образования на систему двухуровневой подготовки. Третий раздел посвящен 95-летию со дня рождения профессора А. Д. Столяра (1921–2014), возглавлявшего кафедру с 1972 по 1996 гг.

Издание предназначено для специалистов-археологов, историков, музейных работников, преподавателей и всех интересующихся отечественной археологией.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017
© Авторы, 2017

Предисловие

Археология прошла долгий путь в Санкт-Петербургском государственном университете. Еще в XVIII столетии профессора и студенты «академического» университета стали проводить раскопки курганов и изучение каменных изваяний и наскальных изображений Южной Сибири, Поволжья, Северного Причерноморья. Первый ректор университета Г. Ф. Миллер составил инструкцию из 100 пунктов о различных памятниках древности Сибири и методах их изучения.

В середине XIX в. в Петербургском университете работали И. И. Срезневский, П. И. Лерх, учились А. С. Уваров, П. С. Савельев, В. Г. Тизенгаузен, И. С. Поляков, А. А. Бобринской и многие другие крупнейшие деятели отечественной археологии. С 1880-х гг. началось чтение курсов по археологии на разных факультетах. На кафедре географии и этнографии сложилась палеоэтнологическая школа Ф. К. Волкова. Из семинаров Б. В. Фармаковского, М. И. Ростовцева, С. А. Жебелева вышли многие известные исследователи скифских и античных древностей: Г. И. Боровко, К. Э. Гриневич, И. И. Толстой, С. С. Лукьянов, Б. А. Богаевский, А. А. Моисеев и др. В 1909 г. историко-филологический факультет пригласил А. А. Спицына в качестве приват-доцента для преподавания курса русской археологии, а в следующем году его стараниями был создан Археологический кабинет, который стал быстро пополняться учебными коллекциями, книгами и материалами из раскопок.

В августе 1922 г., после присоединения к университету Археологического института, начало свою работу Археологическое отделение ФОН, поставившее своей задачей подготовку высококвалифицированных кадров археологов, архивистов, археографов, историков искусства. Среди первых студентов Археологического отделения были В. И. Равдоникас, М. И. Артамонов, Б. Б. Пиотровский, Н. Н. Воронин, Г. Ф. Корзухина, Г. П. Гроздилов, Н. Н. Чернягин, Е. Ф. Лагодовская, А. А. Иессен, Б. А. Латынин, П. Н. Третьяков и многие другие, позднее ставшие крупнейшими специалистами в различных отраслях археологии. К сожалению, в начале 1930-х гг. в результате скороспелых и

непродуманных реформ высшего образования, деятельность Археологического отделения фактически была свернута. Только в 1934 г. в университете был восстановлен исторический факультет и в 1936 г. там появилась кафедра археологии, ставшая первой в СССР и возобновившая подготовку высокопрофессиональных археологов.

В 1938 г. на факультете под руководством В.И. Равдоникаса было создано Археологическое отделение со специализацией по: 1) доисторической археологии; 2) классической археологии; 3) славяно-русской археологии; 4) археологии Средней Азии; 5) археологии Кавказа. С 1949 г. во главе кафедры встал профессор М.И. Артамонов, преподававший в университете с конца 1920-х гг. Его Волго-Донская экспедиция стала одной из крупнейших в СССР в те годы. В 1951–1964 гг. он также был директором Государственного Эрмитажа. Необходимо отметить сорокалетнюю преподавательскую работу П. И. Борисковского (1911–1991), читавшего на кафедре до 1980 г. различные курсы лекций, среди которых центральное место занимал палеолит. Огромный вклад в подготовку специалистов по античной археологии и железному веку внесли В. Ф. Гайдукевич, А. Н. Щеглов, М. Б. Щукин.

В 1960-е гг. на кафедре начал работать «Проблемный семинар» Л. С. Клейна, развернувший на качественно новом уровне исследование славяно-варяжских взаимоотношений в эпоху сложения древнерусского государства. В 1969 г. была создана Северо-Западная археологическая экспедиция ЛГУ, под руководством Г. С. Лебедева, приступившая к исследованию раннесредневековых памятников Ленинградской области. С 1972 по 1996 г. кафедру археологии возглавлял А. Д. Столяр (1921–2014), незадолго до этого защитивший докторскую диссертацию о происхождении изобразительного искусства Евразии в свете археологических источников. А. Д. Столяр являлся почетным профессором Санкт-Петербургского университета, ему было присвоено звание заслуженного работника высшей школы РФ. Более тридцати лет своей жизни кафедре археологии отдала А.В. Давыдова (1920–2000). Ее исследования показали несостоятельность представлений об исключительно кочевом, скотоводческом характере хозяйственной жизни хуннских племен Центральной Азии рубежа новой эры. С 1950-х до начала 1980-х гг. лекции и занятия по неолиту вела Т. Д. Белановская (1918–2010), под руководством которой проходило изучение многослойного поселения Ракушечный яр на Нижнем Дону.

С начала 1970-х гг. заметное место в научной проблематике кафедры стало занимать изучение раннесредневековых древностей Северной Руси. Ученики М. И. Артамонова, участники «Варяжского

семинара» А. С. Клейна — Г. С. Лебедев, И. В. Дубов, В. А. Булкин, ставшие сотрудниками кафедры, развернули исследования памятников Ленинградской области, Ярославского Поволжья, Верхнего Поднепровья.

С 1996 г. по 2001 г. кафедру археологии возглавлял профессор Д. Г. Савинов — крупнейший специалист по древней и средневековой археологии и истории Сибири. По его инициативе была проведена серия научных конференций, посвященных различным видам археологических источников. Из важнейших событий научной жизни кафедры последних двух десятилетий необходимо отметить возобновление традиции выпуска сборника «Проблемы археологии» (1998), участие в организации крупных международных конференций, посвященных 100-летию В. И. Равдоникаса (1994 г.), М. И. Артамонова (1998 г.), В. Ф. Гайдукевича (2004 г.); 150-летию Ф. К. Волкова (1998 г.), А. А. Спицына (2008 г.).

С 2011 кафедра начала новый цикл тематических конференций по археологическим эпохам. Первая конференция «Археологические источники и культурогенез. Таксоны высокого порядка в системе понятий археологии каменного века» состоялась в 2011 г. Вторая конференция «Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы» проведена в 2013 г. Третья конференция этой серии, прошедшая в 2015 г., была посвящена раннему железному веку Евразии. В 2013 г. кафедра археологии совместно с ИИМК РАН, ГЭ и Свободным университетом Берлина организовала и провела российско-германский коллоквиум «Принципы датирования памятников эпохи бронзы, железного века и средневековья».

С 2002 г. кафедру возглавляет член-корр. РАН, профессор Е. Н. Носов — крупнейший специалист в области славяно-русских древностей, руководитель экспедиции на Рюриковом городище под Новгородом, одном из ключевых древнерусских памятников. В 1998–2015 гг. он также являлся директором ИИМК РАН. Сотрудники кафедры проводят полевые исследования археологических памятников различных эпох от палеолита до античности и средневековья на обширной территории от Кольского полуострова до Курской области, Кавказа, Крыма, Италии. Студенты Института истории СПбГУ проходят полевую археологическую практику в шести отрядах кафедры археологии, которые работают как самостоятельно, так и в сотрудничестве с ведущими академическими и музейными археологическими учреждениями России. За 80 лет своего существования кафедра археологии СПбГУ выпустила более тысячи высококвалифицированных

специалистов-археологов, работающих в ИИМК РАН, МАЭ РАН, музеях (Государственный Эрмитаж, Российский этнографический музей и др.), учреждениях культуры и различных государственных организациях. В настоящее время осуществляется подготовка по программам бакалавриата (направление «История», профиль «Археология»), магистратуры (направление «История», профиль «Археология Евразии»), аспирантуры («Исторические науки и археология»).

Международная научная конференция, посвященная 80-летию кафедры археологии СПбГУ — первой в России, прошла 19–21 октября 2016 г. и собрала более 50 специалистов из городов России (Санкт-Петербург, Москва, Воронеж, Липецк, Курск, Краснодар, Симферополь, Керчь, Красноярск, Кемерово, Пермь, Ижевск, Самара) Белоруссии (Минск), Молдовы (Кишинев), Германии (Берлин), Норвегии (Тромсе).

Работа конференции проходила в рамках трех секций. На первой прозвучали доклады, посвященные различным аспектам и направлениям учебной и научной деятельности кафедры археологии и ее выдающихся представителей. Открылось заседание приветствиями в адрес кафедры от трех ведущих учреждений Санкт-Петербурга, в которых работают ее выпускники. С поздравлениями выступили директор ИИМК РАН В.А. Лапшин, директор МАЭ РАН Ю. К. Чистов, заведующий Отделом археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа А. Ю. Алексеев.

Вторая секция «Археологическое образование: прошлое, настоящее, будущее» была посвящена различным проблемам профессиональной подготовки археологов в российских и зарубежных университетах. Причем, часть докладов касалась историографических аспектов этой проблемы, но большая часть затрагивала современные, очень актуальные вопросы, особенно возникшие после перехода отечественного высшего образования на общеевропейскую систему двухуровневой подготовки (бакалавриат и магистратура).

Третья секция, завершившая работу конференции, была посвящена памяти и 95-летию со дня рождения профессора А. Д. Столяра, возглавлявшего кафедру почти четверть века — 1972 по 1996 гг. Доклады, представленные здесь, касались как личности ученого, так и научной проблематики его исследований в области первобытной археологии и изучения первобытного искусства.

И. А. Тихонов, д-р ист. наук,
профессор кафедры археологии СПбГУ,
заведующий Музеем истории СПбГУ

Секция I

Кафедре археологии СПбГУ — 80 лет

УДК 902/904

Е. Ю. Захарова

*Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия***СТАНОВЛЕНИЕ АРХЕОЛОГИИ В ВОРОНЕЖСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (1940–1950-е гг.):
РОЛЬ ЛЕНИНГРАДСКИХ УЧЁНЫХ**

Первые послевоенные десятилетия — это период определения научных приоритетов у историков ВГУ, время становления университетской археологии. В этом процессе немаловажную роль сыграли ленинградские ученые: В. И. Равдоникас, П. П. Ефименко, П. И. Борисковский, А. Н. Рогачёв. Их участие в учебном процессе, привлечение воронежских студентов к полевым работам принесло много пользы для формирующейся археологии в Воронежском университете в целом и способствовало дальнейшему профессиональному росту ее лидера — А. Н. Москаленко.

Ключевые слова: Воронежский государственный университет, П. И. Борисковский, П. П. Ефименко, А. Н. Москаленко, В. И. Равдоникас, А. Н. Рогачёв

E. Y. Zakharova

*Voronezh State University, Voronezh, Russia***FORMATION OF ARCHAEOLOGY IN VORONEZH STATE
UNIVERSITY (1940–1950S): ROLE OF LENINGRAD SCHOLARS**

First after-war decades were a period of determination of scientific priorities among historians working in VSU and formation of academic archaeology. An important role in this process was played by Leningrad scholars: V. I. Ravdonikas, P. P. Yefimenko, P. I. Boriskovsky, A. N. Rogachev. Their participation in educational process, involvement of Voronezh students in field works delivered many benefits for emerging archaeology in the Voronezh University in general and promoted further professional growth of its leader — A. N. Moskalenko.

Key words: Voronezh State University, P. I. Boriskovsky, P. P. Yefimenko, A. N. Moskalenko, V. I. Ravdonikas, A. N. Rogachev

В Воронежском государственном университете, ведущем свою историю с 1918 г., историко-филологический факультет был с момента основания. Это структурное подразделение, пережив на протяжении последующих двух десятилетий многочисленные реорганизации, возродилось в 1940 г. как исторический факультет, а спустя год произошел возврат к изначальной традиции. Историко-филологический факультет имел место в университете с 1941 по 1960 гг., дальнейшая структурная перестройка привела к созданию двух самостоятельных

факультетов, существующих и поныне. Послевоенные десятилетия — это период определения научных приоритетов у университетских историков, время становления археологии в ВГУ. О том, какую роль в этом процессе сыграли ленинградские ученые, и пойдет речь в данной работе.

Первые свидетельства сотрудничества воронежцев и ленинградцев относятся ко времени военного лихолетья: в 1942/43 уч. г., в период нахождения Воронежского университета в эвакуации (г. Елабуга), с немногочисленными студентами исторического отделения работали выдающиеся представители ленинградской научной школы. У крупнейших авторитетов в археологии — профессоров Ленинградского университета В. И. Равдоникаса и П. П. Ефименко — воронежские студенты имели возможность слушать лекции и работать на семинарских занятиях, а также учились навыкам раскопок во время организованной для них летом 1943 г. (впервые в истории факультета) археологической практики. Их деятельность в области археологии нашла отражение в документах официального делопроизводства ВГУ [1, л. 8; 2, л. 77], периодической печати [3], письмах (письма В. И. Равдоникаса жене опубликованы И. А. Тихоновым [4, с. 173–174]; письма С. Н. Бенклиева (декана историко-филологического факультета ВГУ) В. И. Равдоникасу хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН [5] и воспоминаниях [6] непосредственных участников тех событий.

После реэвакуации кадровая проблема на историко-филологическом факультете ВГУ была особенно острой (было всего два штатных преподавателя). С. Н. Бенклиев (декан факультета) писал В. И. Равдоникасу (14.01.1944): «...Пополнился и профессорско-преподавательский состав, но высококвалифицированных специалистов почти нет. В этом отношении Елабуга для нас только мечта... Мы были бы чрезмерно рады, вновь видеть Вас в нашей университетской среде, хотя бы на короткий период, а поэтому если такая возможность будет, то Вы сейчас же сообщите мне...» [5, л. 1–Об.].

Сам Владислав Иосифович впоследствии не приезжал в Воронеж, но становление археологии в ВГУ связано с именем его ученицы Анны Николаевны Москаленко (1918–1981). О ее вкладе в развитие университетской археологии уже написано немало. Здесь хотелось бы подчеркнуть, что она родилась в Петрограде, окончила АГУ, там же в 1945 г. успешно защитила под руководством В. И. Равдоникаса диссертацию на тему «Северяне по археологическим данным» (экземпляр текста диссертации сохранился в Научной библиотеке

им. М. Горького СПбГУ (шифр F IV 1297/М 82). Сохранились письма, почтовые карточки и открытки, адресованные Анной Николаевной своему учителю [7]. Она считала долгом отчитываться перед ним о своей работе в Воронеже. В каждом письме А.Н. Москаленко проводит мысль о том, что стремилась реализовать те цели и задачи, которые были поставлены перед нею в стенах Ленинградского университета: «...Я знаю, что Вы считаете, что я могла бы, сидя в Воронеже, сделать больше. Мне бы тоже этого очень хотелось...» [7, л. 7]. «... Для нас, Ваших учеников, ...Вы, как человек и как личность, всегда являетесь примером и как бы совестью. Хочется, чтобы Вам не было за нас стыдно...» [7, л. 22].

К моменту приезда в Воронеж Анна Николаевна имела за плечами два года педагогического стажа и никакого опыта полевых работ, но благодаря неумолимому энтузиазму и организаторским качествам именно ей удалось заложить основы самостоятельной археологической деятельности на историко-филологическом факультете ВГУ. В этой связи важное значение имели два обстоятельства. Во-первых, благоприятная атмосфера поддержки внутри университетского коллектива, проводником которой по праву можно считать видного историка-энциклопедиста, одного из деятельных членов Московского археологического общества Илью Николаевича Бороздина (1883–1959), последний период жизни которого связан с ВГУ. Вторым важным обстоятельством, способствовавшим становлению археологии в ВГУ, стало наставничество со стороны ленинградских учёных, прежде всего А. Н. Рогачёва и П. И. Борисовского. С Александром Николаевичем Рогачёвым, вероятнее всего, Анна Николаевна познакомилась уже по приезду в Воронеж, а Павел Иосифович Борисовский — это еще один из ее учителей, к тому же руководивший археологическим кружком на историческом факультете ЛГУ в бытность ее студенткой. Кроме того, П. И. Борисовского связывали дружеские отношения с И. Н. Бороздиным, завязавшиеся еще в Ашхабаде [8, с. 148].

Главное, чему училась А. Н. Москаленко у ленинградских археологов, это, конечно же, методике археологических исследований. Свой первый полевой сезон с воронежскими студентами (1948 г.) она провела в Костёнковской палеолитической экспедиции. Со следующего года А. Н. Москаленко начинает самостоятельные полевые изыскания, но студенты ВГУ продолжали ежегодно участвовать в работах этой экспедиции. Двое из них впоследствии влились в коллектив сотрудников Отдела палеолита ИИМК АН СССР — это Лев Михайлович Тарасов и Николай Дмитриевич Праслов. Сохранились свидетельства,

связанные с их студенческой исследовательской работой в ВГУ. Они уже введены в научный оборот [9].

Ленинградские учёные находили возможность для общения с сотрудниками и студентами историко-филологического факультета и помимо полевых работ. Неоднократно принимал участие в открытых заседаниях кафедр, читал лекции студентам и руководил их научно-исследовательской работой А. Н. Рогачёв. Первый раз он, как начальник Воронежско-Курской экспедиции ИИМК АН СССР, выступал на заседании кафедры всеобщей истории (зав. И. Н. Бороздин) 4 ноября 1949 г. [10, л. 16]. Для восстановления истории становления археологии в ВГУ важным является тот факт, что тогда же доцентом кафедры С. Н. Бенклиевым впервые было высказано предложение «возбудить ходатайство перед Министерством о разрешении открытия на факультете специализации по археологии» [10, л. 17]. Было принято решение вернуться к обсуждению этого вопроса на следующем заседании, но этого не произошло (впервые специализация по археологии в ВГУ была открыта в 1967 г. для студентов из Вьетнама).

Следующий прием на факультете ведущих ленинградских археологов датируется 1953 г. Полевой сезон этого года ознаменовался сенсационным открытием погребения палеолитического времени в Костёнках. Воронежские историки и археологи не остались равнодушны к этому событию. В сентябре П. И. Борисковский выступил на открытом объединенном заседании кафедр истории СССР и всеобщей истории ВГУ, куда были приглашены преподаватели педагогического института, сотрудники музея краеведения, студенты [11, л. 8]. В первом семестре того же учебного года студентам ВГУ представилась уникальная возможность послушать лекцию М. М. Герасимова «О восстановлении лица по черепу» [12, л. 38].

Организация самостоятельных археологических исследований в ВГУ была бы невозможна без широкого привлечения к ним студенчества. К тому же по-прежнему актуальной для региона оставалась проблема подготовки кадров профессиональных археологов. Это прекрасно понимала А. Н. Москаленко, в 1948 г. организовав и возглавив научный студенческий археологический кружок. Собственный опыт участия в аналогичном объединении Ленинградского университета, надо полагать, здесь ей очень пригодился. Археологический кружок ВГУ получил широкую известность в университетах страны [13].

Важно также отметить, что одной из последовательно реализуемых Москаленко задач было совершенствование университетского курса «Основы археологии». В ряде статей и рецензий на учебник

археологии А. В. Арциховского, опубликованных в 1950-х гг., она определила основные требования к преподаванию данного предмета, которые вполне справедливы и сейчас [14; 15]. Несомненно, в данном случае мы имеем дело с продолжением традиций, заложенных в стенах Ленинградского государственного университета.

Таким образом, как уже справедливо отмечалось в публикациях, общение с ленинградскими учеными принесло много пользы для становления археологии в Воронежском университете в целом и сыграло немалую роль в профессиональном росте А.Н. Москаленко [16, с. 171; 17, с. 31].

Литература и источники:

1. Государственный архив Воронежской области (далее — ГАВО). Ф. Р–33. Оп. 1. Д. 4.
2. ГАВО. Ф. Р – 33. Оп. 1. Д. 250.
3. Учительская газета. 20 октября 1943 г. № 42.
4. Тихонов И. Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 332 с.
5. Санкт-Петербургский филиал архива РАН (далее — СПбФ АРАН). Ф. 1049. Оп. 3. Д. 36.
6. Проторчина В. М. Мои студенческие годы (1941 – 1945 гг.): По дневникам и письмам. Воронеж: ВГУ, 2000. 48 с.
7. СПбФ АРАН. Ф. 1049. Оп. 3. Д. 114.
8. Жизнь и судьба профессора И.Н. Бороздина: В 2 ч. Ч. I: Бороздина П. А. «Думой века измерил...» / Предисл. Н. И. Якушкиной. Ч. II: Дарственные надписи на книгах из библиотеки И. Н. Бороздина: Каталог / Сост. М. К. Белинова, Т. М. Трубарова, Н. М. Федосова. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000. 408 с.
9. Захарова Е.Ю. Костёнковская палеолитическая экспедиция ЛОИ-ИМК АН СССР и становление археологии на историко-филологическом факультете Воронежского государственного университета (конец 1940-х — 1950-е гг.) // Записки Института истории материальной культуры РАН. 2014. № 10. С. 49–57.
10. ГАВО. Ф. Р–33. Оп. 16. Д. 16.
11. ГАВО. Ф. Р–33. Оп. 16. Д. 43.
12. ГАВО. Ф. Р–33. Оп. 16. Д. 39.
13. Москаленко А. Н. О работе студенческих археологических кружков // Советская археология. 1960. № 4. С. 215–217.
14. Москаленко А. Н. К вопросу о преподавании курса «Основы археологии» // Вестник древней истории. 1953. № 3. С. 191–196.

15. Москаленко А. Н. Рец.: Арциховский А. В. Основы археологии. М., 1954 // Вопросы истории. 1955. № 3. С. 155–159.
16. Винников А. З. А. Н. Москаленко и ее вклад в развитие археологии в Воронежском университете // Российские университеты в XIX — начале XX века: Сб. статей. Вып. 2. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. С. 171–179.
17. Пряхин А. Д. Археология в Воронежском госуниверситете (1918 — начало 90-х гг. XX в.). Кн. 1. Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2013. 140 с.

УДК 902/904;930.1

Л. С. Клейн
ОБ ИДЕАЛЬНОЙ СРЕДЕ ДЛЯ ПРЕПОДАВАНИЯ
АРХЕОЛОГИИ

Для успешной работы полезно иметь нацеленность на конечный, идеальный результат. На мой взгляд, успешное преподавание археологии предполагает а) высокий ее статус и престижность, б) обособление науки как самостоятельной дисциплины, в) размещение ее в оптимально подходящем факультете (на мой взгляд антропологическом) и г) объединение преподавания с исследованием (в нашем случае с академическими учреждениями и Эрмитажем).

Ключевые слова: археология, преподавание, престиж, антропологический факультет, исследование, самостоятельность.

L. S. Klein
ABOUT THE IDEAL ENVIRONMENT FOR TEACHING
ARCHEOLOGY

For the successful work it is useful to be aimed on the final ideal result. The successful teaching of archaeology implies a) its high status and the halo of prestige, b) the establishment of archaeology as a self-reliant discipline, c) its location within an optimally fitting school (on my opinion the anthropological faculty), and d) junction of teaching with research activity (in our case with academic institutions and Hermitage Museum).

Key words: Archaeology, teaching, prestige, anthropological faculty, research, self-reliance.

Нацеленность на идеалы. Кафедра археологии, юбилей которой мы отмечаем, переживает нелегкие времена. Не скажу худшие — бывало хуже. Не скажу и лучшие — бывало куда лучше. Но равняться

на прошлое, каким бы оно ни было успешным, не обещает успеха в будущем. Поэтому я, с позиции своих 90 лет и 70 лет в археологии, постарюсь очертить ту идеальную среду, которая, на мой взгляд, нужна для того, чтобы преподавание археологии было наиболее успешным.

Я понимаю, что это вряд ли достижимо в скорости, что идеал очень далек от реальности, что это неосуществимо ни сегодня, ни завтра, что не до жиру – быть бы живу, но идеал всегда нужно иметь перед внутренним взором, чтобы двигаться в верном направлении.

Не стоит бояться забегания вперед. В 1972 г., т. е. почти полвека назад, Всеволод Сергеевич Сорокин, бывший тогда ученым секретарем ЛОИА, выдал мне такой отзыв на теоретическую работу:

«...работа А. С. Клейна представляет собой нечто новое для советской археологии. Более того, в настоящее время большинство советских археологов ни по специфике своих профессиональных знаний, ни по психологии, ни технически не готовы к тому, чтобы принять общую теорию археологии предлагаемую А. С. Клейном, ни хотя бы оценить ее по достоинству».

Он тогда рекомендовал ее к печати, но она, конечно, не была принята [11, с. 218]. Мне оставалось ждать, пока советская археология созреет. Она, так и не созрев, почил в бозе. А ее преемница, постсоветская археология сразу же захотела по крайней мере послушать, что там вещает этот еретик. Насчет же осуществимости витающих в небе теорий – жизнь приносит не только разочарования, но и счастливые неожиданности. Всё возможно, но нужно быть верно нацеленным, чтобы в нужный момент оказаться во всеоружии.

Первое, что, на мой взгляд, необходимо для успешного преподавания археологии — это ее *высокий статус*. Учебная дисциплина не может преподаваться успешно, если соответствующая ей наука не престижна, не привлекает ни талантливых профессоров, ни живую и многообещающую молодежь. Если она не пользуется общественной поддержкой и признанием. Если в стране археология не признается специальностью, не является официально признанной профессией, а считается лишь боковой специализацией истории [2], если мы не можем стать докторами археологии, а должны стыдливо прятаться за дипломами кандидатов и докторов исторических наук, то это сказывается и на селекции кадров. Моя мать была отличным хирургом и руководителем медицины, но она очень долго стеснялась моего выбора и говорила, что у нее два сына: один удачный, а другой археолог.

Повышения статуса нашей науки можно добиваться как борьбой за законодательные решения, так и нашей повседневной работой. В

ней больше места должен занимать разговор с народом, популяризация археологии и приучение народа к почитанию древностей [12]. Возможно, что этому стоило бы уделить специальный курс в программе археологического образования. Не у каждого есть дар к популярному изложению, но азы этого дела помогут каждому археологу, а это внесет свою долю в повышение статуса нашей науки.

Второе, что необходимо, это реальное выделение и *обособление археологии* как науки, теоретически обоснованное и практичное. Конечно, ныне масса открытий осуществляется на стыке наук, а археологу, по самой природе его деятельности, необходимо знать и овладевать многими методами и знаниями из смежных и далеких наук. Но он их должен объединять на основе задач своей профессии, и прежде всего он должен владеть именно ею. Иначе дифференциация наук, заходящая всё дальше и определяющая высшее образование, не имела бы смысла.

И прежде всего нужно *отграничить археологию от истории*. Не потому, что история ей особенно чужда, а потому, что история по ряду причин наслочилась на археологию, слилась с нею и подменила ее. Она стала выполнять ее функции на ее материалах своими методами, которые для этого не годятся. У нас это по одним причинам, на Западе — по другим, но происходит и тут, и там. И в Англии, Франции, и Германии первобытную археологию и зовут-то *prehistory*, *préhistoire*, *Vorgeschichte*. Нужно выделить отдельную науку преисторию, поставить ее в ряд с древней историей, средневековой и т. д., а археологию изучать в одном ряду с этнографией, антропологией, нумизматикой, текстологией и т. д. Немногие археологи придерживались этой логики, но зато такие, как Грэйм Кларк, Ирвинг Рауз, Поль Курбэн [15, с. 9–10; 21, с. 28; 16, с. 132]. В Советской России это был Равдоникас, который создал учебник истории первобытного общества — как синтетической науки [13, 14].

В ряде работ я отстаивал эту традицию [3, 4, 5, 6, 9, 18, 19, 20]. В своих предложениях я отстаивал ее наиболее последовательно из всех — вплоть до разделения кафедр. Считаю, что кафедра преистории должна оставаться на историческом факультете (надеюсь, что институты вместо факультетов — явление экзотическое и временное), а вот насчет кафедры археологии — это надо думать, на каком факультете ей быть.

Третье, что требуется, это именно *подобрать подходящий факультет* для кафедры археологии. В разных странах аналогичные кафедры находятся на разных факультетах: где — на философских, где

на исторических, где — на антропологических. С одной стороны, свои материалы археологи передают историкам и, казалось бы, сам бог велел им находиться рядом. Но это в основном археологи-медиевисты, археологи же Востока и античности больше связаны с филологами, а первобытники — с антропологами и этнографами. Если исходить из методов, то по методам, да и по многим знаниям первобытники тесно связаны с геологами и палеонтологами, также с физическими антропологами, а теперь и с генетиками. Вообще, с моей точки зрения, по всей системе методов, включая и методы точных наук, археологи родственны не историкам, а криминалистам, детективам. Археолог — это следователь, опоздавший на тысячи лет к месту событий. Он отвечает на вопросы что, где, откуда, когда и как. А вот историк — как судья: отвечает на вопрос почему и дает оценку. Поскольку история — наука о причинно-следственной связи событий [7, 8].

Я считаю, что по всей системе методов, которыми оперирует археолог, наилучшей средой для археологов является *антропологический факультет*. Факультет, на котором с кафедрой археологии соседствовали бы кафедры антропологии (ее в России вообще нет), этнографии, четвертичной геологии и палеонтологии, теоретической лингвистики, первобытного и древнего искусства, исторической географии и климатологии, культурологии, музееведения. Не думайте, что такой факультет у нас невозможен. Он даже был близок к осуществлению. В 1995 г. в бытность ректором Людмилы Алексеевны Вербицкой я, будучи после длительного отсутствия профессором Университета, подал докладную записку с предложением создать такой факультет, а тогда факультеты рождались запросто, и записка была воспринята положительно и рекомендована к исполнению, проректору было поручено принять меры по осуществлению. Однако дело застопорилось из-за трудностей по подбору некоторых руководящих кадров.

Четвертое. Кроме того, я считаю, что такой факультет должен быть *максимально объединен с Академией наук, с ИИМКом, и с Эрмитажем*. Во-первых, лучшие силы науки должны быть привлечены к преподаванию, как это бывало в истории нашей кафедры, а во-вторых, студенты должны быть с самого начала вовлечены в исследовательскую деятельность — и это тоже у нас было [17, 10]. Так что в принципе это вполне реально.

Идеи реализуются. Вообще хочу сказать тем, кто убежден, что это всё пустые фантазии, абсолютно неосуществимые. Да, это большой отлет от реальности, а я, конечно, теоретик-фантазер. Но

мои фантазии имеют одно странное свойство – они имеют тенденцию реализовываться, сбываться.

1. *Пример.* Полвека назад я мечтал написать и издать *целый корпус книг по теории и методам археологии*, а также по истории этой науки, которую я считал отраслью теоретической археологии. При известном отношении в археологической среде к теории и при том, что я не был административным лицом — никаким научным начальником — и не имел надежды им когда-нибудь стать, это было абсолютно несбыточной мечтой. Но вот же они написаны и изданы, изданы у нас, переводятся за рубежом. «Археологические источники», «Археологическая типология», «Принципы археологии», «Введение в теоретическую археологию», «Археологическое исследование», «Новая археология», «История археологической мысли», «История антропологических учений», «Теоретический словарь археологии», «Время в археологии», «Этногенез и археология», «Феномен советской археологии» и другие. Я Вам более того скажу: я вряд ли смог бы осуществить эту масштабную затею за рубежом. А здесь с великими трудностями и задержками, но осуществил.

2. *Другой пример.* В самом разгаре перестройки, в 1987 г., прослышав, что в Москве задумали создать Американский университет, я подумал, что в Питере надо бы создать *Европейский университет* — для европеизации нашей науки [1; 11, с. 515–517]. Но наступали «лихие 90-е», страна была нищей. А я в это время был уволенным из Университета и лишенным степеней и званий отщепенцем, это была, конечно, абсолютно беспочвенная идея неисправимого фантазера. Но я сколотил оргкомитет, зажег этой идеей инициативных людей, помог авторитетным руководителям, возглавившим это дело, получили здание — и вот же работает в Петербурге Европейский университет. Правда, он вышел не совсем таким, каким я его планировал — в нем нет студентов, только аспиранты, и нет археологии. Но университет получился классный!

3. *И еще пример.* Я полвека боролся за формирование *теоретической археологии как отрасли*, считал, что теоретиков нужно готовить особо, вел теоретический семинар. Теоретическая археология сформировалась в середине 1970-х. Но ясно, что создать кафедру теоретической археологии было абсолютно несбыточной затеей. И вот же она создана! Существует! Правда, в Лондоне, и заведует ею мой друг Стив Шеннан. Но наука не имеет границ. Сегодня в Лондоне (или где-то еще на Западе), а завтра в Петербурге. Как компьютеры, мобильники, джинсы и джаз. Да и те же университеты и академии. И тот же Пе-

тербург. И та же археология. Вот поэтому я и призываю планировать великое будущее, невзирая на убогие сегодняшние реалии и ориентируясь на лучшие мировые тренды. Но не забывать, что в мире, как и у нас, есть не только лучшие. Наша главная задача — верно выбрать и определить свои идеалы. Сегодняшние идеалы — это завтрашние реалии. Я дожил до реализации некоторых своих идеалов. Доживете и вы, но для этого их надо иметь и не упускать из виду.

Есть одна древняя латинская пословица, которую вы не знаете и не можете знать, потому что ее придумал я: *auditu aude!* Чтобы быть услышанным, дерзай!

Литература:

1. Европейский университет от А до Я и далее / Под общ. ред. О. Калачевой и К. Федоровой. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2006.
2. Клейн Л. С. Охота на львов. Специальность или специализация? // Ленинградский университет. № 35 (1284). 1962. 1 июня. С. 3; № 36 (1285). 1962. 5 июня. С. 3.
3. Клейн Л. С. Предмет археологии. — Археология Южной Сибири // Известия кафедры археологии Кемеровского университета. Вып. 9. Кемерово: Изд-во Кемеровского университета, 1977. С. 3–14.
4. Клейн Л. С. О предмете археологии (В связи с выходом книги В. Ф. Генинга «Объект и предмет науки в археологии») // Советская Археология. 1986. № 3. С. 209–219.
5. Клейн Л. С. В защиту «чистой археологии» // Советская Археология. 1991а. № 2. С. 102–110.
6. Клейн Л. С. Рассечь кентавра. О соотношении археологии с историей в советской традиции // Вопросы истории естествознания и техники. 1991б. № 4. С. 3–12.
7. Клейн Л. С. Методологическая природа археологии // Российская Археология. 1992. № 4. С. 86–96.
8. Клейн Л. С. Принципы археологии. СПб.: Бельведер, 2001.
9. Клейн Л. С. Введение в теоретическую археологию. Кн. I. Мета-археология. СПб.: Бельведер, 2004.
10. Клейн Л. С. Обучение археологии в Петербурге: традиции и проблемы // Антропологический форум. 2005. № 3. С. 38–58.
11. Клейн Л. С. Трудно быть Клейном. Автобиография в монологах и диалогах. СПб.: Нестор-История, 2010.
12. Клейн Л. С. Археология: разговор с народом // Евразийский археологический сборник: К 60-летию С. В. Кузьминых / Под общ. ред. А. С. Вдовина и И. В. Тункиной. СПб.—Красноярск, 2012. С. 189–292.

13. Равдоникас В. И. История первобытного общества. Ч. I, II. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1939–1947.
14. Савинов Д. Г. Перечитывая учебник Равдоникаса // Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора В. И. Равдоникаса. Тезисы докладов. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1994. С. 81–83.
15. Clark J. G. D. Archaeology and society. Reconstructing the prehistoric past. 2nd ed. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1957.
16. Courbin P. What is archaeology? An essay on the nature of archaeological research. Chicago–London: Chicago University Pres, 1988.
17. Klejn L. S. Die Ausbildung der Archäologen in der UdSSR // Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift (Berlin), 1972. Jg. 13. Nr. 3. P. 443–456.
18. Klejn L. S. To separate a centaur: On the relationship of archaeology and history in Soviet tradition. Antiquity. Vol. 67, 1993, no. 255. P. 339–348.
19. Klejn L. S. Prehistory and archaeology // Kuna M. and Venclova N. (eds.). Whither archaeology? Papers in honour of Evžen Neustupny. Praha: Institute of archaeology, 1995. P. 36–42.
20. Klejn L. S. Metaarchaeology (Acta Archaeologica, København, vol. 72:1, supplementa vol. III). Blackwell–Munksgaard, 2001.
21. Rouse I. B. Introduction to prehistory: a systematic approach. New York et al. McGraw–Hill, 1972.

УДК 902/904

Е. Р. Михайлова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

**О ТОПОХРОНАХ, ВАРАНГИКЕ И МЕТАФИЗИКЕ
ПЕТЕРБУРГА. ИДЕИ Г. С. ЛЕБЕДЕВА В АРХЕОЛОГИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДА**

Труды Г. С. Лебедева, без преувеличения, составили целую эпоху в ленинградской–петербургской археологии. Настоящее сообщение посвящено не реализованному проекту Г. С. Лебедева – музею «Археология России и вклад А. А. Бобринского в развитие российской археологической науки». Рукопись концепции музея в сжатом, порой тезисном виде излагает систему взглядов исследователя на ключевые проблемы археологии.

Ключевые слова: археология, историография, Санкт-Петербург, научная парадигма, топохрон, регионалистика

E. R. Mikhaylova

St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia

**ABOUT TOPOCHROME, VARANGIKA AND METAPHYSICS
PETERSBURG. IDEAS BY G.S. LEBEDEV FOR THE ARCHAEOLOGY
OF THE NORTH-WEST**

Works by G. S. Lebedev literally have formed the whole epoch in the Leningrad-Petersburg archeology. The presentation focuses on unrealized project by G. S. Lebedev, the museum «Russian archeology and the contribution by A. A. Bobrinsky to the development of the Russian archeological science». Manuscript of the museum concepts presents the researcher's system of views on the key issues of archeology.

Key words: archeology, historiography, St. Petersburg, scientific paradigm, topochrone (space-time), regionalistics.

Размышляя в дни юбилея Кафедры об «университетской археологии», нужно вспомнить оставшийся не реализованным проект музея «Археология России и вклад А. А. Бобринского в развитие российской археологической науки», разработанный Г. С. Лебедевым в самом начале 2000-х гг., в связи с передачей дворца графов Бобринских на Галерной улице Университету. Переданное в 1999 г. здание нуждалось в реставрации, и в 2001 г. на территории дворцового комплекса (преимущественно в парадном дворе и в выходящем на Адмиралтейский канал саду) были заложены археологические и архитектурно-археологические шурфы, которые должны были выявить современное состояние существующих сооружений, а также получить информацию об утраченных постройках на территории сада и о предыстории самого земельного участка на Галерной ул., 60. (Основные результаты этих работ, непосредственно планировавшихся Г. С. Лебедевым, позднее были опубликованы [1]).

Одновременно Г. С. Лебедев начал разрабатывать предварительный проект учебного музея, который был бы посвящен истории развития гуманитарного знания в России и раскрывал бы тему на материале деятельности Императорской Археологической комиссии, последним председателем которой был граф А. А. Бобринский. Предполагалось, что вновь создаваемый музей не займет несколько изолированных помещений, а распределится по всему дворцовому комплексу, объединяя и структурируя пространство на Галерной, 60, вокруг археологии как самой объективной, «приземленной» из исторических дисциплин, составляющих важную часть самопознания общества. Особое место в организованной таким образом экспозиции могли бы занять не-

большие стены в сохранившихся дворцовых интерьерах и экспонаты, размещенные в кабинете А. А. Бобринского, где бывали члены Археологической комиссии.

Проект, как известно, реализован не был, в здании дворца Бобринских разместился Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, однако разработки Глеба Сергеевича сохранились в архиве Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева СПбГУ. Это объемистая распечатка, озаглавленная «Историко-архивные исследования и рекомендации к проекту приспособления части здания дворца Бобринских под музей „Археология России и вклад А. А. Бобринского в развитие российской археологической науки“», — перечень экспозиционных тем и одновременно сжатый конспект взглядов на ключевые проблемы археологии.

Сам Глеб Сергеевич указывал, что предлагаемая им концепция опирается на круг идей и тем, разработанных в читавшемся им на Кафедре археологии ЛГУ курсе лекций по истории археологии; основные положения его проекта отсылают читателя не только к «Истории отечественной археологии» [2], но и к «Основаниям регионалистики» [3], и к рукописи «Эпохи викингов в Северной Европе и на Руси» [4], и к многочисленным статьям, выступлениям и заметкам. Остановимся на главных, наиболее актуальных для нынешней петербургской археологии положениях.

Уже в преамбуле своей работы Г. С. Лебедев сразу задает высокую планку, определяя предмет и цели археологических исследований в общем контексте гуманитарной культуры. Изучение историографии видятся ему важным путем к самопознанию исторической науки и определению долга историка перед обществом. «Точный и строгий ответ на этот вопрос соединяет в единое целое задачу научно-познавательную и морально-этическую, нравственную».

Археология в этом построении занимает одно из важнейших мест, и не только потому что являлась предметом специальных занятий как прежнего владельца дворца, так и автора музейной экспозиции. «Какова культурная функция археологии? Почему она на протяжении десятилетий сохраняет свою притягательную силу для новых и новых поколений? Дело, видимо, именно в том, что археологии принадлежит уникальная культурная функция: материализация исторического времени. Да, мы исследуем „археологические памятники“, то есть попросту копаем старые кладбища и свалки. Но ведь при этом мы совершаем то, что древние с почтительным ужасом называли „Путешествием в Царство Мертвых“. Связывая древние вещи с отложениями земли, в

которых они лежат, и осмысливая эти связи, археология создает материальную и объективную основу для объективного общественного самосознания.

Археология переводит субъективную самооценку общества в систему объективных временных, исторических координат, устанавливает подлинный (объективно достоверный, зафиксированный внешней, материальной документацией, геологической стратиграфией, естественно-историческими фактами, намертво впечатанными в фактуру Земли, на которой живем) масштаб хронологической дистанции, пройденной обществом и его культурой в процессе исторического развития. В общественном самосознании археология осуществляет объективацию ориентирующей функции исторической науки. Именно поэтому общество с развитым самосознанием испытывает растущую потребность в данных археологии, в объективации исторического времени».

В соответствии с реализованным в «Истории отечественной археологии» взглядом на развитие науки как на цепь сменяющих друг друга научных парадигм, Г.С. Лебедев перечисляет следующие актуальные парадигмы археологии:

- 1) этнологическая парадигма (культура = этнос);
- 2) социологическая парадигма (культура — модель социума);
- 3) дескриптивная парадигма (культура = тип как система признаков);
- 4) технологическая парадигма;
- 5) экологическая парадигма (культура — часть экосистемы);
- 6) коммуникативно-культурная парадигма (культура как система коммуникаций), — и формулирует значимость соответствующих подходов для общественного самопознания. «Археология... реализует, следовательно, собственный потенциал как средства объективации исторического знания, то есть технологическую возможность стабилизации ориентирующей функции в общественном развитии, применительно к процессу развития археологического знания как особому объекту познания. Эта теоретическая трансформация парадигмы совпадает с максимальным расширением археологического знания (эпистемы) в хронологическом, пространственном (глобальном) и структурном аспектах. В России археология сопровождала серии реальных социально-политических трансформаций на протяжении XX столетия (1917–1991 гг.)».

Тезис о сопряженности археологической мысли с общественным развитием в целом («рефлексирующая археология») и позволяет ав-

тору отразить в истории узкой научной дисциплины, как в капле воды, широчайший спектр общественных и духовных проблем. Важнейшей особенностью археологических источников выступает их очевидная материальность и объективность, точное соотнесение с топографией и хронологией. Для этого вводится понятие «топохрона», парное и одновременно зеркальное к «хронотопу» — художественному единству времени и пространства [5]. Работа с совокупностями «топохронов» (артефактов и комплексов с надежной топографией и хронологической определенностью) — суть ремесла археолога, сохраняющего и интерпретирующего для современников «все материализованные следы древней человеческой деятельности, т. е. сферу антропогенного воздействия на окружающую среду древних (переставших функционировать) обществ».

«Тип артефакта становится исторически значимым, обретает содержание исторического источника прежде всего тогда, когда он вместе с окружающим культурным контекстом адекватно определен в координатах места (локализация археологического артефакта, комплекса, памятника, комплекта памятников в пределах ареала) и времени (стратиграфическая, относительная и абсолютная историческая датировка)». «„Комплект памятников“ (исторически данная системная совокупность артефактов в ландшафте) рассматривается и выступает как „топохрон“ (системное описание этой совокупности в координатах „археологического пространства — времени“); это преобразование — ключевая из исследовательских операций археологии».

Другое ключевое понятие в развиваемой концепции — регионалистика, для петербургской археологии оно имеет особенное значение. Своеобразие петербургской археологической школы Г. С. Лебедев видел в ее изначальной двойственности, сопряжении задач изучения регионального прошлого и широкой евразийской перспективы с самого начала археологии в Петербурге. «„Феномен петербургской археологии“ определился также изначальной „двойственностью“ положения и статуса петербургской науки в целом. Сосредоточенная в новой столице империи, эта наука должна была решать неотложные и новаторские задачи в масштабах всей страны». Таким образом, окрестности Петербурга и Северо-Запад в целом оказывались своего рода исследовательским полигоном, на котором отработывались подходы и методики для изучения огромного пространства империи. Археология Северо-Запада, при таком взгляде, оказывается почти равновелика археологии Евразии, не теряя при этом собственного

содержания. Особенно важны становятся результаты региональной археологии для разрешения многих «больных» вопросов русской истории, начиная с варяжской проблемы и путей сложения русской культуры и государственности.

«Региональные исследования заставляют по-новому оценить и такое явление, как генезис и развитие урбанизма Санкт-Петербурга. Вопреки устоявшейся мифологеме, город возник не просто „из тьмы лесов, из топи блат“, но представлял собою закономерную ступень эволюции древнерусского урбанизма, от начальных форм его, представленных „протогородским слоем“ Староладожского Земляного городища VIII–IX вв., укрепленными „градками“ погостов X–XIII вв., к развитым средневековым формам урбанизма Старой Ладоги XII–XVII вв., уникальной системе каменных пограничных крепостей XIV–XVI вв., и в начале XVIII в. именно эта эволюция органично завершилась созданием нового российского порта и крепости на выходе в Балтику — Санкт-Петербурга. „Археология Петербурга“ как субдисциплина археологической науки рубежа XX–XXI вв. обрела собственный статус и задачи: наряду с изучением региональных предпосылок становления Санкт-Петербурга, все более результативным оказывается применение археологических приемов исследования к изучению ранних этапов строительства и истории города на Неве».

В изложенных мыслях и темах ясно отражается бурная жизнь Петербурга 1990–2000-х гг. с ее часто наивными и поспешными надеждами (вспомним о политической деятельности Глеба Сергеевича). Автор и сам прекрасно осознавал зависимость гуманитарных концепций от времени и общественных настроений, их взаимную обусловленность. Особенно важно, что заявленная им концепция должна была лечь в основу учебного музея, то есть имела в первую очередь дидактическое значение — отсюда подчеркнутое внимание к этическим и мировоззренческим аспектам. Однако сформулированные положения важны и для сложившихся исследователей. В повседневной рабочей суете, с постоянно довлеющей отчетностью, работой порой над несколькими проектами разом, очень важно напоминание о необходимости сохранять целостный взгляд на профессию, помнить об ответственности исследователя перед культурным наследием, не имеющим иных глашатаев, кроме нас.

Литература:

1. Лебедев Г. С., Михайлова Е. Р. Архитектурно-археологические исследования на территории дворца графов Бобринских // Труды

Санкт-Петербургской археологической экспедиции СПбГУ. Т. I: Археологическое изучение Санкт-Петербурга в 1996–2004 гг. СПб., 2005. С. 122–135.

2. Лебедев Г. С. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб., 1992. 464 с.

3. Основания регионалистики: Формирование и эволюция историко-культурных зон Европейской России / Под ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. СПб., 1999. 392 с.

4. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005. 640 с.

5. Ухтомский А. А. О временно-пространственном комплексе, или хронотопе // Ухтомский А. А. Доминанта. Статьи разных лет. 1887–1939. СПб., 2002. С. 67–71.

УДК 902/904

Е. Н. Носов

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

В. И. РАВДОНИКАС И ЕГО ЛАДОЖСКАЯ ЭПОПЕЯ

Профессор Ленинградского университета В. И. Равдоникас — необычная фигура в отечественной археологии. Он внес огромный вклад в развитие самых разных областей современной археологии, от эпохи первобытности до средневековья, внедряя новые тенденции в их изучение. Одной из главных сфер деятельности профессора стало изучение Старой Ладого.

Ключевые слова: В.И. Равдоникас, Старая Ладога, раскопки, раскоп, методика, горизонт.

E. N. Nosov

St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia

V. I. RAVDONIKAS AND HIS LADOGA EPIC

Professor of Leningrad University V. I. Ravdonikas is an unusual figure in Russian archeology. V. I. Ravdonikas made a great contribution to the development of various fields of modern archeology introducing new trends in their study from the era of primitive to medieval times. One of the main areas of the professor's activity was the study of the Old Ladoga.

Key words: V. I. Ravdonikas, Old Ladoga, excavations, excavation, methods, horizon.

На восстановленном в 1934 г. историческом факультете Ленинградского университета в 1936 г. появилась кафедра истории доклассового общества, переведенная сюда при слиянии с университетом Ленинградского института истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ). По сути дела кафедра являлась кафедрой археологии и поэтому в 2016 г. мы и отмечаем ее 80-летие. В 1938/1939 учебном году Археологическое отделение уже функционировало под своим профильным названием. Во главе кафедры стал В. И. Равдоникас, которому в 1935 г. в связи с восстановлением в СССР ученых степеней была присуждена степень доктора исторических наук.

Практически сразу после своего назначения заведующим В. И. Равдоникас, оставшийся на этом посту до 1948 г., основал масштабную Староладожскую экспедицию ЛГУ. Как он сам отмечал в 1949 г.: «Для организации собственных исследований отделение избрало в 1938 г. в качестве главного объекта своего изучения в настоящее время археологические памятники Старой Ладоги и ее района. Вблизи Ленинграда нет более интересной в археологическом отношении местности, чем район Старой Ладоги: Ладога была одним из важнейших центров Древней Руси... Систематическое исследование земляного городища Ладоги и прилегающей к нему зоны путем планомерных, рассчитанных на продолжительное время археологических раскопок должны раскрыть исключительно интересную и важную для понимания древней истории СССР картину возникновения и развития древнерусского города (формы жилищ, планировка поселения, материальное производство, бытовая обстановка и т. д.). В окрестностях Ладоги имеются неолитические стоянки, а вся территория юго-восточного Приладожья исключительно богата курганами и другими памятниками XI–XII вв. Это богатство... создает весьма благоприятные условия для полевых археологических исследований и для организации здесь полевой практики студентов в ее различных формах — от первичного знакомства с памятниками и простейших приемов их обследования, описания и фиксации до активного участия в сложной исследовательской работе по раскрытию культурных напластований». Староладожская экспедиция стала первой большой постоянной собственно университетской археологической экспедицией.

В. И. Равдоникас, неординарная и противоречивая фигура отечественной археологии, всегда в годы своего активного научного творчества находился на передовом крае советской науки. «Красный демон археологии», как назвал его Л. С. Клейн в своих историографических очерках. При внедрении в археологию марксизма В. И. Равдоникас, в

яростной полемике, не считался с авторитетами и заслугами, безжалостно разносил труды отечественных археологов, как дореволюционной школы, так и своих коллег — современников. Его издевательская и едкая критика была сродни доносам, любовно культивируемым советской властью. В. И. Равдоникас, как тонкий, прозорливый и умный профессор и политик прекрасно понимал, что за его погромными статьями маячат ворота сталинских лагерей (слащавые рассуждения А. Д. Столяра, пытавшегося убедить, что его учитель оставался «в плену гипнотической пропаганды» и в неведении «криминальной сущности режима» не убеждают даже наивного человека). Том «Советской археологии» в страшный 1937 г. открывался статьей «О вредительстве в области археологии и ликвидации его последствий». Автором анонимной передовой, направленной на развенчание «врагов народа», был В. И. Равдоникас, что он сам не скрывал. Даже А. Д. Столяр всегда склонный приукрашивать личность В. И. Равдоникаса, не мог не упомянуть указанную передовую и заметил: «Равдоникас совершил над собой роковое насилие... Далее ничто не могло успокоить его совесть...». Может быть и так, мы этого достоверно никогда не узнаем, но до конца 1940-х годов В. И. Равдоникас продолжал активную деятельность на историческом поприще руководства наукой, пока железный каток идеологической машины, которой он исправно служил, не прокатился и по нему самому, заставив замолчать, но даровав, в отличие от многих советских коллег, право на жизнь в течение еще более 25 лет.

Если бы публицистика В. И. Равдоникаса ограничивалась лишь статьями теоретического плана и идеологическими поучающими установками, то его имя уже давно осталось бы в области историографии и оценки становления советской догматической гуманитарной науки. Скучно и даже порой противно читать гадостные ехидные замечания умного человека. «Этот археолог, — еще в 1953 г. отметил А. В. Арциховский, — вообще наиболее восприимчив ко всем веяниям, лишь бы они были вредные». Однако, личность В. И. Равдоникаса оказалась более многогранной и сложной и не ограничивалась просто умением обличать и выявлять. Он не только жестоко и язвительно мог бичевать коллег, но и чутко улавливать новые тенденции в самых разных областях современной археологии, от эпохи первобытности до средневековья. И сделал здесь немало.

Такой сферой деятельности оказалось изучение Старой Ладogi. С одной стороны, район Ладogi, как и всё Приладожье В. И. Равдоникас прекрасно знал с юности. Здесь в Тихвинском крае зародился его

интерес к древностям, здесь он начал свою краеведческую и научную деятельность, проведя в 1915 г. свои первые археологические раскопки, отсюда он направился в Ленинград в Академию покорять вершины науки и строить свою стремительную карьеру. С другой стороны, Ладога могла стать (и так и получилось) прекрасным полигоном для разработки и конкретизации общих взглядов на начальную историю формирования средневекового общества и государства на Руси. Основа концепции В. И. Равдоникаса начала складываться в середине 1920-х гг. уже в его первой печатной работе 1924 г. «Историческое прошлое Тихвинского края». Она получила свою кристаллизацию в книге, изданной в 1930 г. в Стокгольме на немецком языке, сделавшей имя В. И. Равдоникаса широко известным среди западноевропейских ученых, а также в принципиальной статье 1934 г. «О возникновении феодализма в лесной зоне Восточной Европы в свете археологических данных».

По мнению В. И. Равдоникаса время с конца VIII до XII в. для северной и средней части Восточной Европы было переходным от одной социально-экономической формации к другой. Старый социальный строй, в основе которого лежали родовые связи, был заменен феодальным, что было связано со значительными сдвигами в культуре. Это произошло во второй половине IX — первой половине X в. Наступивший феодальный строй был отмечен пашенным земледелием, высокодифференцированным ремеслом, возникновением городов, быстро развивающейся внешней торговлей, выраженной социальной структурой общества. Для конкретизации названных вопросов нужны были полноценные раскопки городского центра Древней Руси.

Надо сказать, что в начале XX в. в отечественной археологии практически отсутствовал опыт раскопок городов, впрочем, как и вообще поселений, на территории Древней Руси. Не была отработана методика раскопок: не знали ни как копать, ни что искать, ни как фиксировать, ни что представляет по структуре культурный слой разных городов. Все сводилось, в конечном счете, к поиску вещей. Однако, В. И. Равдоникас прекрасно понимал, что именно города могут дать материал для разработки ключевых вопросов своей истории и истории Руси в целом. Не случайно уже в 1935 г. он организовал экспедицию для раскопок Рюрикова городища, очевидного предшественника Новгорода и центра скандинавского влияния в Восточной Европе. Изучение этого памятника, казалось бы, и должно было способствовать решению вопросов, поставленных исследователем в упомянутых выше статьях и книге. Непосредственно руководил раскопками многолет-

ний заместитель В. И. Равдоникаса по полевым работам Г. П. Гроздилов. Раскопки в мысовой части памятника по большому счету не были удачны для решения поставленных целей. Раскоп попал на перемытые отложения, в основном, аморфные, где не было зафиксировано четких слоев с органическими остатками времени возникновения Новгорода, хотя и были получены важные результаты для характеристики неолитической эпохи в Приильменье, чему Г. П. Гроздилов посвятил специальную статью.

В 1938 г. раскопки были начаты в Ладоге. Надежду на успех вселяло то, что именно в Ладоге в 1909–1913 гг. Н. И. Репников, один из старейших российских археологов, провел первые, достаточно грамотные раскопки поселения с хорошей сохранностью деревянных построек. Исследования были осуществлены в значительных масштабах и с пристойной фиксацией по ярусам. В. И. Равдоникас справедливо считал эти работы началом серьезного научного изучения в отечественной археологии городов Древней Руси. Результаты раскопок в Ладоге были изданы, к сожалению, с большим опозданием лишь в 1948 г., то есть через 35 лет после окончания самих работ и через восемь лет после смерти их автора. Опубликованные своевременно они могли бы послужить хорошим примером городских раскопок за 20 лет до начала археологического изучения Новгорода. В. И. Равдоникас знал о неизданных результатах работ в Ладоге Н. И. Репникова, а в 1938 г. специально приезжал для ознакомления с ходом раскопок в самом Новгороде.

Староладожская экспедиция ЛГУ проводила раскопки 11 сезонов (1938–1940, 1945, 1947–1950, 1957–1959 гг.). Была вскрыта площадь около 2000 кв. м с культурным слоем, достигавшим мощности 3 м. В. И. Равдоникас, опираясь на методику раскопок Н. И. Репникова, выделял аналогичные репниковским стратиграфические ярусы, названные им горизонтами. Последние он обозначил литерами, которые соответствовали ярусам построек Н. И. Репникова. Согласно принятой методике полевой работы В. И. Равдоникаса, расчищаемые остатки деревянных сооружений в нижней части раскопа не перерубались и не вынимались из земли, а оставались на месте, то есть полностью исследованная площадь, в конечном счете, была меньше изначально заложенного раскопа. Экспедиция работала аккуратно и не ставила своей целью на каждом участке изучить за год все вплоть до древнейших наслоений. Работы несколько лет останавливалась на одном уровне X в.

Исследования прервала Великая Отечественная война. И вот в 1947 г. В. И. Равдоникас разобрал сразу до материка небольшой уча-

сток около 240 кв. м. Были обнаружены три четкие большие постройки с центральными отопительными устройствами. Дома относились к трем последовательным горизонтам, названным В. И. Равдоникасом Е 1, Е 2 и Е 3 (древнейший). Выше лежал горизонт Д с маленькими домами и печами каменками в углах при уличной планировке. Из четырех горизонтов три совпали с ярусами Н. И. Репникова.

Исследователь со свойственной ему решительностью и уверенностью, посчитав, что он уже реально понял «историческую суть» древней Ладоги, время не тянул и в XI и XII томах «Советской археологии» издал две связанные друг с другом итоговые статьи. Это были тогда сенсационные материалы для историков Древней Руси. Ладога выступала как славянская архаика, предшествующая уже известному по раскопкам А. В. Арциховского Новгороду, как развитому городскому центру. В. И. Равдоникас подтверждал данными археологии основу своих общих взглядов на историю Приладожья и всю начальную историю формирования средневекового общества и государства на Руси.

Ладога, считал В. И. Равдоникас, в своей начальной стадии представляла собой догородское славянское поселение, где в больших домах жили патриархальные семьи типа задруги. Скандинавские материалы в ее нижних слоях отсутствовали (находка палочки с рунической надписью исключение). В X в произошла перепланировка поселения, сменился тип домостроительства, Ладога стала городом, в ее слоях появились находки скандинавских предметов. Она являлась одним из опорных пунктов норманнов при их поездках на восток и во многом с ролью норманнов связано превращение Ладоги в город.

С момента подготовки публикации В. И. Равдоникаса по Ладоге прошло уже 70 лет, но эта работа до сих пор не предана забвению и на нее постоянно ссылаются, как на базу фактического материала. К сожалению, Ладога фигурирует не только как на источник фактов, но и той путаницы, к которой провела избранная при раскопах методика фиксации находок и конструкций. Горизонты, выделенные В. И. Равдоникасом для Ладоги, — это не стратиграфические и хронологические горизонты, в современном понимании большинства археологов, то есть горизонты, имеющие определенную мощность и содержащие более или менее синхронные находки, а это слои отдельных исторических периодов, отличающиеся схожим материалом, типом построек и даже планировкой. Толщина их различна, поскольку горизонты включают по несколько ярусов застройки. Так, по В. И. Равдоникасу, горизонт Е залегал на глубине от 1,20–1,50 м до 2,30–2,50 м. Мощность

горизонта Е 3 составляла от 0,5 до 1 м. Главное же заключается в том, что материал при раскопках фиксировался именно по горизонтам, причем далеко не всегда имеются абсолютные отметки.

В. И. Равдоникас стремился показать исторический смысл в развитии Ладоги, что, во многом, ему удалось, но разработка хронологии поселения и типологии находок столкнулись с большими проблемами. Уже сотрудники экспедиции В. И. Равдоникаса и его коллеги по изучению материалов поняли, что горизонт Д требует своего разделения на два отдельных горизонта (Д нижнее и Д верхнее). Разделение древнейшего ладожского горизонта Е 3 на три (Е 3–1, Е 3–2, Е 3–3) предприняли, независимо друг от друга, О. И. Давидан в Эрмитаже и Г. Ф. Корзухина в ЛОИА АН СССР. Крайне важно, что результаты их работы практически совпали, хотя в печати была опубликована лишь схема О. И. Давидан. Одним словом, схема горизонтов Ладоги В. И. Равдоникаса в процессе конкретной разработки материала стала расчленяться.

В 1973 г. в ЛОИА АН СССР Е.А. Рябинину было поручено продолжить раскопки на Земляном городище Ладоги с целью получить спилы для дендрохронологического анализа, чтобы вывести хронологические проблемы древней Ладоги из своеобразного тупика, что позволяли сделать успехи в области дендрохронологии Новгорода. Е. А. Рябинину удалось получить необходимые спилы на прирезке с запада к раскопу В. И. Равдоникаса и получить спилы с построек, вскрытых ранее, поскольку последние весьма предусмотрительно не были вынуты из раскопа в 1950-е гг. Н. Б. Черных смогла создать дендрохронологию Ладоги в Лаборатории естественнонаучных методов ИА АН СССР. По публикации Е. А. Рябина видно, с какими сложностями ему приходилось увязывать «горизонты Равдоникаса» с реальными слоями и пластами новой прирезки.

Встал очередной вопрос с разработкой ладожской хронологии. Если для небольшого участка Земляного городища абсолютные датировки по дереву выполнены, то, как их проецировать на всю раскопанную площадь древнего поселения? Казалось бы, это возможно, учитывая выделенные О. И. Давидан и Г. Ф. Корзухиной микрогоризонты Е и то что абсолютные датировки получили несколько построек, изученных В. И. Равдоникасом.

Такую работу попробовал выполнить в начале 1980-х годов С. Л. Кузьмин. Он полагал, что если горизонты Ладоги, выделенные В. И. Равдоникасом, стратиграфически не расчленены, а представляют собой напластования различной мощности, то дендрохроноло-

гические даты задним числом можно распространить на всю вскрытую площадь. Для горизонтов Е и Д по В. И. Равдоникасу С. А. Кузьмин предложил деление на XI ярусов (для горизонта Д — четыре яруса, для горизонта Е 1 — два, для горизонта Е 2 — один, для горизонта Е 3 — четыре). Логически все было правильно, хотя оставалось непонятным, как это все соотносится с микрогоризонтами в разработках О. И. Давидан и Г. Ф. Корзухиной. Опираясь на некоторые находки из ярусов и особенности ряда построек, С. Д. Кузьмин стал увязывать ярусы с различными историческими изменениями в истории поселка и этническим составом его жителей. Первый ярус у него оказался скандинавским с датой 750–760-е гг., второй ярус погиб в пожаре около 780 г., третий был определен в промежутке времени от 780 до 810 гг., четвертый — отнесен к 810–840 гг. и исчез в сильнейшем огне и т. д. С. А. Кузьмин уверенно отмечал, что «опираясь на предложенную стратиграфическую схему и хронологию, можно реконструировать исторические процессы, протекавшие в нижнем Поволховье VIII–X вв., в зоне активных контактов (военных, торговых, политических, культурных) населения Балтики и Восточной Европы». К схеме С. А. Кузьмина присоединилась А. Д. Мачинская, и особенно активно ее воспринял Д. А. Мачинский. Схема, вышедшая из датированного края раскопа В. И. Равдоникаса и без обоснований соотношения каждой используемой для выводов находки с конкретным из предложенных XI ярусов, превратилась в удобный инструмент для общеисторических рассуждений и, к сожалению, фантазий.

Подход В. И. Равдоникаса к разделению стратиграфии древней Ладоги на горизонты не выдержал проверки временем. Он оставил больше вопросов, чем окончательных решений, хотя при своем первом публичном обнародовании произвел глубокое впечатление на научное сообщество. В самом конце 1950-х годов В. И. Равдоникас ушел со всех своих административных постов в университете и в Академии наук. Ничего не писал, даже формально в 1957–1959 гг. во время «хрущевской оттепели» он вновь возглавил Староладожскую экспедицию. Стремительная и яркая карьера ученого и администратора завершилась резко и внезапно, о главном побудительном мотиве такого ухода мог бы рассказать только он сам. Этого не произошло. Хочу завершить свою статью ставшими уже банальными словами А. С. Клейна о В. И. Равдоникасе — «когда в день его восьмидесятилетия коллектив кафедры отправился к нему на квартиру с поздравлениями (и я со всеми) нам навстречу вышел совершенно незнакомый Равдоникас — высокий умиротворенный старик с двупрядной бородой и белой ше-

велюрой». Яркая и противоречивая личность В. И. Равдоникаса несомненно вписана в историю и отечественной археологии и, конечно, в историю изучения Ладоги.

УДК 069.015

Н. И. Платонова

*Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия*

**МЕЖФАКУЛЬТЕТСКИЙ СЕМИНАР ПО ПРОБЛЕМАМ
ЭТНОГЕНЕЗА И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ (РУК. А. С. ГЕРД —
Г. С. ЛЕБЕДЕВ): КЛЮЧЕВЫЕ ИДЕИ И ВКЛАД В
АРХЕОЛОГИЧЕСКУЮ СЛАВИСТИКУ***

Межфакультетский семинар по проблемам этногенеза и этнической истории был организован в ЛГУ в 1982 г. А. С. Гердом (кафедра математической лингвистики) и Г. С. Лебедевым (кафедра археологии). В рамках него осуществлялось междисциплинарное сотрудничество археологов, историков, лингвистов, этнографов, антропологов, филологов. Важнейшими достижениями 1980-х гг. стали разработка проблемы этноса, реконструируемого по археологическим данным, с позиций информационной модели и идея прото-славяно-балтского континуума в верхнем Поднепровье и Полесье в позднем железном веке. В 1990-х гг. в рамках семинара был сформулирован ряд теоретических положений регионалистики и исторической географии, обосновано понятие историко-культурной зоны. Все перечисленные идеи и модели остаются актуальными и в наши дни. Они требуют дальнейшей разработки на современном уровне исследований археологических материалов Восточной Европы 2–4 четв. I тыс. н. э.

Ключевые слова: археолого-лингвистические исследования, этногенез, информационная модель, историко-культурная зона, Герд, Лебедев.

N. I. Platonova

*Institute for the History of Material Culture RAS, St.-Petersburg,
Russia*

**THE JOINT SEMINAR ON ETHNIC ORIGINS AND ETHNIC HISTORY
CONVENED BY A.S. GERD AND G.S. LEBEDEV: KEY IDEAS
AND CONTRIBUTION TO SLAVONIC ARCHAEOLOGY**

The Joint Seminar on Ethnic Origins and Ethnic History was started at Leningrad University in 1982. Its conveners were A. S. Gerd (Department of Mathematical Linguistics) and G. S. Lebedev (Department of Archaeology). The

seminar provided a good opportunity of cooperation between archaeologists, historians, linguists, anthropologists, ethnographers, and philologists. The principal findings of the 1980s were integrated in a collection co-edited by Gerd and Lebedev (1989). The most important ideas were: a) study of ethnicity, reconstructed from archaeological evidence using the information model, b) the idea of proto-Slavonic-Balt continuum in the upper Dnieper basin and Poles'ye in the Late Iron Age. The main outcome of the seminar in the 1990s was that Gerd, Lebedev, and their co-authors formulated a number of postulates coupling regional and ethno-linguistic studies with archaeological reconstructions via the notion of 'historical and cultural zone'. These key ideas and models, suggested at the Inter-Departmental seminar many years ago, are still viable and relevant to the origin of identities during the Great Barbarian Migration era and the early Middle Ages. Modern data concerning AD 200–900 sites in the forest and forest steppe zones of Eastern Europe help to make them work.

Key words: archaeological linguistic study, ethnic origins, information model, historical and cultural zone, Gerd, Lebedev.

Послевоенные десятилетия в СССР характеризовались большим размахом полевых исследований. В частности, были открыты сотни раннесредневековых памятников, выделена серия новых археологических культур. В соответствии с представлениями, господствовавшими в советской археологии с начала 1950-х гг., выявленные культурные единства напрямую увязывались с древними этническими (= языковыми) общностями.

«Этнос» в построениях исследователей 1950–1960-х гг. характеризовался стабильным набором «этноопределяющих признаков». Несоответствие какого-то из них ожидаемому стереотипу сразу ставило под сомнение «этническую принадлежность» памятника. Инновации трактовались чаще всего как механическое заимствование из других традиционных этнических культур. Рассматриваемая под таким углом зрения, «культура» могла рассматриваться лишь в статике, а не как развивающаяся система.

Самую большую проблему при таком подходе представляло собой обоснование родства или генетической связи древних культур между собой. Идея *культурных трансформаций*, быстрых преобразований культурного комплекса без смены населения была сильно дискредитирована в СССР предшествующими десятилетиями господства «теории

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность», проект «Элитарная культура Северной Руси IX–XI вв: столкновение традиций на пути к единству» (рук. Е. Н. Носов).

стадиальности» («марризма в археологии»). Тогда трансформации декларировались без всяких доказательств. Теперь маятник качнулся в другую сторону: идея стала восприниматься гиперкритически. Ретроспективный метод, фиксирующий наличие плавной преемственности, при сходстве ключевых элементов, «работал» лишь на ограниченных хронологических отрезках. Тем не менее, многие исследователи признавали его (при всех издержках) единственным научным обоснованием культурного родства по археологическим источникам.

В мировой археологии 1960-х гг. заметно усилились тенденции вывести археологическое исследование на уровень «точной» науки, добиться абсолютной проверяемости выводов. Соответственно, любые широкие построения и декларации культурной преемственности, основанные, в немалой степени, на интуиции, стали повсеместно подвергаться ревизии. Коснулось это и отечественной археологии. В области раннесредневековых исследований произошло отчетливое размежевание «автохтонистов» и «скептиков», не желавших принимать на веру утверждения о «славянской» или «праславянской» принадлежности тех или иных культур железного века. Ярче всего указанные веяния проявились в Ленинграде¹.

Выявить слабые звенья в «автохтонистских» построениях Э. А. Сымоновича, Б. А. Рыбакова, П. Н. Третьякова, В. Н. Даниленко, Л. Д. Поболя и др., было несложно. Степень исследованности

¹ Последнее вовсе не означает, что имело место однозначное противостояние локальных научных школ (к примеру, «ленинградской» и «московской»). Реальная ситуация была много сложнее. Если в Ленинграде поляризовались позиции «автохтониста» П. Н. Третьякова и «скептиков» М. И. Артамонова, И. И. Ляпушкина, Л. С. Клейна и др., то в Москве наблюдалось отчетливое противостояние «автохтонистов» Б. А. Рыбакова и Э. А. Сымоновича со «скептиками» Ю. В. Кухаренко и И. П. Русановой. Яркая представительница группы «ленинградских скептиков» К. В. Каспарова была ученицей москвича Ю. В. Кухаренко. «Третий путь», альтернативный, по сути, и тем, и другим, демонстрировали работы В. В. Седова. При этом позиции «скептиков» по многим конкретным вопросам были далеки от единства, а в среде «автохтонистов» наблюдалось размежевание по другому принципу – национальному. Так, например, «украинский автохтонизм» М. Ю. Брайчевского и др. демонстрировал воинственный настрой не только по отношению к «гиперскептицизму» И. И. Ляпушкина, М. И. Артамонова и их учеников, но и к «русскому автохтонизму» тех же Б. А. Рыбакова и Э. А. Сымоновича, якобы лишающего Украину ее корней («великорусский шовинизм»!). Хотя, с научной точки зрения, между «украинским» автохтонизмом М. Ю. Брайчевского и, «русским» Б. А. Рыбакова нет особых различий. А взгляды киевского археолога В. Н. Даниленко и ленинградца П. Н. Третьякова на этническую историю славян в I тыс. н. э. вообще можно рассматривать как единую концепцию.

многих регионов все еще оставалась далекой от желаемого уровня; в материале имелось немало лакун. Работы «скептиков» объективно констатировали недостаток источников по проблеме. Однако в своей положительной части их выводы сами не были свободны от предвзятой идеи. Только на сей раз во всех спорных случаях «научным» стало признаваться мнение о неславянской принадлежности раннесредневековых древностей.

В ходе начатого в 1970-х гг. детального обследования памятников по компактным районам было установлено: крупные массивы древностей, очерченные к середине XX в., на деле не так уж однородны. На археологической карте выявилась изрядная чересполосица традиций. Ареалы разных культур обнаруживали тенденцию к частичному наложению. Границы предполагаемых этнических сообществ и культурных единств, выделенных по археологическим данным, однозначно не совпадали. Для адекватного осмысления этих фактов требовались новые подходы, свежий взгляд на проблему отражения процессов этно- и культуругенеза в археологических материалах.

Проблему новых методов попытались решить на проторенной тропе междисциплинарного сотрудничества. В настоящей статье я останавлиюсь лишь на одном крупном научно-образовательном проекте в данной области – Межфакультетском семинаре по проблемам этногенеза и этнической истории, организованном в Ленинградском университете в 1982 г. Руководителями его стали Г. С. Лебедев (тогда — доцент кафедры археологии) и проф. А. С. Герд, заведующий кафедрой математической лингвистики филологического факультета. Первоначально семинар заседал именно на истфаке, причем интерес к обсуждаемым темам проявился колоссальный, как в научной, так и в студенческой среде.

Позднее А. С. Герд вспоминал: «...Это был подлинно университетский семинар, где рядом сидели и спорили на равных студенты, аспиранты, профессора, доценты, археологи, историки, этнографы, антропологи, филологи, музыковеды. Основная ориентация семинара была — теория и методология этногенетических работ на материале этногенеза славян, финнов и балтов... Каждый из нас был и учеником, и учителем. В 75 аудитории исторического факультета места занимались заранее, ... посетители стояли в дверях...» [1, с. 17].

Подход А.С. Герда и Г. С. Лебедева к проблеме синтеза археологических данных с данными других наук базировался на принципе «регрессивной пурификации», выдвинутом немецким археологом Р. Хахманом. Согласно ему, каждая наука должна работать исклю-

чительно собственными методами, не позволяя «смежникам» раньше времени воздействовать на свои выводы. Археологи и лингвисты должны оперировать исключительно своими материалами и понятиями, чтобы получить для сопоставления «чистые» результаты¹.

Основные идеи, разрабатывавшиеся в рамках семинара в 1980-х гг., нашли отражение в сборнике 1989 г. [2]. Среди них особо следует выделить разработку Ю. М. Лесманом проблемы этноса, реконструируемого по археологическим данным, с позиций *информационной модели*².

Подчеркнув, что основной характеристикой, без которой этноса просто не существует, является этническое самосознание, автор поставил важнейшим условием существования этноса *информационную проницаемость* общности (т.е. наличие устойчивой и представляющей весьма актуальной информации о «своих» и «чужих»). При исчезновении она еще некоторое время компенсируется «этнической памятью — проницаемостью в асинхронном аспекте» [4, с. 13–14].

В условиях континентальной лесной зоны и островной системы расселения (автономное существование небольших групп), такая проницаемость, по мнению Ю. М. Лесмана, проблематична. Она появляется лишь при условии быстрой миграции или повышенной мобильности населения, возникающей в эпохи, переходные к раннеклассовому обществу. В условиях пестроты ландшафтов, а также в степи или на побережье информационная проницаемость резко возрастает. Однако частые миграции прерывают процесс этногенеза еще до его завершения.

В свете этого «становится понятным более раннее возникновение этносов в ландшафтно пестрой Западной Европе и быстрое формирование неустойчивых, часто незавершенных этносов в степях» [4, с. 15]. Признаком начала процесса этногенеза может служить появление на определенной территории серии импортов и следов влияния чуждых культур — ибо они свидетельствуют о проницаемости самой общности и ее территории для чуждых явлений. Зато возникновение этноса приводит к заметной консолидации общности и унификации ее

¹ По признанию М. Б. Щукина, общение с языковедами на Межфакультетском семинаре убедило его, что археологи и лингвисты вообще мыслят несколько по-разному, а уж в понятие «хронология» те и другие вкладывают абсолютно различное содержание. Однако последнее как раз было аргументом в пользу сотрудничества. Понимание того, что коллеги мыслят не так, как ты, по крайней мере, давало надежду уяснить себе их результаты более адекватно.

² В общем виде эта модель была сформулирована в российской этнографии в 1970-х гг. [3].

культуры. Именно с таких позиций Ю.М. Лесман предлагал рассматривать этногенез славян, сопоставлявшийся им с периодом консолидации пражской культуры (V в.), и этногенез древнерусской народности (VIII–X вв.) [4, с. 16–18].

Хотя новый подход к анализу этногенеза по археологическим источникам излагался здесь очень сжато, значение этой публикации трудно переоценить. В ней четко проводилось различие между, собственно, этносом, объединенным сознанием актуальности своего единства, и аморфной языковой общностью, не имеющей такого самосознания (обозначаемой в науке, как «диалектный континуум», «этноязыковая непрерывность», «контактная этническая общность» и пр.). Таким образом, «разводились» между собой проблемы происхождения народа и его языка: предки носителей традиций, вовлеченных в активную фазу этногенеза, до этого могли, при определенных условиях, веками говорить на сходных диалектах, ощущая свою принадлежность лишь к узкой родовой группе. В то же время, по-новому осмыслялись такие знакомые любому археологу-практику ситуации, как появление серий импортов на территории, занятой некоей культурной общностью, и быстрый, почти взрывообразный характер унификации культуры, соединенный с ее экспансией на новые территории. Этот процесс нередко ставил исследователей в тупик, ибо приводил к появлению в отдаленных друг от друга регионах совершенно идентичных в культурном плане памятников, представляющихся, вдобавок, хронологически одновременными. Безусловно, разработка Ю. М. Лесмана стала возможной только благодаря теснейшему сотрудничеству археологов, этнографов и лингвистов в рамках Межфакультетского семинара.

Идеи в области балто-славянских исследований, развивавшиеся в той же аудитории профессиональными лингвистами, послужили отправной точкой рассуждений М. Б. Щукина [5], в ту пору уже обдумывавшего собственную концепцию славянского этногенеза, более полно развитую им в 1990-х гг. [6]. Тогда же Г. С. Лебедев начал отмечать «условность» термина «балтийский», применительно к культурам лесной зоны I тыс. н.э. и выдвинул, в унисон с Д. А. Мачинским и М. Б. Щукиным, идею прото-славяно-балтского континуума в верхнем Поднепровье и Полесье в позднем железном веке [7].

Другим важным следствием сотрудничества археологов и лингвистов стала формулировка А. С. Гердом, Г. С. Лебедевым и их соавторами ряда теоретических положений регионалистики, этнолингвистики и исторической географии, напрямую связанных с проблемой

археологических реконструкций через ключевое понятие историко-культурной зоны (далее ИКЗ). Под ИКЗ здесь подразумевалось ареальное единство, определяемое целым комплексом факторов в их взаимосвязи (физико-географических, климатических, исторических, хозяйственных, языковых, собственно этнографических и т. д.).

Границы различных ИКЗ, рассмотренных авторами детально (Днепр-Двинской, Ингерманландской, Юго-Восточного Приладожья и др.) оказались достаточно определенными на протяжении целого ряда эпох. Новые культуры и группы культур периодически «укладывались» в старые границы — факт, давно знакомый археологам, но, как правило, остававшийся без серьезного рассмотрения.

В трактовке авторов, «...определяющим фактором истории таких зон выступают медленная эволюция, смешение, трансформация и билингвизм в языке и культуре. Старое и новое население веками продолжает жить рядом, вместе и через длинную цепь трансформаций переходит в новое языковое и культурное состояние в тех же исторических границах... Происходящая время от времени миграция извне... — всегда толчок к новой трансформации...» [8, с. 8].

К сожалению, собственно археологические части монографий, изданных под редакцией А. С. Герда и Г. С. Лебедева на рубеже 1990–2000-х гг., выглядят слабее их историко-географических и лингвистических разделов. Они не свободны от положений, на тот момент уже устаревших. К числу последних относится старая идея И. И. Ляпушкина и М. И. Артамонова об исключительно позднем приходе славян на земли Верхней Руси. Более новые разработки М. Б. Щукина, Д. А. Мачинского и самого Г. С. Лебедева о прото-славяно-балтском континууме в верхнем Поднепровье и Полесье (см. выше), почти не нашли там отражения. Могу объяснить это лишь случившимся в 1990-х гг. отходом Г. С. Лебедева от научной практики и уходом его в политику. Последнее с неизбежностью означало, что при написании обобщающих глав монографий начали использоваться и переписываться старые работы.

1990-е годы стали закатом Межфакультетского семинара, который переместился на филологический факультет и какое-то время поддерживался, благодаря энергии А. С. Герда. Но конечный научный выход данного научно-образовательного проекта в области археологии оказался очень значителен. Произведенный поиск в области семиотически-информационного подхода к явлениям культуры и культурным трансформациям заслуживает высокой оценки. Намеченные пути решения ключевых проблем этно- и культурогенеза по

археологическим данным представляются весьма перспективными и требуют продолжения исследований на современном уровне.

Озвученный на Межфакультетском семинаре опыт реконструкции древнего этнического процесса с позиций информационной модели и ныне остается актуальным для изучения процессов сложения идентичностей в Эпоху Великого Переселения народов и раннего средневековья. Современные данные о памятниках 2–3 четв. I тыс. н. э. в лесной и лесостепной зонах Восточной Европы способны наполнить его конкретным содержанием. То же следует сказать о разработках в области исторической регионалистики, с опорой на анализ культурно-хронологических колонок по отдельным ИКЗ от раннего металла до современности.

Литература:

1. Герд А. С. Навстречу ветру // Ладога и Глеб Лебедев / под ред. Д. А. Мачинского. СПб.: Нестор-История, 2004. С.16–21.
2. Славяне. Этногенез и этническая история. Междисциплинарные исследования / Под ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 177 с.
3. Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп // Расы и народы. 1972. Вып. 2. С. 8–30.
4. Лесман Ю. М. К постановке методических вопросов реконструкции этногенетических процессов // Славяне. Этногенез и этническая история. Междисциплинарные исследования / Под ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. Л., 1989. С.12–18.
5. Щукин М. Б. Семь миров древней Европы и проблема этногенеза славян // Славяне. Этногенез и этническая история. Междисциплинарные исследования / Под ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. Л., 1989. С. 56–62.
6. Щукин М. Б. Рождение славян // Стратум: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории / Под ред. М. Е. Ткачука, И. В. Манзуры. СПб., 1997. С. 110–147.
7. Лебедев Г. С. Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза // Славяне. Этногенез и этническая история. Междисциплинарные исследования / Под ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. Л., 1989. С. 105–115.
8. Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны / Под ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. СПб., 2001. 512 с.

УДК 069.015

С. С. Рябцева

*Институт Культурного Наследия Академии Наук Молдовы,
Кишинев, Молдова***ДРЕВНЯЯ РУСЬ — МОРАВИЯ — ДУНАЙ (ОДНО ИЗ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ НА КАФЕДРЕ АРХЕОЛОГИИ ЛГУ)**

Проблема взаимоотношений Великой Моравии и Восточной Европы тесно связана с широким сектором взаимодействий между Древней Русью и Дунайским регионом. Интерес к дунайскому региону имеет длительную историю. Для летописца историческим центром славянства были Дунай и Великая Моравия, где они были обращены к христианству, где Кирилл и Мефодий учительствовали. Но существует значительный временной разрыв между закатом Великой Моравии и сложением древнерусского государства, а также между временем обращения к христианству Моравии и христианизацией Руси. Несмотря на это, в историческом развитии Великой Моравии и Древней Руси возможно выделить целый ряд параллелей и культурных взаимодействий, связанных как с переселением групп населения с запада на восток, так и с экономическими и культурными контактами между регионами.

Ключевые слова: Древняя Русь, Моравия, Дунай, христианизация, украшения

S. S. Riabtceva

*The Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of
Moldova, Chisinau, Moldova***OLD RUS' — MORAVIA — DANUBE (ONE OF THE RESEARCH AREAS OF THE DEPARTMENT OF ARCHAEOLOGY OF THE STATE LENINGRAD UNIVERSITY)**

The problem of the relationship between Great Moravia and Eastern Europe is closely connected with a wide range of interactions between Old Russia and the Danube region. Interest in the Danube region has a long history. The historical center of the Slavic community for a chronicler was the Danube and Great Moravia, where they converted to Christianity, where Cyril and Methodius taught. However, there is a sufficiently large time lag between the beyday of Great Moravia and establishment of Russian statehood and as well, the adoption of Christianity in Moravia and the conversion of the Old Russian state to Christianity. However, in the historical destiny of Great Moravia and Old Rus' it is possible to trace a number of parallels and cultural interactions, due both to the resettlement of groups of people from West to East Europe, as well as to cultural and economic contacts between these regions.

Key words: Old Rus', Moravia, Danube, Christianization, jewelry.

Интерес к археологии, как правило, проявлялся еще в школьные годы, поэтому поступление на Кафедру через высокий конкурс и тщательный отбор для нас — студентов 1980-х годов — было и важной победой, и большой радостью. Это ощущение не исчезало все годы обучения благодаря интереснейшим лекциям и археологической практике, внимательному отношению педагогов (петербургскую традицию — обращаться к студентам на «Вы», мы запомнили на всю жизнь, так обращаемся и к своим ученикам), студенческому братству, которое было не фигурой речи, а реальностью жизни. Нам давали не только широкое образование, но и приучали к узкой специализации. Эта истфаковская традиция на кафедре археологии поддерживалась возможностью для студентов выбрать себе руководителя уже на первых установочных лекциях, что закладывало основу индивидуального подхода к каждому ученику, близкую к системе «тьюторинга», практикуемой во многих европейских университетах. Ощущение эксклюзивности образования поддерживало и то, что лекции, спецкурсы и спецсеминары проводили ведущие специалисты из Университета, Эрмитажа, Института археологии (ИИИМК РАН). При разнообразности и разноплановости научных направлений, развивавшихся на кафедре, особая роль принадлежала изучению славяно-русских древностей. Вот лишь несколько тем из рассматривавшихся в те годы: вопросы славянского этногенеза и расселения, взаимодействия славян с балтским, финно-угорским и кочевническим мирами, роль топонимики в изучении балто-славянских взаимодействий. Большое внимание уделялось изучению торговых связей, водных и сухопутных путей, проблемам открытых торговых ремесленных поселений и сложения городов, особенностям погребальных памятников, ритуалов и верований.

При этом было несколько центров притяжения наших взглядов, очень ярких сопредельных культур, оказавших влияние на восточнославянские древности. Первым центром была Скандинавия, в те годы пыл «норманнской дискуссии» утих, и проблема славяно-варяжских взаимодействий находилась в рамках обычного корректного научного исследования. Но был еще один, не менее таинственный и легендарный (во многом благодаря лекциям и публикациям В. А. Булкина и Д. А. Мачинского) центр — Дунай. Это «дунайское притяжение» нашло свое отражение в работах ряда выпускников Кафедры (особенно, А. Д. Мачинской и А. Е. Мусина). Со студенческих лет и для меня это очень важная тема, на которую меня направил мой научный руководитель В. А. Булкин. Поэтому в качестве скромного подношения к юби-

лею Кафедры я предлагаю небольшую заметку о великоморавском и подунайском влиянии на сложение древнерусского ювелирного дела.

В конце IX–XI вв. население Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европы испытывало влияние византийской культуры. Увеличение в этих регионах количества вещей византийского круга (не только предметов личного благочестия, но и украшений) происходит после принятия христианства. Многие из подобных изделий изготовлены на месте, но под непосредственным византийским влиянием [1]. Для Руси заимствования византийских традиций, во многом, шли не напрямую, а опосредованно, через Подунавье и Великую Моравию. Среди древнерусских древностей выделяется пласт изделий, имеющих аналогии и прототипы в данных регионах [2].

Практически синхронно со временем официального принятия христианства на Руси появляются так называемые «кресты с грубым распятием». В IX–XI вв. подобные изделия широко распространены от Подунавья до Скандинавии. На древнерусской территории зафиксировано более 50 находок, относящихся к концу X–XI вв., причем часть из них здесь и производилась [3]. Древнейшие находки таких крестов происходят из Новгорода и относятся к третьей четверти–концу X в. [4, с. 49–50]. В целом, эти кресты тяготеют к городам и сельским некрополям, что отражает процесс создания постоянной церковной организации [5]. Считается, что подобные изделия возникли на базе византийских прототипов, а на Русь и в Северную Европу данная традиция пришла благодаря контактам с Великой Моравией, откуда происходят отдельные кресты IX века, возможно, послужившие прототипом для всех позднейших [6]. Однако, русские находки непосредственно типологически не выводятся из моравских, кроме того, они значительно моложе. По всей видимости, традиции массового изготовления подобных крестов была заложена в мастерских Первого Болгарского царства в конце IX–X вв., откуда она и приходит на Русь. Благодаря контактам с Подунайским регионом на Руси в X–XI вв. распространяются и отдельные серии крестов-энколпионов [7].

Обратимся теперь к украшениям. С городища Новотроицкое происходят подборка вещей, связанных с Дунайским регионом: серебряные височные кольца с напущенными полыми бусинами, литая серьга с многочастной подвеской и полая тисненая подвеска от аналогичной серьги, полая штампованная пронизка-тройчатка [8]. Основной круг аналогий этим вещам происходит из синхронных памятников Великой Моравии и Дунайской Болгарии. Бусины-тройчатки были найдены в Старом Коуржиме (в Моравии) и могильнике

Луковит I (в Болгарии) [9]. Серьги с многочастными литыми и тисненными подвесками (среди которых есть и украшения, аналогичные найденным на Новотроицком) происходят из памятников IX в. Чехии, Словакии, Болгарии и Румынии (Старое Место, Блучин, Нитра, Краловский Хлок; Раздельна, Волчедром, Буковик, Галиче, Градешница, Дольни Луковит, Нови Пазар; Султана, Чимбруд, Изворул, Обыршиа) [10]. Некоторые из этих изделий являются прямыми прототипами для так называемых «серег вольнского типа», характерных для восточноевропейских памятников середины X — начала XI вв. Пятилучевое кольцо с ложной зернью с городища Новотроицкое, с одной стороны, имеет аналогии в древностях Великой Моравии (Блучин), с другой — находится у истоков типа древнерусских лучевых колец [11].

В киевском некрополе были найдены три великоморавские серебряные серьги с «колосковой» подвеской, на поселении — литейная формочка для височного кольца, типологически близкого к подунайским прототипам [12]. Украшения, имеющие, по всей видимости, моравские прототипы, найдены и в племенном древлянском центре Искоростене [13].

В Гнездове представлена группа вещей, аналогичных великоморавским древностям: трехрогая лунница и восемь височных колец (лунничные нитранского типа и гроздевидные). Среди височных колец представлены паяные, декорированные зернью и сканью, а также литые подражания [14]. Часть украшений нитранского типа была произведена в Гнездове, так здесь (в производственном комплексе середины — третьей четверти X в.) была найдена формочка для изготовления такого украшения. Аналогичное изделие известно из Киева [15]. «Нитранские» кольца были найдены также на городищах Монастырек, Мыткв и на поселении у с. Григорьевка [16].

В целом, для территории Поднепровья характерно сочетание западнославянских (моравских) украшений со скандинавскими. В этом смысле показательна близость ювелирных материалов Гнездовского комплекса и раннего Киева [17].

На городище Екимауцы в Пруто-Днестрвском регионе были найдены гроздевидные серьги и ранние типы лунниц [18]. Бронзовая литая замкнутая лунница с «рогами» в виде дериватов растительных побегов из Екимауц имеет прямые аналогии в Моравских древностях IX — начала X в. (Нитра, Прушанку) [19]. Картографирование находок подобных украшений намечает путь их продвижения с территории Великой Моравии в Восточную Европу [20]. Характерны для великоморавских древностей были и литые трехрогие лунницы с гроз-

дью шариков на концах «рожек» (Долни Вестоницы, Нитра, Старое Место, Чакайовце, Цифер-Пац, Левы Градец [21]). Литейные формочки для отливки подобных лунниц происходят с территории Древней Руси — находки в Добровнице на Буковине и в слое середины IX в. Старой Ладоги [22]. Литая из белого металла лунница с Княжой Горы декорирована сетчатым орнаментом, характерным для миниатюрных крестиков с ромбическим средокрестием и лунниц, представленных в древностях Великой Моравии [23]. На сложение древнерусских штампованно-филигранных лунниц оказали влияние, по всей видимости, ранние типы великоморавских зерненных лунниц, аналогичной найденной в Старом Месте [24].

Таким образом, круг находок ювелирных изделий моравско-дунайского круга на территории Древней Руси достаточно широк. Некоторые из них послужили прототипами для изделий древнерусских мастеров. В распространении в Восточной Европе западнославянских типов украшений значительную роль играли как передвижения населения, так и расположение торговых путей. Если специфику формирования ювелирного комплекса Поднепровья во многом определял Путь из Варяг в Греки, то для территории Побужья можно говорить о влиянии сухопутного пути «Киев–Перемышль–Краков–Прага» и водного по Припяти и Западному Бугу, обеспечивавших связь Руси с Польшей и Чехией [25]. Территория Пруто-Днестровского междуречья может быть выделена как особый регион, где влияние подунайского ювелирного дела проявилось весьма отчетливо. О том, что находки ювелирных украшений фиксируют и движение населения, а не только сокровищ, свидетельствует тот факт, что наряду с дорогими серебряными изделиями подунайских типов представлены и бронзовые и литые экземпляры.

Литература:

1. Corović-Ljubinković M. Les influences de l'orfèvrerie byzantine sur la parure de luxe slave du IXe au XIIe siècles' // Actes du XIIe Congrès International d'Etudes Byzantines (Ochrid 10–16 sept. 1961). Vol. III. Belgrade 1964. С. 35–394; Eisner J. Pocatky ceskeho sperku // PA. 1955. Т. 46. Р. 215–226; Dekan J. Wielkie Morawy. Epoka I sztuka. Bratyslava-Wroclaw, 1979; Mésterhazy K. Bizanceis Balcani credetu targyak a 10–11 szazdi magyar serlelekbén // Folia Archaeologia 1991. XXII. Р. 145–177; Petrinec M. Metal objects of byzantine Origin in Medieval Graves from Croatia // Grotowski P., Skrzyzniars S (eds.) Towards Rewriting? New Approaches to Byzantine Archaeology and Art. Series Byzantina. Studies on

- Byzantine and Post-Byzantine Art. Vol. VIII. Warsaw, 2010. P. 197–212; Bikić V. Vizantijski nakit Srbiji: modeli i nasleđe. Београд, 2010; Григоров В. Накити в България и Великоморавия от IX–X в. (византийски културни влияния) // Bulgarian e-Journal of Archaeology. Vol. 3 (2013). P. 99–119 // Режим доступа: <http://be-ja.org> (дата обращения 15.04.2016); Petrinec M. O pojedinim predmetima bizantnt k“ predmetima bizantske provenijencije naistodnoj obali Jadrana // Starohorvatska prcs-vjeta II. serija — svezak 4L/20L. P. 63–98.
2. Рябцева С. С. Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования. СПб., 2005; Reabteva S. Byzantine-Danube elements in Jewelry dress of East-European population on 8th–12th cent. // Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies. Sofia, 22–27 august 2011. Volume II. Abstracts of round table communications. Sofia, 2011. P. 175–176; Riabceva S. The contact of Great Moravia with Eastern Europe // Great Moravia and the beginning of Christianity. Brno, 2015. P. 170–177.
3. Седов В. В. Об одной группе древнерусских крестов // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 63–67; Мусин А.Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002. С. 152–170
4. Седова М. В. Ювелирные украшения Древнего Новгорода (X–XV вв.). М. С. 49–50.
5. Мусин А. Е. Меч и крест. Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб. 1999. С. 134–150.
6. Мусин А. Е. О распространении Христианства в Древней Руси IX–XIV вв. на основе данных археологии и письменных источников // Исторический вестник, № 6. Москва-Воронеж. 2000.С. 176–188.
7. Пескова А. А. Памятники культового литья провинциально-византийской традиции в древнем Новгороде // У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник: Материалы международной научной конференции 4–7 октября 2005 г. Великий Новгород, СПб., 2007. С. 268–279.
8. Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое // МИА № 74. М. 1958; Григорьев А. В. Северянская земля в VIII — начале XI вв. по археологическим данным. Тула, 2000. С. 125.
9. Šolle M. Knížecí pohřebiště na Staré Kouřimi // PA. 50. 1959. S. 353–506, obr. 64; Въжарова Ж. Славяни и прабългари. София, 1976. Рис.128.
10. Chropovsky V. Slovanske pohrebisko v Nitre na Lupke // Slov. Arh. 1962. X–1. P. 177–240; Kurnatowska Z. Pola strefy Naddunajskiej w formowaniu sie kultury slowianskiej VIII–IX wieku // Slovane VI–X století.

Brno, 1980S. 155–163; Выжарова 1976; Teodor D. Romanitatea Carpato-Dunaena si bizantul in veacurile V–XI e.n. Iasi, 1981. P. 109, fig. 17.

11. Седов В. В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 538.

12. Каргер М. К. Древний Киев. Москва-Ленинград, 1958. Табл. XX; Клиевич Р. С., Орлов Р. С. 1985. Новое о ювелирном ремесле Киева X. // Археологические исследования Киева 1978–1983 г. Киев. С. 62–65.

13. Звіздецький Б. А., Петраускас А.В., Польгуй В. Г. Нові дослідження Стародавнього Іскоростеня // Стародавній Іскоростень І слов'янські гради VIII–X ст. Збірка наукових праць. Київ, 2004. С. 34–87. Рис. 20.

14. Пушкина Т. А. Височные кольца Гнездовского комплекса // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 1а. М. 1987. С. 50–57.

15. Ениосова Н. В. Химический состав и техника изготовления височных колец из Гнездова // Труды VI международного конгресса славянской археологии. Т. 4. М. 1998. С. 258–267.

16. Максимов Е. В., Петрашенко В. А. Славянские памятники у с. Монастырек на Среднем Днестре. Киев, 1988; Петрашенко В. О, Циндровська Л. О. Слов'янські матеріали з Канівського Подніпров'я // Археологія. 1999. №4. С. 161–165. Рис. 3, 6.

17. Петрухин В. Я. Гнездово между Киевом, Биркой и Моравией // Гнездово: 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ. Вып. 124. Археологический сборник. М., 2001. С. 116–119; Зоценко В. Н. 2001. Гнездово в системе связей Среднего Поднепровья в IX–X вв. В: Гнездово. 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ Вып. 124. Археологический сборник. М. 2001. С. 121–125.

18. Рябцева С. С., Рабинович Р. А. О своеобразии древнерусской культуры в Пруто-Днестровском междуречье // Тезисы докладов участников международной научной конференции «Русь в IX–X вв.: общество, государство, культура», Москва 6–8 ноября 2012 года. М., 2012. С. 71.

19. Rejholcová M. Pohrebisko v Čakajovciach (9–12. storočie). Katalóg. Nitra, 1995; Dekan J. Wielkie Morawy. Epoka I sztuka. Bratysława-Wrocław. 1979. P. 30, № 156; Klanica Z. Nechvalváln, Prušánky. Čtyři slovan-ská pohřebišťe. Díl. I. Příspěvek ke chronologii časně středověké hmotné kultury ve střední Evropě. Spisy Archeologického Ústavu AV ČR 28. Brno, 2006. P. 108, obr. 43.

20. Pleterski A. Fruhmutterliche Identitäten und Aussagemöglichkeiten der archäologischen Quellen // Antæus 31–32. Communicationes ex Instituto Archaeologico Academiae Scientiarum Hungaricae 2010, P. 143–154.

21. Dekan J. Wielkie Morawy. Epoka I sztuka. Bratislava-Wroclaw. 1979. cat. 153, 154, 155; Hrubý V. Staré Město: Velkomoravské pohřebiště «Na Valách». Praha, 1955. Tab. 75; Dostál B. Slovenská pohřebiště ze střední doby hradištní na Moravě. Praha, 1966. Obr. 11:5; Rejholecova 1995. Tab. 3:1; Profantova N. Lunicovité přivesky z Levého Hradce. Zaměřeno na středověk. Praha, 2010. P. 194–202.
22. Тимощук Б. О. Давньоруська Буковина. Київ, 1982; Мачинская А. Д., Мачинский Д. А. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII–XI вв. // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 52.
23. Ханенко Б. И. и В. И. Древности Приднепровья. Киев, 1902. Табл. XIII, 387; Merinsky Z. Kosočtverecné olovené křížky a jejich chronologické postavení v rámci hmotie kultury střední doby hradištní // Rodná země. Sborník k 100. Výročí Muzeí a vlastivědné společnosti v Brně. A k 60. Narozeninám PHD. Vladimira Nekudu. Brno, 1988. P. 122–145; Profantova 2010. P. 194–202.
24. Рябцева С. С. Подунайские элементы в ювелирном уборе населения Восточной Европы в VII–XI вв. Stratum Plus (5), 2009. С. 375–380.
25. Перхавко В. Б. Опыт комплексного использования письменных и материальных источников для реконструкции истории Припятско-Бугского пути в IX–XIII вв. // Проблемы исторической географии России. Вып. IV. Материалы второй всесоюзной конференции по исторической географии России. Москва. 25–26 ноября 1980 г. М. 1983. С. 4–27.

УДК 93/94 + 902.2

В. Н. Седых

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

**ЯРОСЛАВСКИЙ КРАЙ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В
ИССЛЕДОВАНИЯХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Основы изучения истории региона Верхней Волги эпохи средневековья были заложены еще учеными XVIII столетия в контексте дискуссии по варяжской проблеме. На первых порах исследователи оперировали только материалами лингвистики и письменными источниками. С развитием исторической науки и становлением отечественной археологии в науке активно обсуждаются вопросы соотношения великоруссов и местного населения, в том числе на территории Северо-Восточной Руси. Результаты археологи-

ческих раскопок показали возможность и эффективность использования археологических источников для исторических реконструкций и решения широких исторических проблем. Значительный вклад в современное понимание древней истории Ярославского края эпохи средневековья внесли ученые Санкт-Петербургского университета.

Ключевые слова: Ярославский край, исследования, колонизация, гипотезы, древнерусская народность, археология.

V. N. Sedykh

St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia

JAROSLAVL VOLGA REGION IN THE MIDDLE AGES IN THE INVESTIGATIONS OF ST.-PETERSBURG UNIVERSITY

The foundations of the study of the history of the Upper Volga region Middle Ages were laid by scientists of the XVIII century in the context of a discussion on the Viking issue. At first, the researchers operated only by the materials of linguistics and written sources. With the development of historical science and the development of national archaeology in science is actively discussed the relation between the great Russians and the local population, including in the North-Eastern Russia. The results of archaeological excavations have demonstrated the feasibility and effectiveness of the use of archaeological sources for historical reconstruction and the solution of broad historical problems. Significant contribution to the modern understanding of the ancient history of the Yaroslavl region from the Middle Ages have made scientists of St.-Petersburg University.

Key words: Jaroslavl Volga region, investigations, disbursement, hypotheses, old Russian nationality, archaeology

Изучение вопросов, связанных с древней историей Ярославля и его окрестностей учеными Санкт-Петербургского университета, имеет многолетнюю историю. Основы этих исследований были заложены известным историком, первым российским историографом *Герхардом Фридрихом Миллером*. В 1747 г. он был назначен первым ректором Санкт-Петербургского университета [1, с. 5], а в 1749 г. представил в Академию Наук свою диссертацию «О происхождении народа и имени российского», в которой он развивал выдвинутую *Готтлибом (Теофилом) Зигфридом Байером* так называемую норманнскую теорию, которая вызвала резкую критику со стороны *Михаила Васильевича Ломоносова*. Миллер, как и его последователь *Август-Людвиг Шлёйцер*, положили начало изучению русских средневековых хроник с использованием выработанных методов исторической критики источников. Именно письменные источники были основой высказываемых

гипотез и концепций, поскольку данные археологии ещё не вошли в исследовательскую орбиту историков.

Произошедшие впоследствии организационные перемены в университете привели к ситуации, при которой подразделение, где бы изучалась отечественная история, не имело чёткого статуса. В 1850 г. философский факультет был ликвидирован, а новый историко-филологический факультет получил отдельную кафедру российской истории и ещё несколько кафедр, включая кафедру истории и литературы славянских народов. В этот период на факультете на кафедре всеобщей истории преподавал антиковед *Михаил Семёнович Куторга*, которому отводят важное место в развитии отечественной исторической науки в целом, особенно в формировании петербургской исторической школы [2, с. 15].

С 1852 г. на этой же кафедре работал автор многих трудов по средневековой истории, известный общественный деятель, впоследствии знаменитый издатель и редактор журнала «Вестник Европы» *Михаил Матвеевич Стасюлевич*, автор 5-томной «Русской истории» *Николай Герасимович Устрялов* и др. [1, с. 8].

На кафедре русской истории заменил Устрялова известный историк, публицист и писатель *Николай Иванович Костомаров*. В 1865 г. на кафедру отечественной истории был приглашён *Константин Николаевич Бестужев-Рюмин*, один из основателей отечественной школы источниковедения. Его диссертация, посвященная древнейшим русским летописям, определяла источники, этапы формирования текстов летописей и принципы работы с ними. Широкое распространение получил и созданный им курс русской истории, доведённый до XVI в. [1, с. 8, 9].

Все перечисленные выше исследователи, писавшие о Ярославском Поволжье, ограничивались лишь летописными сообщениями, данными лингвистики, топонимики и гидронимии. Смысл и содержание этого периода отражает заявление *Степана Васильевича Ешевского* в его работе «Русская колонизация северо-восточного края» о том, что «основным инструментом в изучении этого процесса должна являться сравнительная филология» [3, с. 603].

После первых в России широкомасштабных исследований *Алексея Сергеевича Уварова* и его сподвижников на территории Северо-Восточной Руси в 1850-х гг. в науке активно обсуждаются вопросы соотношения великоруссов и местного населения. Таковы, например, работы *Алексея Ивановича Соболевского* [4, с. 117–121; 5, с. 1–5; 6]. При этом ряд крупных историков воздерживались от высказываний

своих мнений по данной проблеме. Так, упомянутый выше Николай Иванович Костомаров в своих работах оставлял в стороне этот вопрос, чтобы, как он полагал, «не блуждать в потёмках» [7, с. 78].

Однако мысль о сложном составе великорусского народа уже утвердилась в умах российских историков второй половины XIX в., что выразил К. Н. Бестужев-Рюмин в своей «Русской истории»: «Великоруссы, как все великие исторические народы ... являются народами смешанными» [8, с. 64].

С 1888 г. в университете началась деятельность *Сергея Фёдоровича Платонова*. Итогом изучения историко-литературных памятников Смутного времени стала его докторская диссертация «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время)» (1899), в которой автор привлек более 60 произведений русской письменности XVII в., многие из которых оказались открытием для науки. Значительное место в работе автор уделил Ярославлю.

В 1909 г. в качестве приват-доцента кафедры русской истории для чтения курсов по археологии был приглашён известный русский археолог, впоследствии чл.-корр. АН СССР *Александр Андреевич Спицын*. Подготовленный им курс лекций по русской археологии был первым в России. С его именем связан новый этап в развитии отечественной археологии. С помощью археологических методов — типологии и картирования находок — артефактов — им был создан по существу новый источник, который может быть назван «этнографической картой» Древней Руси [9]. До этого в науке в течение нескольких десятилетий существовали почти не связанные между собой исторические исследования, основанные, главным образом, на письменных источниках и данных лингвистики, и наблюдения археологов, базирующиеся на материалах полевых исследований. Так, применительно к территории Ярославщины историки, используя материалы и методы сравнительной филологии, пришли к выводу о северо-западном (новгородском) очаге колонизации. Спицын, оперируя данными другой науки — археологии — полагал, что этот очаг нужно искать на юго-западе, в районе Смоленского Поднепровья [10, с. 167–172; 11, с. 1–7]. И хотя, согласно современным представлениям, основной очаг раннего освоения Верхнего Поволжья находился в землях новгородских, главной заслугой А.А. Спицына является то, что он первым поставил вопрос о возможности и эффективности использования археологических источников для исторических реконструкций и решения широких исторических проблем.

Одновременно с исследованиями А.А. Спицына появляются и работы ярославского историка и краеведа *Иллариона Александровича Тихомирова*, который вслед за ним также на археологическом материале пытается определить хронологию, направления и исходные районы древнерусской колонизации Ярославского Поволжья и всей территории Волго-Окского междуречья. Именно благодаря исследованиям Тихомирова материалы раскопок ярославских курганов получили общеевропейское значение. Однако он пришёл к противоположным выводам, поддержав старую теорию историков о северо-западном центре колонизации [12, с. 1–98; 13, с. 65–145], предполагая прямые контакты Ярославского Поволжья со Скандинавией, в то время как Спицын считал, что скандинавские вещи в курганах Владимирской земли могли быть принесены сюда вторым или третьим поколениями жителей Гнёздова. Эти проблемы – очаг колонизации, время означенного процесса, состав колонизационных потоков, роль местного финно-угорского населения в формировании здесь нового этнокультурного образования — древнерусской народности и др. — были предметом острой дискуссии и ожесточённых споров между указанными исследователями на областных историко-археологических съездах и в печати. Относя начало колонизации к IX в. (что соответствует современным представлениям), Спицын полностью отрицал роль финно-угров в процессе формирования древнерусской народности, солидаризируясь в этом вопросе с мнением известного русского и советского этнографа *Дмитрия Константиновича Зеленина*. В 1925 г. Д. К. Зеленин был избран профессором кафедры этнографии Ленинградского университета. В конце 1920-х гг. он выступил с остро дискуссионной статьёй «Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности?» [14, с. 96–107]. Основной причиной столь одностороннего категоричного вывода был отказ от использования археологических источников — все его выводы базировались на данных этнографии и лингвистики. По его мнению, обрусение финнов началось уже в то время, когда великорусская народность вполне сложилась. Точка зрения Зеленина не нашла признания в науке.

В 1930-е гг. в связи со строительством каскада волжских электростанций и других гидротехнических сооружений в Ярославском Поволжье проводятся широкомасштабные разведочные и раскопочные работы, одним из руководителей которых выступил *Петр Николаевич Третьяков*, впоследствии профессор АГУ [15, с. 100–104; 16; 17; 18, с. 61–78; 19, с. 64–77; 20, с. 76–93; 21]. В этот же период начинаются первые археологические исследования на территории города Яро-

славя. В 1937 г. (в литературе указан 1938 г.) П.Н. Третьяков и *Михаил Константинович Каргер*, профессор ЛГУ, зав. кафедрой истории искусств исторического факультета, провели архитектурно-археологические раскопки у стен Успенского собора в связи с подготовкой его к разборке [22, с. 109]. В 1939 г. М. К. Каргер провёл раскопки в Спасо-Преображенском монастыре с целью поиска собора XIII в. [23, с. 75; 24, с. 110].

Новый этап в исследовании города и его окрестностей связан с работами Ярославской экспедиции кафедры археологии ЛГУ под руководством *Игоря Васильевича Дубова*. Развернувшиеся в начале 1970-х гг. исследования в Старой Ладоге и в Приладожье, на Рюриковом городище под Новгородом, в Гнёздове, в Тимерёво стали практическим результатом работы специального Славяно-Варяжского семинара *Льва Самойловича Клейна*, проводимого на кафедре археологии ЛГУ [25]. Выпуску группы указанных выше молодых, как их называли, «ленинградских неонорманистов», предшествовала дискуссия по поводу выхода книги «Норманская теория в современной буржуазной науке» *Игоря Павловича Шаскольского* [26]. Кстати, в 1942 г. И. П. Шаскольский был эвакуирован в Ярославль, и работал заведующим Арефинского РОНО Ярославской области.

О работах экспедиции в Тимерёво этих лет хорошо известно, поэтому позволю себе лишь отметить наши исследования на Стрелке города Ярославля в 1975–1976 гг. [27, с. 51; 28, с. 19–24; 23], которые отчасти позволили впоследствии провести успешные работы Ярославской экспедиции Института археологии РАН [29].

Особо необходимо сказать о кафедре истории СССР (ныне — кафедра истории России с древнейших времен до XX века) университета. В течение многих лет её возглавлял *Владимир Васильевич Мавродин* — выдающийся отечественный историк, создатель школы изучения истории Древней Руси. В своих работах [30–32 и др.] В. В. Мавродин развивает и шлифует свои взгляды относительно древнерусской народности, выявляет этапы древнерусской государственности, даёт своё решение норманнской проблемы. В книге 1971 г. он подчёркивает, что термин «древнерусская народность» наиболее точно соответствует этнической общности эпохи Киевской Руси [31, с. 157–170].

К этому времени в науке, прежде всего благодаря работам П. Н. Третьякова, сформировалось представление, согласно которому массовая славянская колонизация являла собой не просто механический процесс передвижения племён или группировок, а сложное экономическое, социальное и политическое явление [33, с. 122]. Дви-

жение это, в том числе в районы Ярославля — Ростова, включало в себя не только славян, но и разноэтничное, в разной степени затронутое славянским влиянием прошлое, а также местное население. После работ П. Н. Третьякова и В. В. Мавродина стало очевидным, что принятый в литературе термин «славянская колонизация» правильнее называть «древнерусская колонизация» или «древнерусское освоение» [34, с. 136–137].

С территорией Ярославщины связана ещё одна из исследовательских проблем — так называемый «перенос» города, как один из путей возникновения и становления древнерусского города. Детально эта проблема рассмотрена в трудах В. В. Мавродина, который, используя данные письменных и археологических источников, определяет причины и характер данного исторического феномена [30, с. 114–115; 31, с. 51]. В качестве примеров автор приводит факты, связанные с возникновением Смоленска, Новгорода, Ростова Великого, Белозерска и Ярославля. В археологической литературе впервые гипотеза «переноса городов» на конкретном примере была разработана А. А. Спицыным. Он сделал это на основании изучения материалов археологического исследования известного Гнёздовского могильника, расположенного близ города Смоленска. Гнёздово, по мнению Спицына, было древним Смоленском, а на новое, современное место он был перенесен в XI в. [35, с. 7–8]. Эта точка зрения была поддержана *Владиславом Иосифовичем Равдоникасом*, известным советским археологом, зав. кафедрой (отделением) археологии ЛГУ в 1936–1948 гг. [36, с. 118–119].

Оригинальная идея о внедрении славянства в области лесной полосы Восточной Европы принадлежит *Михаилу Илларионовичу Артамонову*, видному советскому археологу и историку, заведующему кафедрой археологии ЛГУ в 1949–1972 гг. [37, с. 234–235]. Не исключая мирного характера появления славян в лесной зоне, автор всё же отдавал предпочтение фактору завоевания этих земель; при этом по времени эти процессы совпали с проникновением в те же области скандинавских викингов. Встречное движение славян и варягов привело их к столкновению друг с другом, но общности целей — подчинение местного населения и обложение его данью — способствовала их конечному объединению во второй половине IX в. под названием «Русь». Памятники под Ярославлем М. И. Артамонов считал русскими, т. е. славяно-норманскими [38, с. 29–69; 39, с. 3–6; 40, с. 271–290].

Значительное место в исследованиях ученых университета отводится истории Северо-Восточной Руси в эпоху развитого средне-

вековья, в том числе роли Ярославля в событиях периода Смутного времени.

Результаты исследования проблем истории Северо-Восточной Руси в целом и Ярославского края в частности нашли отражение в диссертационных исследованиях и монографиях сотрудников нынешнего Института истории университета. Особо необходимо отметить цикл монографических исследований проф. *Игоря Яковлевича Фроянова*, декана исторического факультета ЛГУ–СПбГУ в 1982–2001 гг., посвященных периоду Древней Руси [41–47], серию книг проф. *Руслана Григорьевича Скрынникова* [например, 48–50] и проф. *Юрия Георгиевича Алексеева* (р. 1926) [например, 51–52].

Краткий обзор обозначенной темы свидетельствует о длительной традиции в исследовании учеными Санкт-Петербургского университета истории одной из важнейших областей Европейской части России, сыгравшей значительную роль в истории страны, которая стала «колыбелью» древнерусской, а затем и великорусской народности.

Литература:

1. Дворниченко А.Ю., Тихонов И.Л. Историческому факультету — 70 лет // Исторический факультет Санкт-Петербургского университета. 1934–2004. Очерк истории / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.
2. Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция исторических наук. Л., 1948. С. 15.
3. Ешевский С. В. Русская колонизация Северо-Восточного края. М., 1870.
4. Соболевский А. И. К вопросу о финском влиянии на великорусское племя // Живая старина. Вып. 1. СПб., 1893.
5. Соболевский А. И. Откуда шла колонизация в Ростово-Суздальскую область? М., 1902.
6. Соболевский А. И. Древнейшее население Верхнего Поволжья. Тверь, 1912.
7. Костомаров Н. И. Две русские народности. Исторические монографии и исследования. Т. 1. СПб., 1868.
8. Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. Т. 1. СПб., 1872.
9. Спицын А. А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // ЖМНП. Вып. VIII. СПб., 1899.
10. Спицын А. А. Владимирские курганы // ИАК. Вып. 15. СПб., 1905.
11. Спицын А. А. К истории заселения Верхнего Поволжья русскими // Труды Второго обл. Тверского археологического съезда. Тверь, 1906.

12. Тихомиров И. А. Кто насыпал Ярославские курганы. Ч. II // Труды III Областного историко-археологического съезда. Владимир, 1909.
13. Тихомиров И. А. Славянское заселение Ярославской губернии // Труды IV Областного историко-археологического съезда. Кострома, 1914.
14. Зеленин Д. К. Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности? // Труды Ленинградского отделения изучения культуры финно-угорских народностей. Вып. 1. Л., 1929.
15. Третьяков П. Н. Работы на строительстве Ярославской гидроэлектростанции: Археологические работы Академии на новостройках в 1932–1933 гг. // ИГАИМК. Вып. 109. М.–Л., 1935.
16. Третьяков П. Н. Древнейшее прошлое Верхнего Поволжья. Ярославль, 1939.
17. Третьяков П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н.э. // МИА. № 5. М.–Л., 1941.
18. Третьяков П. Н. Древнейшие городища Верхнего Поволжья // СА. 1947. № 9. С. 61–78.
19. Третьяков П. Н. К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н.э. // СА. 1957. № 2. С. 64–77.
20. Третьяков П. Н. У истоков этнической истории финно-угорских племен // СЭ. 1961. № 2. С. 76–93.
21. Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.–Л., 1966.
22. Указатель // Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР. 1919–1956 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
23. Дубов И. В. Города, величием сияющие. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985.
24. Аграфонов П. Г., Праздников В. В., Спиридонова Е. В. История ярославской археологии. М.: Квадрига, 2009.
25. Клейн Л. С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб.: Евразия, 2009.
26. Шаскольский И. П. Норманская теория в современной буржуазной науке. М.–Л.: Наука, 1965.
27. Дубов И. В., Винокурова М. Г., Седых В. Н. Ярославская экспедиция // АО 1976 года. М.: Наука, 1977.
28. Дубов И. В., Иоаннисян О. М. К топографии древнего Ярославля (итоги и задачи изучения) // КСИА АН СССР. 1980. Вып. 160.
29. Археология древнего Ярославля. Загадки и открытия. М.: ИА РАН, 2012.
30. Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945.

31. Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971.
32. Мавродин В. В. Происхождение русского народа. Л., 1978.
33. Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности // МИА. № 179. Л.: Наука, 1970.
34. Дубов И. В. Ярославское Поволжье в IX–XI столетиях (итоги историографии) // Проблемы археологии. Выпуск 2. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
35. Спицын А. А. Гнёздовские курганы в раскопках С.И. Сергеева // ИАК. Вып. 15. СПб., 1905.
36. Равдоникас В. И. О возникновении феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных // ИГАИМК. Вып. 103. Л., 1934.
37. Седых В. Н. Проблемы славянского освоения Верхнего Поволжья в исследованиях кафедры археологии Санкт-Петербургского университета // Мавродинские чтения. 2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки / Под ред. проф. А. Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.
38. Артамонов М. И. Вопросы расселения восточных славян и советская археология // Проблемы всеобщей истории. Л., 1967.
39. Артамонов М. И. Славяне и норманны в Восточной Европе в период образования Русского государства // Вестник ЛГУ. Сер. 2. 1988. № 4.
40. Артамонов М. И. Первые страницы русской истории в археологическом освещении // СА. 1990. № 3.
41. Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974.
42. Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980.
43. Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.
44. Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки отечественной историографии. Л., 1990.
45. Фроянов И. Я. Мятёжный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992.
46. Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.). СПб., 1996.
47. Фроянов И. Я. Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999.
48. Скрынников Р. Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1981 (2-е изд. М., 1985).

49. Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII в. Смута. М., 1988.
 50. Скрынников Р. Г. Русь IX–XVII вв. М., 1999.
 51. Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский уезд. М.–Л.: Наука, 1966.
 52. Алексеев Ю. Г. Под знаменами Москвы: Борьба за единство Руси: Царствование Ивана III. М.: Мысль, 1992.

УДК 902/904

И. А. Тихонов

Санкт-Петербургский государственный университет
**ТРАДИЦИИ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ
 АРХЕОЛОГИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

Изучение истории археологии в Санкт-Петербургском университете началось во второй половине XIX в. Большое внимание историографии уделяли С. А. Жебелев, Н. И. Веселовский, В. В. Бартольд. В 1930-е гг. появляются отдельные курсы по истории археологии на кафедре археологии исторического факультета, которые вели М. И. Артамонов, П. И. Борсковский, Л. С. Клейн, Г. С. Лебедев. В 1988 г. был создан научный семинар «Проблемы истории и историографии археологии». К началу XXI в. в Санкт-Петербурге сложилась научная школа в этой области исследований.

Ключевые слова: история археологии, Санкт-Петербургский университет, С. А. Жебелев, М. И. Артамонов, Л. С. Клейн.

I. L. Tikhonov.

St.-Petersburg State University
**THE TRADITION OF STUDYING AND TEACHING THE HISTORY
 OF ARCHAEOLOGY AT ST. PETERSBURG UNIVERSITY**

The study of the history of archaeology at St. Petersburg University started in the second half of the nineteenth century. Great attention to historiography have paid S. A. Zhebelev, N. I. Veselovsky, V. V. Bartold. In the 1930s some courses on the history of archaeology appeared at the Department of archaeology in the Historical faculty. M. I. Artamonov, P. I. Borkowski, L. S. Klein, G. S. Lebedev taught this subject. The scientific seminar «Problems of history and historiography of archeology» was created in 1988. A scientific school in this field of research has developed in Saint-Petersburg since the beginning of the XXI century.

Keywords: history of archaeology, St. Petersburg University, S. A. Zhebelev, M. I. Artamonov, L. S. Klein.

Изучение истории археологии начиналось и в Европе, и в России практически одновременно с процессом самого становления археологии как научной дисциплины. В Петербургском университете впервые сведения об истории археологии появляются в лекциях К. Н. Бестужева-Рюмина по отечественной истории на рубеже 1860–1870-х гг. В историографической части Бестужев-Рюмин приводил очерк развития археологии в России, начиная с Петровской эпохи, особо отмечая Сибирские и Южные экспедиции Академии наук в XVIII в. и работы археологов XIX в. [1] Этот очерк сопровождался подробнейшей библиографией, в которой перечислялись почти все основные труды по археологии в России, изданные к тому времени. Два десятилетия позднее эту же традицию продолжил ученик Бестужева-Рюмина — А. С. Лаппо-Данилевский. С 1890 г. он читал ряд курсов по истории России в университете, Историко-филологическом и Археологическом институтах. В историографических разделах этих курсов сообщались довольно подробные сведения об археологических раскопках в России XVIII–XIX вв., о деятельности отдельных ученых, археологических обществ, музеев, Археологической комиссии и приводилась библиография по отдельным разделам археологии [2]. Подобную проблематику он вносил и в деятельность Исторического общества при Санкт-Петербургском университете, возникшего в 1889 г., членом-учредителем и фактическим руководителем которого являлся. По инициативе Лаппо-Данилевского студент Георгий Вернадский (будущий известный историк, профессор Йельского университета в США) сделал в заседании общества доклад об известной инструкции Г. Ф. Миллера об изучении древностей [3].

Некоторые сведения об археологических раскопках и исследованиях появились в лекциях М. С. Куторги в 1850–1860-е гг. В конце XIX столетия началась преподавательская и научная деятельность представителей нового поколения петербургских антиковедов, которые обращались к археологии в поисках новых источников для исторических реконструкций. С 1899 г. вступительной лекцией «Классическая археология как предмет университетского преподавания» начал ежегодное чтение курса по классической археологии С. А. Жебелев. С 1909 г. к этому курсу добавился и другой его курс «Классическая археология Южной России». Оба курса содержали большие историографические разделы, которые впоследствии и составили первую часть его книги «Введение в археологию» под названием «История археологического знания». Это издание 1923 г. стало одним из первых российских учебников по археологии. Особое внимание Жебе-

лев уделял истории науки, поскольку считал, что наиболее надежный путь для изучения методологии любой научной дисциплины — «ретроспективный обзор того, что сделано в области той или иной науки в предшествующие теперешнему этапу ее развития. Ученый исследователь в уроках прошлого, в его положительных и отрицательных сторонах, короче говоря, в истории своей науки, всегда почерпнет для себя много полезного и живительного» [4].

Историографические сюжеты занимали немало места в научном творчестве С. А. Жебелева. Как историк науки он проявил себя в серии биографических очерков и некрологов, посвященных крупным фигурам отечественной науки о древностях [5]. Им же был подготовлен историографический очерк «Археология и общая история искусства» для оставшегося неосуществленным издания «Русская наука» [6]. Довелось Сергею Александровичу выступить и последним историографом Русского археологического общества, создав солидный труд, посвященный истории общества с 1897 г. до его ликвидации в начале 1920-х гг. [7]. Эта рукопись пролежала в архиве Института истории материальной культуры РАН более восьмидесяти лет и только сейчас выходит в свет [8].

Некоторое внимание уделил историографии и другой крупнейший антиковед и археолог профессор Петербургского университета М. И. Ростовцев. В начале XX в. помимо своих традиционных курсов по истории Древнего Рима или Боспора, он создает курс лекций «Введение в археологию Запада», который был посвящен обзору первобытных древностей Западной Европы, в первую очередь Италии, от каменного до железного века. Лекции начинались с очерка истории археологического изучения Европы с подробной библиографией, причем от внимания профессора-антиковеда не ускользали и работы классиков доисторической археологии Б. де Перта, Г. Мортилье, О. Монтелиуса, С. Миллера, Л. Нидерле и других, с которыми он знакомил студентов [9].

Значительное внимание уделяли истории науки университетские ориенталисты. В 1870 г. профессор факультета восточных языков В. В. Григорьев издал первую крупную монографию по истории Санкт-Петербургского университета, а почти десятью годами ранее опубликовал научную биографию своего старшего коллеги и учителя — востоковеда и археолога П. С. Савельева [10]. Ученик и приемник Григорьева по кафедре истории Востока — профессор Н. И. Веселовский продолжил эту традицию и получил известность не только как автор ряда широко известных полевых открытий в археологии, но

и историограф. В 1887 г. он выпустил в жанре биографического повествования книгу о своем учителе [11]. Им же была написана история Русского археологического общества за первые пятьдесят лет своего существования [12]. Все эти труды были созданы в летописно-повествовательной манере на основе документальных или эпистолярных источников. Аналитика в них была представлена в значительно меньшей степени.

Сменивший Веселовского на кафедре Истории Востока профессор (позднее и академик) В. В. Бартольд также занимался историей науки и создал несколько крупных работ в этом жанре, посвященных как истории изучения Востока российскими и европейскими учеными в целом, так и непосредственно истории востоковедения в Петербургском университете [13].

Времена, наступившие после 1917 г. не очень способствовали изучению прошлого науки. Власть призывала строить новое общество, разрушив старый мир до основания. Всяческий пропагандируемый тезис, что с выстрелом «Авроры» началась новая эра в истории человечества, и школа М. Н. Покровского, ищущая везде классовую борьбу, превращали всю историю до 1917 г. в некую «преисторию», не заслуживающую серьезного внимания. Особенно эти тенденции усилились к рубежу 1920–1930 гг. В 1930 г. появляется книга В. И. Равдоникаса «За марксистскую историю материальной культуры», являющаяся переработкой его доклада в ГАИМК «Археологическое наследство» [14]. Эта работа не была собственно историографической, но она призывала к критическому пересмотру, прежде всего дореволюционного наследия отечественной археологии. Вскоре, в 1933 г., в качестве ответа на этот призыв, выходит в свет книга М. Г. Худякова «Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов». Данная работа анализировала историю русской археологии с позиций «классового подхода» школы Покровского, выделяя «дворянский», «буржуазный», «империалистический» периоды. Несмотря на все вульгарные социологизаторские перегибы, книга содержала много полезных сведений об истории отечественной археологии и даже признавала немалый вклад предшественников [15]. До своего ареста в сентябре 1936 г. М. Г. Худяков преподавал на кафедре истории доклассового общества ЛИФЛИ, исторический факультет которого месяцем ранее был возвращен в университет, а кафедра вскоре стала кафедрой археологии.

Заведующий кафедрой археологии ЛГУ в 1936–1949 гг. В. И. Равдоникас специально историей археологии не занимался, но нельзя

не обратить внимание на историографические части некоторых его публикаций. Например, одна из его самых спорных, ярко выраженных автохтонистских работ, созданная в духе теории стадильности, очень большая по объему статья о пещерных городах Крыма содержит почти исчерпывающую на тот момент историю их изучения. Среди обширной библиографии, использованной автором, присутствуют ссылки на труды М. И. Ростовцева, о которых Равдоникас отзывается весьма высоко [16]. При этом надо иметь в виду что даже упоминание имени опального для Советской власти «белоэмигранта», было в те годы под негласным запретом. Здесь мы видим разительный контраст с сочинениями первого заведующего кафедрой истории доклассового общества ЛГУ С. Н. Быковского, основными источниками для которого являлись работы классиков марксизма-ленинизма и их последователей, а не публикации археологов.

К началу 1930-х гг. относятся и две историографические работы М. И. Артамонова, возглавлявшего кафедру с 1949 до 19172 г. В 1934 г. он опубликовал статью, посвященную истории развития методики раскопок в России [17]. Речь в ней шла об истории раскопок больших курганов в Южной части России и до недавнего времени эта статья оставалась единственной публикацией по данной теме. В архиве ИИМК РАН хранится рукопись большой неопубликованной работы М. И. Артамонова (более 3 п. л.) о деятельности известного русского историка и археолога И. Е. Забелина [18]. Рукопись датирована 1932 г. и содержит кроме биографических сведений, скрупулезный анализ исторических взглядов и концепций Забелина в области отечественной истории и археологии, его выступлений на Археологических съездах по вопросам определения археологии как отдельной науки, его раскопок и трудов в Историческом музее. Хотя эта работа не свободна от некоторых характерных примет времени, вроде упрощенного социологизаторского подхода к истории, проявившегося в эпитетах типа «идеолог торгово-промышленной буржуазии», она в выгодную сторону отличается, прежде всего, большой уважительностью тона по отношению к крупному и заслуженному ученому, от выходявших в эти же годы «трудов» вроде «Классовый враг на историческом фронте».

Во второй половине 1930-х гг. М. И. Артамонов подготовил специальный курс лекций по истории археологических знаний. Это стало первым опытом чтения отдельного курса, посвященного истории археологии и с этого времени такой курс занял прочное место в учебных планах кафедры Ленинградского–Санкт-Петербургского университета.

В послевоенное время этот курс перешел к П. И. Борисковскому. Для известного ученого, специалиста в области палеолитоведения данная тема не была чужда. В 1934 г. он опубликовал вместе с С. Н. Замятниным в журнале, издаваемом ГАИМК, статью о Габриеле де Мортилье — основоположнике палеоэтнологии. Там, несмотря на общую положительную оценку Мортилье, мы можем прочитать: «Марксистская история доклассового общества оформляется как отрицание палеоэтнологии, в борьбе с палеоэтнологией» [19]. Работа Борисковского 1953 г. «Палеолит Украины» содержала значительный по объему историографический очерк, также не свободный от некоторых элементов политической конъюнктуры. Например, там впервые прозвучало обвинение Ф. К. Волкова в «украинском буржуазном национализме» и некритическом восприятии всего написанного западными учеными [20]. Последнее, видимо, следует считать данью «времени борьбы с космополитизмом и низкопоклонничеством перед западной наукой», в разгар которого писалась монография П. И. Борисковского, так как следование традициям французской палеоэтнологии было как раз не слабой, а самой сильной стороной работ Волкова.

Новый этап в изучении и преподавании истории археологической науки начинается в 1960-е гг. Он был связан с появлением среди преподавателей кафедры археологии Л. С. Клейна. Занявшись проблемами методологии и теории археологического исследования, Лев Самуилович не мог не обратиться к истории науки. Первые его работы этой области появились еще в 1960-е гг. Это были публикации к юбилею его учителя М. И. Артамонова и статьи, анализирующие взгляды основоположников марксизма на первобытную археологию и ее связи с этнографией [21]. В 1974 г. в восточногерманском журнале появилась большая статья Л.С. Клейна, посвященная анализу научной деятельности и личности известного немецкого археолога Густава Косины [22]. Статья вызвала большой интерес в немецкой археологии по обе стороны железного занавеса, в том числе и у прямых учеников Косины. Через четверть века в международном журнале «Stratum plus» появилась значительно расширенная и дополненная версия этой статьи на русском языке [23]. С точки зрения Льва Самуиловича, история археологии вообще или, по крайней мере, история археологической мысли являются составной частью теоретической археологии.

Заметной работой в области историографии стал «Феномен советской археологии», вышедший одновременно на русском и испанском языках [24]. Важнейшими достижениями книги стала одна

из первых свободных от идеологической цензуры оценка влияния марксизма на отечественную археологию и выделение семи направлений, сложившихся в ней в 1960–1970-е гг. Через несколько лет вышел вариант этой книги на немецком языке [25]. Он заметно отличался от предшествующих большим объемом, поскольку были включены биографические очерки о крупнейших деятелях советской археологии.

Основные труды Л. С. Клейна по историографии вышли уже во второе десятилетие нового века: в 2011 г. — двухтомник «История археологической мысли», получивший самые высокие оценки коллег и специалистов, занимающихся историей археологии [26]. В 2014 г. из печати вышел новый двухтомник Л. С. Клейна, в котором кроме краткого общего обзора истории российской археологии, основное внимание уделено биографическим очеркам о наиболее заметных, по мнению автора, отечественных исследователях древностей [27]. Пятьдесят девять биографий сгруппированы по характеру их научной деятельности и той роли, которую они играли в истории науки.

После того как Л. С. Клейн не по своей воле покинул кафедру, традицию продолжали его ученики. Вынужденный включить в свой курс истории отечественной археологии краткие сведения по истории европейской археологии, Г. С. Лебедев издал его в 1992 г. [28]. При всех сложностях восприятия большого объема материала, и некоторых специфических чертах, что было отмечено в рецензиях, книга Г. С. Лебедева и по сей день остается одним из основных пособий для интересующихся историей русской археологии дореволюционного времени. Там же была впервые приведена наиболее детальная периодизация исторического пути, пройденного отечественной археологией.

При кафедре археологии и Музее истории университета в 1988 г. под руководством Г. С. Лебедева и И. Л. Тихонова был создан научный семинар «Проблемы истории и историографии археологической науки», первое заседание, которого было посвящено 130-летию А. А. Спицына. Постоянными участниками семинара стали И. В. Тункина, Н. И. Платонова, И. Л. Тихонов, впоследствии защитившие докторские диссертации по истории русской археологии. Активно участвовали в работе семинара В. Ю. Зувев, Н. Н. Жерве, занимающиеся различными аспектами истории отечественной археологии [29].

Силами семинара в конце 1990 г. была проведена научная конференция «Проблемы истории отечественной археологии», которая по широте представительства оказалась первой, а в силу известных политических событий, и последней всесоюзной конференцией по

данной тематике [30]. В 1995 г. удалось издать сборник трудов семинара под названием «Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки» [31]. В 2000-е гг. Музеем истории СПбГУ совместно с Санкт-Петербургским филиалом архива РАН были подготовлены и изданы сборники научных статей, посвященных 75-летию А. А. Формозова и «Памяти Я. В. Доманского» [32]. С начала 1990-х гг. регулярные курсы лекций по истории науки на кафедре археологии перешли к И. А. Тихонову, опубликовавшему программу курса [33]. Участники семинара были задействованы в подготовке и проведении ряда крупных международных конференций, посвященных 100-летию В. И. Равдоникаса (1994 г.), М. И. Артамонова (1998 г.), В. Ф. Гайдукевича (2004 г.); 150-летию Ф. К. Волкова (1998 г.), А. А. Спицына (2008 г.). Ими была опубликована целая серия работ монографического характера, освещающих начальные этапы становления классической археологии или развитие археологической мысли в России; формирование археологии в стенах Санкт-Петербургского университета; историю подготовки и проведения XV археологического съезда в Новгороде и многие другие проблемы.

Сотрудники академического института, которые участвовали в работе семинара, иногда в шутку называли его «некроложным» и были отчасти правы, поскольку в предшествующее время основным жанром биографической литературы в области истории археологии был некролог или статья к юбилею [34]. Однако, в гуманитарном знании конца XX в. произошел «антропологический поворот» от изучения концепций, которые создаются учеными, к изучению творчества ученых, которые создают концепции [35]. В итоге силами Института истории материальной культуры РАН были подготовлены два фундаментальных издания, посвященных истории Императорской археологической комиссии и академического института - ее прямого наследника [36]. Для всех вышеперечисленных работ характерной чертой являлась опора на документальные источники, сохранившиеся в различных петербургских архивохранилищах.

В большом количестве разнообразных исследований, демонстрирующих различные жанры и подходы, и изданий по истории археологии, появившихся в последние тридцать лет, весьма заметное место занимают труды петербургских ученых [37]. Таким образом, все это в совокупности позволяет нам говорить о сформировавшейся к началу XXI столетия Санкт-Петербургской историографической школе в археологии, истоки которой непосредственно связаны с Санкт-Петербургским университетом и его кафедрой археологии.

Литература и источники:

1. Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. СПб., 1872. С. 151–160.
2. СПбФ АРАН. Д. 217. Л. 4–9.
3. Там же. Оп.2. Д.76. Л. 34.
4. Жебелев С. А. Введение в археологию. Ч.1. История археологического знания. Пг., 1923. С. 31.
5. Историографические этюды С. А. Жебелёва: Из неизданного научного наследия: Жебелёв С. А. Столетие рождения Ф. Ф. Соколова / Публ. И. В. Тункиной и Э. Д. Фролова // ВДИ. 1993. № 1. С. 182–194; Историографические этюды С. А. Жебелёва: Из неизданного научного наследия: Жебелёв С. А. Автонекролог / Публ. И. В. Тункиной и Э. Д. Фролова // ВДИ. 1993. № 2. С. 172–201; Историографические этюды С. А. Жебелёва: Три неизданных мемуара С. А. Жебелёва: Жебелёв С. А. Из воспоминаний о Я. И. Смирнове; Из воспоминаний о старом товарище; С. Ф. Ольденбург / Публ. И. В. Тункиной и Э. Д. Фролова // ВДИ. 1993. № 3. С. 180–202; Историографические этюды С. А. Жебелёва: Из неизданного научного наследия: Жебелёв С. А. О новой книге Hasebroek'a / Публ. И. В. Тункиной и Э. Д. Фролова // ВДИ. 1993. № 4. С. 187–209.
6. Тункина И. В. К публикации неизданного очерка С. А. Жебелёва «Археология и общая история искусства»; Жебелёв С. А. Археология и общая история искусства // ЕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004). СПб., 2007. С. 139–174.
7. Тихонов И. А. О неопубликованной рукописи С. А. Жебелева «История Русского археологического общества 1897–1921 гг.» // История: Мир прошлого в современном освещении. Сборник научных статей к 75-летию со дня рождения профессора Э. Д. Фролова. СПб., 2008. С. 555–570; Тихонов И. А. «История Русского археологического общества (1897–1921 гг.)» С. А. Жебелева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2012. Вып. 3. С. 72–82.
8. Жебелёв С. А. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921: Исторический очерк. Прил.: Библиографический словарь членов РАО (1846–1924) / Отв. ред., сост., вступит. статья И. В. Тункиной. М.: Индрик, 2017.
9. РГИА. Ф. 1041. Оп. 1. Ед. 23.
10. Григорьев В. В. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко, 1870. 669с.; [Григорьев В. В.] Жизнь и труды П. С. Савельева. Преимущественно по воспоминаниям и переписке с ним

- В. В. Григорьева. СПб.: Типография ИАН, 1861. 306 с.
11. [Веселовский Н. И.] Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам: 1816–1881 / Сост. Н. И. Веселовский. СПб.: Тип. и Хромофотография А. Трантеля, 1887.
12. Веселовский Н. И. История Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. СПб.: Тип. Главного управления Уделов, 1900. 516 с.
13. Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и в России СПб., 1911 ; Материалы для истории факультета восточных языков. Т. II. 1865–1901 гг. СПб., 1906; Обзор деятельности факультета, 1856–1906 гг., составленный проф. В. В. Бартольдом. СПб., 1909.
14. Равдоникас В. И. За марксистскую историю материальной культуры // ИГАИМК. Т. 7. Вып. 3–4. 94 с.
15. Худяков М. Г. Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л.: ГАИМК, 1933. 160 с.
16. Равдоникас В. И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья // ИГАИМК. 1932. Т. XII. С. 5–106.
17. Артамонов М. И. 1934. Из истории методики археологических раскопок // ПИДО. № 1–2. С. 142–164.
18. РО НА ИИМК РАН. Ф. 74. Ед. 88.
19. Борисковский П. И., Замятнин С. Н. Габриэль де Мортилье // ПИДО. 1934. № 7/8. С. 106.
20. Борисковский П. И. Палеолит Украины // МИА. № 40. М.–Л., 1953. С. 20.
21. Археолог: детектив и мыслитель: Сборник статей, посвященный 77-летию Льва Самойловича Клейна / Отв. ред Л. Б. Вишняцкий, А. А. Ковалев, О. А. Щеглова. СПб: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 5–9.
22. Klejn L. S. Kossinna im Abstand von vierzig Jahren // Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte (Halle). Bd. 58. Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1974. S. 7–55.
23. Клейн Л. С. Археология в седле (косина с расстояния в 70 лет) // Stratum plus. 2000. № 4. С. 88–140.
24. Клейн Л. С. Феномен советской археологии. СПб.: Фарн, 1993. 128 с.; Klejn Leo S. La arqueología soviética. Historia y teoría de una escuela desconocida. Con prefacio de G. Ruiz Zapatero. Barcelona, Crítica, 1993. 173 p.
25. Klejn L. S. Das Phänomen der Sowjetischen Archäologie: Geschichte, Schulen, Protagonisten. Übersetzt von D. Schorkowitz unter Mitwirkung von W. Kulik. Berlin, Peter Lang, 1997. 412 s.

26. Обсуждение книги А. С.Клейна. «История археологической мысли» на методическом семинаре ИИМК РАН// Российский археологический ежегодник. 2013. № 3. СПб., С. 583–608.
27. Клейн А. С. История российской археологии. Учения, школы и личности: Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. СПб.: Евразия, 2014. 694 с.; Т. 2. Археологи советской эпохи. СПб.: Евразия, 2014. 628 с.
28. Лебедев Г. С. История отечественной археологии. 1700–1917. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992. 464 с.
29. Платонова Н. И., Тихонов И. А. Научный семинар «Проблемы истории и историографии археологической науки» // Российская археология. 1992. № 3. С. 276–278.
30. Проблемы истории отечественной археологии. Тезисы докладов конференции / Отв. ред. И. А.Тихонов. СПб.,1993. 92 с.
31. Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки: Труды семинара «Проблемы истории и историографии археологической науки» / Отв. ред. И. А. Тихонов. СПб., 1995. 187 с.
32. Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А. А.Формозова/ Отв. ред. А. Д. Столяр. СПб., Изд-во СПбГУ, 2003; ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004) / Отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Нестор–История, 2007.
33. Тихонов И. А. Историография археологии. Программа курса и методическое пособие. СПб.: ВВМ, 2008. 35 с.
34. Тихонов И. А. «Историография» или «история науки»? (о современных исследованиях по истории археологии) // История археологии: личности и школы: Материалы Международной научной конференции к 160-летию со дня рождения В. В. Хвойки (Киев (5–8.10.2010)). СПб.: Нестор–История, 2011. С. 41–54.
35. Тункина И. В. Современные тенденции изучения истории отечественной археологии в России и на Украине // История археологии: личности и школы: Материалы Международной научной конференции к 160-летию со дня рождения В. В. Хвойки, Киев, (05–08. 10. 2010). СПб.: Нестор–История, 2011. С. 55–64.
36. Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.- сост. А. Е. Мусин. Под общей ред. Е. Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 1312 с.; Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2013. 416 с.

37. Тихонов И. Л. Много историй одной науки (о различных жанрах в истории археологии) // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 240. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 302–317.

УДК 902/930

О. В. Шаров

*Институт истории материальной культуры Российской
Академии Наук*

М. Б. ЩУКИН И «ГОТСКАЯ ПРОБЛЕМА»

Сегодня без изучения знаменитого труда М. Б. Щукина «Готский путь» (2005) трудно представить себе исследования в области археологии и истории канувшего в Лету народа. Автор говорил не раз, что эта книга длиной в жизнь, он ее писал с первого курса Ленинградского университета почти до конца своих дней. С готами сегодня связывают вельбаркскую культуру, открытую в Польше и черняховскую — Сынтана де Муреш культуры, открытые на обширных пространствах Украины, России, Молдавии и Румынии. Так было не всегда, долгое время, вплоть до конца 1980-х годов черняховская культура считалась славянской и это была официальная точка зрения советской науки. Если «готская проблема» в Европе воспринималась как проблема поисков прародины готов, поисков путей миграции, то в советской науке — это была проблема поисков доказательств отсутствия связей черняховской культуры с готами и вообще с германцами. М. Б. Щукин в своих работах 1960–1970 гг. при помощи метода узких датировок закрытых комплексов показал, что культура начинает формироваться в 30-е гг. III в., а наиболее поздние памятники известны около середины V в. н. э., что совпадает полностью с письменными сведениями о переселении готов, готских войнах, державе Германафриха и уходе остготов с Теодорихом в Италию. Во многом «готская» этническая атрибуция культуры — заслуга М. Б. Щукина, чьи труды являются Золотым фондом ее изучения.

Ключевые слова: готы, черняховская культура, римский импорт, хронология.

O. V. Sharov

*Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of
Sciences, Saint-Peterburg, Russia*

M. B. SHCHUKIN AND «GOTHIC PROBLEM»

Today, without a study of the famous work by M. B. Shchukin «Gothic Road», released in 2005, it is difficult to imagine a research in the field of archeology

and history of the people sunk into oblivion. The author said more than once that this book is lifelong, he wrote it from his first year at Leningrad University almost until the end of his days. With the Goths now associated of Wielbark culture in Poland and open of Chernyakhov culture — Sintana de Mures culture, open to the vast areas of Ukraine, Russia, Moldova and Romania. It was not always, for a long time, until the end of the 80s of the last century of Chernyakhov culture was considered of Slavic and this was the official point of view of Soviet science. If the «Gothic problem» in Europe was perceived as a problem of searching the ancestral home ready, searching for ways of migration, in Soviet science — it was the problem of finding evidence of the lack of communications with the Chernyakhov culture of the Goths and the Germans in general. M. B. Shchukin in his work 1960–1970 years, using the method of narrow closed complexes dating showed that the culture begins to take shape in the 30's. III century B. C., and the most recent monuments are known around the middle of V century B. C., which coincides entirely with written information on relocation is ready, the Gothic wars, Power and Germanarich care Ostrogoths with Theodoric in Italy. In many ways, «Gothic» culture of ethnic attribution — merit of M. B. Shchukin, whose works are the golden fund her studies.

Key words: Goth, Chernyakhov culture, Roman import, the chronology.

Сегодня без изучения знаменитого труда М. Б. Щукина «Готский путь» [1] трудно представить себе исследования в области археологии и истории канувшего в Лету когда-то великого народа или курсы по археологии железного века, читаемые в вузах. Из скупой и очень сжатой автобиографии М. Б. Щукина мы знаем, что еще «на первом курсе он прочитал книгу Ф. И. Брауна «Разыскания в области готославянских отношений» и с тех пор увлёкся этой тематикой. Не случайно автор говорил не раз, что эта книга длиной в жизнь, он ее писал с первого курса Ленинградского университета, куда поступил в 1959 г. Его учителями были великие мэтры: М. И. Артамонов, М. А. Тиханова и Л. С. Клейн. По окончании университета в 1965 г. М. Б. Щукин становится сотрудником Эрмитажа и заочным аспирантом ЛОИА, а в 1971 г. возвращается на родную кафедру археологии, где вместе с Д. А. Мачинским ведет внеплановый хронологический семинар, отпочковавшись от знаменитого «Варяжского» семинара Л. С. Клейна. Первыми слушателями стали известные ныне ученые — антиковеды М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, В. А. Горончаровский. Официально, уже в качестве доцента кафедры, М. Б. Щукин начал читать лекции своего спецкурса «Европейская Сарматия» с 1974 г. Первыми слушателями официального спецкурса были М. М. Казанский, Ю. М. Лесман, А. А. Александров, О. А. Щеглова, все ученые европейского уровня, которые считали и считают М. Б. Щукина одним из своих Учителей.

Именно тогда зазвучали в стенах истфака термины «хронологические фазы В1–С3 римской эпохи», «ковш типа Эггерс-160», котелок типа «Дубельт», кубок типа «Ковалк», вполне понятные каждому ученому, занимающемуся Европейским Барбарикумом. Помимо работы «Хранителем древностей» в Эрмитаже и чтения лекций в Университете, М. Б. Щукин вел в те годы активную научную жизнь: защитил кандидатскую диссертацию, организовал Славяно-Сарматскую экспедицию, выступил на Международных конгрессах и конференциях в Братиславе, Праге, Кракове, Слупске, Люблине. По воспоминаниям известного польского исследователя древностей Самбии Войтека Новаковского, ныне директора Института Археологии в Варшаве: «М. Б. Щукин показывал лучшие качества ленинградского археологического сообщества, уникального явления в советской археологии того периода.

«Ленинградская школа», которую представляли также К. В. Каспарова с ее исследованиями зарубинецкой культуры и исследователь славянского этногенеза Д. А. Мачинский, отличалась замечательным знанием археологического материала и его объективным анализом с особенно внимательным отношением к хронологии. Выбывающимися из общих правил были попытки объяснить археологические события исторически, что противоречило господствующему тогда в советской исторической науке и археологии «историческому материализму» с его «классовой борьбой». К самым значительным работам этого типа принадлежали статьи М. Б. Щукина, которые он публиковал в различных сборниках и журналах не только в СССР, но и в Польше. М. Б. Щукин принадлежал к тем немногим археологам, которые умели видеть и осмысливать раннюю европейскую историю, учитывая все многообразие источников на наивысшем академическом уровне»[2]. Речь идет, прежде всего, о хронологии ключевой для археологии Восточной Европы римского времени и эпохи переселения народов — черняховской культуры. Хронология культуры определяла напрямую этническую принадлежность ее носителей. Долгое время определяющей точкой зрения была славянская принадлежность черняховского населения, еще начиная со времен ее первооткрывателя В. В. Хвойки и заканчивая работами главного археолога страны Б. А. Рыбакова. Как писал сам автор о главной проблеме черняховедения: «В 50–60-е годы в советской археологии усиленно дискутировалась проблема этнической атрибуции черняховской культуры. Ряд исследователей, видя территориальное совпадение ареала этой культуры и письменных свидетельств середины VI в. в распространении племенного

союза антов от „Дуная до Данапра“, усматривали в ней археологическое выражение этого союза племен. Наличие же хронологического несоответствия ликвидировалось включением в состав черняховской культуры группы памятников типа так называемых «древностей антов» А. А. Спицына, представленных кладами вроде Мартыновского и Малоржавецкого и некоторыми единичными находками. Стремилась она также омолодить датировки некоторых предметов черняховской культуры. С выявлением мощного пласта раннеславянских поселений VI–VII вв. с керамикой «пражского типа» в этом же ареале были найдены поселенческие древности, синхронные кладам «древностей антов», и попытки решения проблемы антов омоложением черняховской культуры утратили свой смысл» [3]. Но утратили смысл определения славянства черняховской культуры лишь для тех немногих исследователей, которые строили свои выводы лишь на базе хронологии отдельных комплексов могильников и поселений черняховской культуры, опираясь на стройную систему европейской хронологической шкалы Эггерса-Годловского.

Несомненно значительный вклад в формирование ученого М. Б. Щукина внесла его Учитель по черняховской культуре М. А. Тиханова, которая вела обширную переписку на всех европейских языках с ведущими специалистами по римской эпохе Европы и Скандинавии, имела прекрасную библиотеку и познакомила Щукина М. Б. не только со всей нужной литературой по хронологии римской эпохи, но и с ведущими археологами Европы: Казимежем Годловским, Йоханним Вернером, Фолькером Бирбрауэром, Ришардом Волонгевичем, Терезой Домбровской, Ярославом Тейралом и другими крупными исследователями Барбарикума. Еще во времена студенчества и аспирантуры, М. Б. Щукиным активно под руководством М. А. Тихановой разрабатывается система хронологии черняховской культуры путем анализа римских импортов: амфор, бронзовой посуды и стеклянных кубков. Еще в 1972 г. на конференции в Слупске М. Б. Щукин озвучил свои выводы, сделанные еще в диссертации «Европейская Сарматия и черняховская культура», защищенной годом ранее: «Рассмотрев имеющиеся данные в пользу датировки этой культуры II в., можно прийти лишь к отрицательному выводу. В составе черняховской культуры полностью отсутствуют вещи, диагностирующие стадии В1 и В2, хотя находки таких вещей и известны на этой территории. Но все они связаны с иной культурной средой. Самые ранние проявления черняховской культуры относятся к стадии С1 и представлены немногими комплексами на Вольни и в Верхнем Подщестровье. Основная же масса чер-

няховских могильников не ранее стадии С2. Очевидно, нельзя провести резкую границу появления этой культуры. В сформировавшемся виде она представлена стадиями С2, С3, и D1, т. е. не ранее 60-х гг. III в. [4]. Но официальная наука, представленная Б. А. Рыбаковым, М. Ю. Брайтчевским, Э. А. Сымоновичем, И. С. Винокуром делала вид, что все аргументы и факты, представленные в работах М. Б. Щукина несущественны и важнее доказать, что черняховская культура всегда была славянской и к готам никакого отношения не имела.

Таким образом, «Готская проблема», известная в Центральной Европе и Скандинавии как проблема поисков прародины готов, выяснение путей их миграции, получила в поствоенной советской археологической науке политическую окраску: славянство культур первых веков н. э. зарубинецкой, черняховской, пшеворской, при их крайне широкой и туманной локализации в письменных источниках «от Дуная до Днепра» или «вдоль Венедского залива» являлось официальной догмой того времени, идеи о «германстве» данных культур приравнивались к политическим диверсиям. А. С. Клейн писал об этом времени: «Он деловито и спокойно собирал и предъявлял аналогии из Центральной Европы черняховским материалам, которые официальная наука во главе с академиком Рыбаковым объявляла славянскими. Это сейчас звучит чисто научным спором, а тогда для выдвижения этих аргументов нужны были не только трудолюбие и честность, не только талант, но и мужество. Поэтому каждое его достижение в науке было не только научным открытием, но общественным событием. Это был постоянный, многолетний подвиг» [5].

На III международном конгрессе археологов-славистов в 1975 г. М. Б. Щукин делает доклад, где четко указаны возможности этнической атрибуции черняховской культуры: «положение черняховской культуры во времени удивительно точно совпадает с рядом исторических свидетельств о событиях в Причерноморье в III–V вв. В 232 г. начинается период многочисленных походов различных групп варваров, возглавляемых чаще всего готами и именуемых в источниках чаще всего «скифами», на территорию Империи. Этому предшествовало фиксируемое археологически для конца II — начала III в. продвижение носителей культуры вельбарско-цецельской и культуры пшеворской к юго-востоку и к югу, включившихся, очевидно, наряду с другими культурными группами в процесс формирования черняховской культуры. В 270 г. варвары терпят крупное поражение при Наисе, начинается период относительной стабилизации и более или менее мирных отношений с Империей. Различные группы варва-

ров объединяются в это время под властью Германариха, умершего в 375 г. при столкновении с гуннами. Это время стабилизации и расцвета и черняховской культуры. После удара гуннов вестготы уходят на юг, за Дунай, а остготы остаются на месте и только в 454 г. переселяются на запад, в Паннонию. Никакой другой культурной группы, существовавшей в Причерноморье в этих же хронологических рамках, мы сегодня назвать не можем. И в конце доклада наиболее важный вывод: «Итак, хронологическая позиция черняховской культуры никак не соответствует пласту сведений византийских авторов об антах и склавенах, основной период активности которых приходится на 527–602 гг., то есть на время, когда черняховская культура уже почти 100 лет как перестала существовать» [6].

К концу 1970-х гг. «гото-гепидская» культура в Польше была переименована в вельбаркскую по названию наиболее презентативного могильника, хотя связь культуры с готами была доказана Р. Волонгевичем, и этот факт стал очевидным для всех исследователей европейского Барбарикума. В 1979 г. обращается к чисто археологическому материалу, пытаясь показать перерастание вельбарской культуры в черняховскую, и М. Б. Щукин. В докладе в Слупске на конференции «Проблемы культуры вельбаркской» автор выделил две фазы: брест-тришинскую и дитиничскую. Он пишет «Если первая имела место еще до возникновения черняховской культуры, то вторая — в то время, когда уже существовали ранние черняховские памятники с пшеворско-вельбарскими элементами (типа Ружичанка–Раковец–Привольное и так называемая воынская группа)» [7].

Таким образом, уже в конце 70-х гг. прошлого столетия, М. Б. Щукиным был проведен тщательный анализ археологического материала и скрупулезное изучение письменных источников, которые позволили, как казалось бы, полностью решить «Готскую проблему», но лишь немногие ученые, главным образом, представители «ленинградской школы» и их последователи смогли оценить значение этих работ. Вот цитата из письма Марка Щукина Михаилу Казанскому, написанного в декабре 1981 г.: «В Каменеце-Подольске в сентябре была конференция по ЧК. Я не ездил, копал в Молдавии. Опять на сцене появился Брайчевский. Доказывал, что в готских походах были только скифы, они же в 375 г. перешли Дунай, германцами же стали потом, уже в Италии. Сымонович — он приезжал в Ленинград на юбилейную сессию нашего Отдела — сказал, что там все единодушны были в славянском определении ЧК, это вопрос «вчерашнего дня» [8]. Все изменится лишь в годы перестройки, когда сменятся парадигмы и рухнет «же-

лезный занавес», отделяющий советскую науку от европейской, когда славянство или «неславянство» археологических культур не будет иметь довлеющее значение. Речь идет лишь, прежде всего, о черняховедении, и М. Б. Щукин всегда, живя и работая в Советском Союзе, писал в статьях и говорил на лекциях и конгрессах лишь то, что считал истинным и объективно доказанным, часто вопреки официальным догмам, и для него никогда не было границ, отделяющих его от достижений европейской науки. Это заслуга не только его лично, но и его Учителей: М. И. Артамонова, М. А. Тихановой, Л. С. Клейна, коллег и друзей: К. В. Каспаровой, Д. А. Мачинского, Б. А. Раева, М. М. Казанского и других. Во многом это, прежде всего, заслуга кафедры археологии, которая воспитала не одно поколение выдающихся ученых «ленинградской школы», среди которых в первых рядах всегда останется имя профессора кафедры археологии Марка Борисовича Щукина.

Литература:

1. Щукин М. Б. Готский путь. (Готы, Рим и Черняховская культура). СПб.: СПбГУ, фил. фак-т. 2005. 576 с.
2. Новаковский В. Слово о Марке Щукине. Германия-Сарматия II. Сборник, посвященный памяти М. Б. Щукина. Калининград–Курск, 2010. С. 9–10.
3. Щукин М. Б. Некоторые проблемы хронологии черняховской культуры и истории ранних славян. *Rapp. de III CIAS*. Т. 2. Bratislava, 1980. С. 399–411.
4. Щукин М. Б. Конференция «Археологические культуры и культурные области Средней Европы в эпоху римских влияний» и некоторые тенденции польской археологии // *Советская Археология*. 1974. № 1. С. 259–264.
5. Клейн Л. С. Печальный отклик на Послание от Марка // Петербургский апокриф. Послание от Марка. Сборник, посвященный памяти М.Б. Щукина. Кишинев, 2011. С. 15–16.
6. Щукин М. Б. Некоторые проблемы хронологии черняховской культуры и истории ранних славян. *Rapp. de III CIAS*. Т. 2. Bratislava, 1980. С. 399–411
7. Щукин М. Б. О симпозиуме «Проблемы вельбаркской культуры» в Слупске (Польша) // *Советская Археология*. 1981. № 3. С. 315–318.
8. Казанский М. М., Щукин М. Б. Археологическая кухня прошлого века. Петербургский апокриф. Послание от Марка. Сборник, посвященный памяти М. Б. Щукина. Кишинев, 2011. С. 39–192.

Секция II

**Археологическое образование: прошлое, настоящее,
будущее**

УДК 902/930

И. В. Белозёрова, С. В. Кузьминых

*Государственный исторический музей, Москва, Россия**Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия*

**ВАСИЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ГОРОДЦОВ И ИНСТИТУТ
АРХЕОЛОГИИ И ИСКУССТВОВЗНАНИЯ РАНИОН: У ИСТОКОВ
СТАНОВЛЕНИЯ МОСКОВСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ**

В. А. Городцов стоял у истоков системной подготовки кадров археологов в 1 МГУ и РАНИОН в 1920-е — начале 1930-х гг. Большинство московских археологов, окончивших в те годы отделение археологии ФОН 1 МГУ и аспирантуру Института археологии и искусствоведения РАНИОН, были прямыми учениками Городцова, прошли через его лекции, семинары и экспедиции. Василий Алексеевич стремился подготовить «серьезных работников-археологов», вооружив их теоретическими и методическими знаниями, навыками камеральной и полевой работы. Со второго курса аспирантуры его ученики вели самостоятельные археологические разведки и раскопки. Московская археологическая школа (С. В. Киселев, А. В. Арциховский, А. Я. Брюсов, Д. А. Крайнов, М. Е. Фосс, П. А. Дмитриев, А. П. Смирнов, Л. А. Евтюхова, В. П. Левашева, О. А. Кривцова-Гракова, Б. А. Рыбаков, Е. И. Крупнов и др.) выросла из педагогической школы В. А. Городцова 1920-х гг.

Ключевые слова: В. А. Городцов, Институт археологии и искусствоведения РАНИОН, факультет общественных наук 1 МГУ, московская археологическая школа

I. V. Belozyorova, S. V. Kuzminykh

*The State Historical Museum, Moscow, Russia**Russian Academy of Science Archaeology Institute, Moscow, Russia*

**VASILY ALEKSEYEVICH GORODTSOV AND INSTITUTE OF
ARCHEOLOGY AND ARTS OF THE RUSSIAN ASSOCIATION OF
SCIENTIFIC RESEARCH INSTITUTIONS OF SOCIAL SCIENCES:
AT THE ORIGINS OF FORMATION OF MOSCOW
ARCHAEOLOGICAL SCHOOL**

V. A. Gorodtsov stood at the origins of systematic training of archaeologists at the 1 Moscow State University and Russian Association of Scientific Research Institutions of Social Sciences in the 1920s and early 1930s. Most of the Moscow archaeologists graduated the Department of Archeology of the Faculty of Social Sciences 1 MSU and postgraduate studies at the Institute of Archeology and Art History in those years, were students of Gorodtsov. They went through his lectures, seminars and expeditions. Vasily Alekseevich strove to prepare «serious archaeologists», armed them with theoretical and methodological knowledge

and skills of cameral and field work. From the second year of graduate school his students conducted independent archaeological exploration and excavations. Moscow archeological school (S. V. Kiselev, A. V. Artsikhovskiy, A. Ya. Bryusov, D. A. Krainov, M. E. Foss, P. A. Dmitriev, A. P. Smirnov, L. A. Evtuyukhova, V. P. Levasheva, O. A. Krivtsova-Grakova, B. A. Rybakov, E. I. Krupnov and others.) grew up from the pedagogical school of V. A. Gorodtsov in the 1920s.

Keywords: V. A. Gorodtsov, the Institute of Archeology and Art History of Russian Association of Scientific Research Institutions of Social Sciences, the Faculty of Social Sciences 1 MSU, Moscow archeological school

Становление московской археологической школы неразрывно связано с именем ее негласного лидера В. А. Городцова (1860–1945). Будучи в археологии самоучкой, ученый, тем не менее, осознал необходимость появления в России профессиональной системы подготовки кадров археологов и еще до революции немало сделал для ее создания. В Московском археологическом институте (1907–1915) и в его отделениях в Витебске, Смоленске, Калуге, Ярославле, Нижнем Новгороде, а затем в Московском народном университете им. А. Л. Шанявского (1915–1918) он разработал, прочитал и опубликовал учебный курс, включивший лекции по первобытной и бытовой археологии, методике археологических раскопок и камеральной обработке добытых материалов [1–4]. По мнению современников, «В. А. Городцов создал монументальный труд, охватывавший все аспекты археологической науки того времени <...>» [5, с. 320]; подчеркивается систематизирующее значение этого труда для русской археологии [6, с. 652] и его оценка как первой развернутой археологической версии мирового культурно-исторического процесса в русской археологии [7, с. 254].

Проводниками новаторских взглядов ученого, связанных, прежде всего, с разработкой типологического метода и археологической классификации, стало первое поколение его учеников (В. В. Гольмстен, М. М. Воронеж, Е. Н. Клетнова, Д. Н. Эдинг, Н. К. Ауэрбах, Ф. В. Баллод, П. С. Рыков, В. В. Арендт, С. А. Локтюшев и др.). В процессе обучения они готовили сообщения, рефераты, научные отчеты, вели оригинальные исследования (в основном по материалам Российского Исторического музея), которые в конце обучения защищались как диссертации на соискание звания «ученый-археолог».

Для исследования предлагались темы: «Древнерусское племя радимичей по археологическим данным» (В. В. Гольмстен), «Булавки Европейской России» (Д. Н. Эдинг, П. С. Рыков), «Фибулы Европейской России» (С. И. Флях), «Типы мечей и сабель Европейской

России» (Е. В. Городцова), «Типы перстней и ручных колец по материалам ИРИМ» (Н. Н. Шмыткина), «Русские пряжки ИРИМ» (В. С. Воронв), «Греческие чернофигурные и краснофигурные вазы ИРИМ» (К. И. Штрауберг) и др.

В РИМе слушатели обучались методике работы с археологическими материалами и памятниками в целом (датировка, классификация, систематизация), осваивали навыки реставрации металлических предметов, тканей и их хранения, учились нашивке вещей на планшеты и др. В 1910-е гг. началась реэкспозиция музея. В новых залах Городцов стал широко использовать научно-вспомогательные материалы — макеты станков, древних землянок, шахт, погребений (некоторые из них просуществовали до 1960-х гг.). Самыми активными помощниками в их изготовлении, а также в инвентаризации и каталогизации коллекций РИМ была «пожарная команда Городцова» — так в шутку называли его учеников, помогавших учителю в работе [8, с. 8, 9]. Параллельно велись занятия по музееведению, в ходе которых слушатели учились «пользоваться сокровищами Исторического музея, где им чаще всего придется работать <...>» [9, л. 47об.]. В «Журнале занятий со слушателями III курса МАИ на 1914/1915 гг.» Василий Алексеевич оставил запись: «Слушатели знакомились с порядком поступления, регистрации и размещения древностей музея <...> Осмотрены инвентарные книги, подвижной карточный каталог <...> запасные коллекции и коллекции, выставленные в открытых залах» [9, л. 47].

В преддверии XVI Археологического съезда в Пскове (к сожалению, не состоявшегося) ученики Городцова активно включились в реализацию плана систематического археологического исследования Псковской губернии. План был разработан в 1912 г., получил одобрение членов МАО и лично графини П. С. Уваровой [10]. В значительной степени разработка этого плана была сопряжена с желанием Городцова-педагога «...дать возможность поработать бывшим ученикам по археологическому институту» [Цит. по: 11, с. 30]. Выявление и изучение псковских древностей должно было стать своеобразным испытанием и полигоном для апробации сил В. В. Гольмстен, Д. Н. Эдинга, П. С. Рыкова, М. М. Воронца и др. Молодые исследователи успешно сдали этот экзамен. Коллекции их разведок и раскопок заняли ведущие места на выставке, приуроченной к открытию Псковского съезда [12, с. 1–5], а доклады по итогам исследований были заслушаны в МАО [13, с. 341]. По рекомендации Городцова Гольмстен, Эдинга и Воронца избрали членами-корреспондентами МАО, но главное — пригласили на работу в РИМ.

В императорской России отсутствие высшего образования закрыло ученому доступ к преподаванию в Московском университете. Революция сняла эти препоны. В 1918 г. Городцов был утвержден в звании профессора археологии и в 1919–1930 гг. читал лекции по первобытной археологии и истории первобытного искусства на факультетах общественных наук (археологическое отделение), этнологическом (отделение истории и археологии) и историко-философском 1 МГУ. В 1930 г. он был отлучен от университета, но в 1935 г. вернулся к преподаванию своих прежних курсов на биофаке и в Институте антропологии МГУ, в 1938 г. — в МИФЛИ, а в 1941–1945 гг. — на кафедре археологии МГУ [14; 15].

Для студентов-археологов 1 МГУ 1920-х гг. Городцов не просто учитель, любимый профессор и руководитель научно-студенческого археологического кружка (функционировал с 1926 г.), но и истинный кумир. Университетская школа Городцова существовала как единый научный организм, в котором постоянно общались профессор и его ученики разных поколений [16, с. 758]. Эта школа представляла собой особое братство, некий клан под шуточным названием «Тотем Лягавой лягушки». Предводителем и вождем «тотема» был, конечно, сам Василий Алексеевич [17, с. 130, 131; 16, с. 758, 759]. Он — часто в ущерб научным занятиям — старался передать ученикам все свои знания и опыт. Его семинары по практическому освоению типологического метода и осмыслению базовых археологических понятий («поселение», «жилище», «погребение» и др.) гораздо лучше готовили его учеников к восприятию марксистской социологии, нежели курсы, которые читали философы-марксисты. Сами семинары, проходившие в фондах и экспозиционных залах Исторического музея, позволяли студентам-археологам на практике изучить музейное дело. В дальнейшем многие из них (А. Я. Брюсов, С. В. Киселев, Л. А. Евтюхова, Д. А. Крайнов, М. Е. Фосс, А. П. Смирнов и др.) влились в коллектив ГИМ. Специальные занятия по методике полевых археологических исследований и регулярная экспедиционная практика достаточно быстро вырабатывали у городцовских студентов необходимые навыки для первых самостоятельных разведок и раскопок.

В советской высшей школе Городцов, по сути, продолжил те подходы по системной подготовке кадров археологов, что применялись им в Московском археологическом институте. За единственным исключением — его молодые ученики обязаны были осваивать марксистскую социологию и вести на ее основе свои научные исследования. Но этой участи не избежал и их убеленный сединою профессор.

Для городцовских студентов ФОН 1 МГУ эти перемены были не столь заметны, как для аспирантов и молодых сотрудников одного из первых советских научно-исследовательских учреждений — Института археологии и искусствознания. В 1921–1923 гг. ИАИ структурно был частью ФОН 1 МГУ, в 1923–1931 гг. стал подразделением РАНИОН. С самого начала археологическое отделение в нем возглавлял В. А. Городцов.

Учреждение ИАИ, равно как и археологического отделения в 1 МГУ ученый рассматривал как «особенно значительный факт» развития археологии в первые десять лет существования СССР. В унисон со временем Городцов констатировал, что «образование серьезных школ для подготовки специалистов-археологов обозначило конец деятельности вредного археологического дилетантства, господствовавшего в дореволюционное время» [18, с. 6], хотя в реальности вся теоретическая, методическая и практическая работа с аспирантами и молодыми сотрудниками ИАИ строилась им на тех же началах, что и в МАИ. Изменились цели обучения: в МАИ оно было направлено на самообразование слушателей, в ИАИ «молодые археологи получают специальную подготовку к занятию профессорских кафедр археологии в вузах (до революции подобных учреждений в России не существовало)» [18, с. 6].

Архивные [19] и опубликованные [20–24] документы свидетельствуют о том, что в задачи РАНИОН в целом входили организация и руководство научно-исследовательской работой в области общественных наук в тесной связи с практикой социалистического строительства, популяризация научных знаний, подготовка научных кадров. С 1925 г. функционировала аспирантура — в течение трех лет велась подготовка кадров высшей категории, и это было одной из важнейших задач РАНИОН.

Институт археологии и искусствознания имел три отделения: археологии, искусствознания, социологии, причем в деятельности отделения социологии должны были участвовать аспиранты отделений археологии и искусствознания. Во главе ИАИ стояла коллегия, в которую входили нарком просвещения А. В. Луначарский (директор), профессора П. С. Коган (зам. директора), А. А. Сидоров (и. о. директора и председатель отделения искусствознания), В. М. Фриче (председатель отделения социологии), В. А. Городцов (председатель отделения археологии), секретарь института Г. В. Жидков. Работа ИАИ велась в двух направлениях: научно-исследовательском и научно-педагогическом.

В штате института работали многие профессора и преподаватели археологического отделения ФОН 1 МГУ и другие крупные ученые: Ю. В. Готье (скифо-сарматская и славянская археология), Ф. В. Баллод (археология Египта и Месопотамии), А. А. Захаров (крито-микенская и греко-римская археология), А. С. Башкиров (историческая археология России), В. М. Викентьев (археология Месопотамии), Н. Д. Протасов (археология Византии), Н. И. Новосадский (эпиграфика), Б. П. Денике (археология средневекового Востока — арабские, индийские и китайские древности), Е. М. Чепурковский (антропология), А. П. Павлов (геология), В. Н. Харузина (этнография), А. И. Некрасов (русское искусство зодчества, ваяния и живописи) и др. Сам В. А. Городцов вел ряд семинаров, читал общие курсы и спецкурсы по первобытной археологии.

Руководитель отделения археологии, обдумывая перечень лекционных курсов, исходил из следующих посылок: «1) первый год посвятить изучению первобытной археологии и связанных с нею дисциплин — геологии, антропологии и этнографии, а также изучению методов археологии, съемки и черчения планов, обмеров и т. п.; 2) второй год посвятить изучению археологии главных культурных очагов: Месопотамии, Египта, Эгейских островов, Греции, Рима; 3) третий год посвятить изучению археологии Западной и Восточной Европы, Туркестана, Ирана, Индии и Китая. В летнее время в течение всех трех лет проводить курсы практических раскопок, съемки планов местности, съемки и обмеры архитектурных сооружений, целых и разрушенных. Вот такой план мне представляется наилучшим и способным создать серьезных работников-археологов» [19].

В. А. Городцов считал, что каждый аспирант должен самостоятельно выбрать и разрабатывать тему исследования; назначенный «руководитель» лишь механически утверждает ее и не вмешивается в ход дальнейшей работы аспиранта. Подобным образом работали в дореволюционный период в университетах выпускники, оставленные для подготовки к профессорскому званию. Большинство аспирантов Городцова при выборе темы диссертационного исследования уже имели задел, наработанный в студенческие годы, в том числе в ходе своих музейных занятий. Так, А. Я. Брюсов, обрабатывая и изучая в ГИМе неолитические коллекции Севера России, в том числе Карелии, избрал в ИАИ для аспирантской диссертации тему «Древнейшая история Карелии». В дальнейшем аспирантская работа переросла в книгу «История древней Карелии» [25] и в докторскую диссертацию, защищенную в МГУ в 1944 г.

При защите аспирантских диссертаций в ИАИ избирались специальные квалификационные комиссии. Защиты протекали в форме диспута, в котором диссертанту приходилось «отбиваться» не только от официальных оппонентов, но и от своих «зубастых» коллег. Так проходила, в частности, защита диссертации А. П. Смирнова «Прикамские финны X–XIV вв.» (официальные оппоненты А. С. Башкиров и А. В. Арциховский).

Аспиранты, кроме того, принимали участие в запланированных коллективных работах института. Они входили в состав временных рабочих групп, например, по изучению древностей Керченского и Таманского полуостровов (рук. А. С. Башкиров) и типологической классификации археологических памятников (рук. В. А. Городцов). Еженедельно в отделе археологии проходили научные заседания с докладами действительных — штатных и внештатных — членов института и аспирантов, которые обязаны были посещать эти занятия и активно участвовать в обсуждении независимо от темы доклада. Аспиранты были непременными участниками совместных заседаний коллегии ИАИ и Комиссии по выработке генерального плана археологических работ в СССР, проходивших обычно в стенах института. Разработку этого плана инициировал В. А. Городцов, и для него было немаловажно, чтобы его ученики видели в данном проекте и перспективу собственной работы.

Во время обучения аспиранты должны были проходить производственную практику, читать курсы лекций в 1 МГУ и других вузах; только тогда они могли стать приват-доцентами и доцентами. Со второго года обучения аспиранты ИАИ получали право на самостоятельные разведки и раскопки по Открытому листу. В экспедиции выезжали на мизерные средства института, иногда помощь оказывали местные органы власти и музеи, часто работы велись на собственные средства, причем достаточно далеко от столицы. Так, свои первые раскопки в Минусинской котловине аспирант С. В. Киселев осуществил на сэкономленные от стипендий деньги. Получение Открытого листа на первые порох облегчалось тем, что этому способствовал В. А. Городцов как руководитель Археологического подотдела Музейного отдела НКП РСФСР, в ведении которого находилась выдача Открытых листов. Аспиранты, как и все держатели Открытого листа, были обязаны представлять в ГАИМК научные отчеты о полевых работах.

Помимо организации полевых и исследовательских работ большое внимание уделялось в ИАИ камеральной работе студентов и аспирантов с археологическими коллекциями в фондах ГИМ. При

музее работало Общество друзей РИМ–ГИМ (1918–1930), на заседаниях которого студенты и аспиранты не только присутствовали, но и обязательно выступали с докладами. Они имели доступ к богатейшему собранию археологической литературы музея, которое хранилось в зале археологического отдела. По настоянию В. А. Городцова некоторые аспиранты параллельно стали хранителями ГИМ в различных его отделах: А. В. Арциховский с 1925 г. в отделе археологии, в 1929–1938 гг. в отделе феодализма; Б. А. Рыбаков в 1931–1936 гг. в отделе раннего феодализма, в 1936–1938 и 1943–1952 гг. заведующий III археологическим отделом; А. Я. Брюсов с 1925 г. в отделе археологии, в 1930–1960 гг. заведующий I археологическим отделом; П. А. Дмитриев с 1925 г. в отделе популяризации музейных коллекций, с 1929 г. заведующий группой оружия и военной техники, в 1935–1941 гг. ученый секретарь; Д. А. Крайнов с 1929 г. в филиале «Александровская слобода», в 1931–1935 гг. ученый секретарь и т. д.

В рукописном документе Городцова [19] отмечалось, что в течение каждого года аспирант должен «представить две полугодовые письменные работы, а всего пять работ в течение курса, а шестая работа должна быть настолько хорошею, чтобы ее можно было печатать как научную с ценными научными выводами. Эту последнюю работу сотрудник должен доказать, что он может быть преподавателем и затем профессором высших учебных заведений. В заключение от сотрудника требуется программа того университетского курса, который он намерен читать. После всего этого Институт выдает сотруднику удостоверение на право занятия соответствующей кафедры в высших учебных заведениях».

Как в годы учебы в университете, так и во время аспирантуры теория переплеталась у городцовских учеников с практикой — преподаванием, раскопками, хранительской и экспозиционной работой в музее, но, прежде всего, с написанием научно-исследовательских трудов. Они печатались в сборниках «Труды секции археологии» и «Труды секции социологии» ИАИ РАНИОН. Признанием научных успехов аспирантов института, а также своего рода стимулом для продолжения археологической деятельности стало участие А. В. Арциховского, А. Я. Брюсова, П. А. Дмитриева и С. Г. Матвеева в конференции археологов СССР в Керчи (1926) и А. П. Смирнова — в Херсонесе-Севастополе (1927).

На рубеже 1920–1930-х гг. сложившаяся в стране после революции структура научных организаций подверглась коренной перестройке, а сотрудники этих учреждений (в своем большинстве «старые

специалисты») прошли через «проверку и чистку советского аппарата». С 1930 г. эта кампания развернулась и в РАНИОН. В итоге в 1929–1930 гг. большинство институтов РАНИОН вошли в состав Коммунистической академии. Постановлением коллегии НКП РСФСР от 3.03.1930 г. РАНИОН была переименована в Российскую ассоциацию научно-исследовательских институтов материальной, художественной и речевой культуры (РАНИМХИРК), а затем 26 октября того же года была ликвидирована.

Для В. А. Городцова закрытие ИАИ стало лишь одним из ударов в череде невзгод, что обрушились на него в ходе «проверок и чисток» того времени. Судьба его бывших учеников сложилась в основном благополучно — они нашли приют в Московском отделении ГАИМК и ГИМе. Мало кто из них в тот момент вступился за честь и достоинство поруганного учителя — гораздо важнее было следовать «Шести условиям товарища Сталина» (название одного из докладов А. В. Арциховского тех лет). Более того, кто-то из них публично отмежевался от научных взглядов «буржуазного специалиста». Пережить предательство учеников Городцову было много тяжелее, чем удаление с тех или иных постов. Но через несколько лет, когда благодаря сотрудничеству с Институтом этнографии, антропологии и археологии АН СССР (Кунсткамера) авторитет ученого в профессиональной среде только упрочился, изменилось и отношение к нему со стороны бывших учеников. Знаком примирения и почтения к учителю стали регулярные праздничные посиделки, напоминающие прежние студенческие встречи братства «Тотема Лягавой лягушки». Ученики оперились, встали на крыло — их успехами Городцов только гордился, хотя зачастую поругивал или сетовал на неправильные, с его точки зрения, действия в личном дневнике.

Стоит еще раз повторить фамилии учеников В. А. Городцова, окончивших под его началом археологическое отделение 1 МГУ и аспирантуру ИАИ, — С. В. Киселев, А. В. Арциховский, А. Я. Брюсов, Д. А. Крайнов, М. Е. Фосс, П. А. Дмитриев, А. П. Смирнов, Л. А. Евтюхова, В. П. Левашева, О. А. Кривцова-Гракова, Б. А. Рыбаков, Е. И. Крупнов и другие.

Эти ученики Городцова, «которых он научил систематике, составили именно ту научную силу, которая сформировала новую, «советскую» археологию в СССР» [26, с. 214]. Именно благодаря им отечественная археология не свернула в 1930-е годы на рельсы «нового учения о языке», сохранила преемственность с традициями до-революционной русской археологии и во многом преумножила их в

последующие десятилетия. Московская археологическая школа, безусловно, выросла из педагогической школы В. А. Городцова 1920-х гг.

Литература:

1. Городцов В. А. Первобытная археология. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте. М., 1908. 416 с.
2. Городцов В. А. Бытовая археология. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте. М., 1910. 474 с.
3. Городцов В. А. Руководство для археологических раскопок и обработки добытого раскопками материала: По лекциям, читанным В. А. Городцовым в МАИ / Сост. С.И. Флях. М., 1911. 64 с.
4. Городцов В. А. Руководство для археологических раскопок / МАИ. М., 1914. 64 с.
5. Смирнов А. С. В. А. Городцов как представитель московской археологической школы дореволюционного времени // КСИА. 2015. Вып. 240. С. 318–328.
6. Клейн Л. С. История археологической мысли: В 2 т. Т. 1. СПб., 2011. 688 с.
7. Лебедев Г. С. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб., 1992. 464 с.
8. Студзицкая С. В. Государственный Исторический музей и В.А. Городцов // ТГИМ. 1988. Вып. 68. С. 5–13.
9. ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 112.
10. Городцов В. А. Проект плана археологического исследования Псковской губ., летом 1913 г. // ДТМАО. 1914. Т. 24, прот. 763. С. 330.
11. Стрижова Н. Б. Педагогическая деятельность В.А. Городцова // ТГИМ. 1988. Вып. 68. С. 27–32.
12. Каталог выставки XVI Всероссийского Археологического Съезда 1914 г. во Пскове, отмененного по случаю войны / Сост. Г. М. Казаков, Н. Ф. Окулич-Казарин, Н. Ф. Роот и др. Псков, 1915. 88 с.
13. Отчет о состоянии и деятельности Московского археологического общества за 1912/1913–1913/1914 гг. / Сост. В. К. Трутовский, Ю. В. Готье // ДТМАО. 1914. Т. 24, проток. С. 339–355.
14. Канторович А. Р. Заметки о преподавательской деятельности В. А. Городцова в Московском университете // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева. М., 2009. С. 309–313.
15. Белозёрова И. В., Кузьминых С. В. Жизненный и научный путь В. А. Городцова (по архивным документам и воспоминаниям) // В. А. Городцов. Дневники (1928–1944). В 2-х кн. Кн. 1: 1928–1935. М., 2015. С. 14–85.

16. Кызласова И. Л. Об археологе В. П. Левашевой и ее отце, протоиерее П. Н. Левашеве // Человек и древности: Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М., 2010. С. 751–769.
17. Китова Л. Ю. История сибирской археологии (1920–1930-е годы): изучение памятников эпохи металла. Новосибирск: ИАЭТ, 2007. 272 с.
18. Городцов В. А. К итогам археологических трудов в СССР за 10 лет // ТСА РАНИОН. 1929. Вып. II. С. 5–11.
19. Городцов В. А. Заметки по Археологическому отделению Московского университета и Научно-исследовательскому институту археологии и искусствоведения 1922 и 1923 гг. // ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 345. Л. 70–98.
20. Научно-исследовательский институт археологии и искусствоведения [в 1922 г.] // Среди коллекционеров. 1923. № 6. С. 61.
21. Научно-исследовательский институт археологии и искусствоведения [в 1923 г.] // Среди коллекционеров. 1924. № 7–8. С. 63–64.
22. Обзор деятельности Отделения археологии Н[аучно]-и[сследовательского] института а[рхеологии] и и[скусствоведения] [в 1923–1925 гг.] // ТСА РАНИОН. 1926. Вып. I. С. 89–93.
23. Обзор деятельности Секции археологии Н[аучно]-и[сследовательского] института археологии и искусствоведения за 1925/26 г. и за первую половину 1926/27 г. // ТСА РАНИОН. 1928. Вып. II. С. 138–144.
24. Обзор деятельности Н[аучно]-и[сследовательского] института археологии и искусствоведения в 1927 г. // ТСА РАНИОН. 1928. Вып. III. С. 147–149.
25. Брюсов А. Я. История древней Карелии. М., 1940. 320 с.
26. Платонова Н. И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века. СПб., 2010. 316 с.

УДК 902.2 (470.324)

А. Н. Бессуднов

*Липецкий государственный педагогический университет
им. П. П. Семёнова-Тян-Шанского, Липецк, Россия*

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВУЗАХ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

Комплекс проблем археологического образования вызывал и вызывает неоднозначную оценку у профессионалов. И в советский период в целом ряде вузов педагогического профиля подготовка археологов не велась ввиду от-

существования на кафедрах специалистов, а произошедший повсеместно переход на многоуровневую систему образования еще более усложнил ситуацию. В рамках реализуемых сейчас учебных планов бакалавров образования сделать это практически невозможно. Да и подготовка магистров археологии при «оптимизированном» госбюджетном финансировании и кадровом составе педвуза также не имеет реальных перспектив. Выход из создавшейся ситуации возможен через привлечение в сферу образования внебюджетных денежных средств.

Ключевые слова: археологическое образование, специализация по археологии, педагогические университеты, магистр археологии.

A. N. Bessudnov

Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky, Lipetsk, Russia

PROBLEMS AND PROSPECTS OF ARCHAEOLOGICAL EDUCATION IN TEACHERS' COLLEGES

Problems of archaeological education have always received mixed reviews from professionals. Training of archaeologists in teachers' colleges was not regular even in the Soviet era and it was just absent in some of them since there were no professors who could teach archaeology. The general adoption of the multilevel educational system has made the situation even more complex. The current curricula used for training of bachelors make the archaeological education almost impossible. And even training of masters of archaeology in the context of 'optimized' state budget financing and staff of teachers' colleges does not have any real prospects. The only way out is raising of extra-budgetary funds.

Key words: archaeological education, specialization in archaeology, teachers' colleges, master of archaeology.

Уже четверть века как распался Советский Союз. Канули в небытие многие атрибуты коммунистического прошлого. Общество весь комплекс произошедшего до сих пор оценивает неоднозначно. Не остались в стороне от дискуссии и археологи, мнение которых нашло отражение в ряде работ [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14].

Одним из показателей постсоветского периода стало резкое сокращение финансирования бюджетной сферы, давшее толчок началу реформы образования. К сожалению, основной целью преобразований было отнюдь не желание его улучшить, а, прежде всего, изыскать пути к сокращению расходов на его содержание. Как этого достигнуть? Первым делом, разрушить основы государственной системы образования. Непонятно, с чьей подачи, но этому вдруг стало активно

«помогать» родное министерство, начиная с уровня школьного образования. Делалось это посредством авторитарного внедрения всеобщей «егэзизации», а в системе высшей школы — через поддержку многочисленных коммерческих вузов и филиалов, поставивших на поток выпуск по сути дела оплаченных в рассрочку дипломных корочек о так называемом высшем образовании.

Министерскими чиновниками был взят курс на снижение финансовых расходов для государственной системы образования. Вот тут и началась ее «оптимизация» посредством сокращения кадров, ликвидации или объединения кафедр, факультетов, вузов, увеличения нагрузки на преподавателей не только через количественный рост аудиторных занятий, но и уменьшения или же полного изымания часов за отдельные виды учебной деятельности. При этом значительно возрос объем требований (нередко странных) как к самим преподавателям [15], так и к подготовке ими принципиально иного по содержанию и оформлению учебно-методического комплекса с выведением «компетенций», «оценочных средств» и т.п.

С историческим образованием дела складывались еще печальнее. Обрушению статуса его на «высоком» уровне способствовал объявленный первым Президентом России Б. Н. Ельциным курс на деидеологизацию страны. При этом из всех исторических наук археология оказалась в одном из самых проигрышных положений.

Однако справедливости ради отмечу, что и в советские годы система подготовки профессиональных археологов так и не получила должного развития и свелась в конечном итоге к форме специализации по кафедрам соответствующей направленности [13, с. 579–583], да и то лишь по учебным планам классических университетов с указанием специальности в дипломе «Историк. Преподаватель истории и общественных дисциплин». При этом в ряде других стран (к примеру, в Польше) аналогичная подготовка демонстрирует гораздо большую самостоятельность, поскольку ведется в рамках археологических факультетов.

Уровень развития археологии как в центре, так и в регионах зависел, прежде всего, от конкретных личностей, ученых с большой буквы, настоящих профессионалов, преданных любимому делу. Несмотря на организационные сложности, известен ряд примеров, когда, благодаря проводимым под их руководством внеучебным полевым мероприятиям, активной кружковой работе, из студенческой среды выросли квалифицированные специалисты-археологи [16; 17; 18]. В отдельных же случаях результатом усилий таких энтузиастов стало формирова-

ние исследовательских направлений, научных археологических школ [13, с. 583–584; 19; 20; 21; 22; 23].

Произошедший повсеместно переход на многоуровневую систему образования еще более усложнил ситуацию. В рамках реализуемых сейчас учебных планов бакалавров образования осуществлять археологическую подготовку практически невозможно. Да и обучение магистров археологии при сложившемся «оптимизированном» государственном финансировании и кадровом составе имеет мало перспектив. Его могут предложить сейчас лишь те образовательные учреждения, в которых, в силу, как правило, субъективных причин, преподавательскую работу осуществляют некоторое количество археологов.

Абсолютно прав В. В. Питулько, что наиболее оптимальными в данном случае явились бы системные решения государственного уровня, подкрепляемые соответствующими изменениями в законодательной базе [4, с. 718]. Однако, смею высказать опасение, что такого рода ожидания — из разряда чудес. Сейчас же одним из вариантов решения проблемы может стать вовлечение в сферу археологического образования новостроечных научно-производственных объединений, способных не только обеспечить финансовую поддержку при подготовке специалистов, но и их последующее трудоустройство.

Литература:

1. Гуляев В. И., Беляев Л. А. О современном состоянии археологии в России // Российская археология. 1995. № 3. С. 97–104.
2. Клейн Л. С. Феномен советской археологии. СПб.: ФАРН, 1993. 128 с.
3. Мунчаев Р. М. Институт археологии РАН сегодня // Российская археология. 1999. № 2. С. 5–15.
4. Питулько В. В. Заметки по поводу статьи Я. А. Шера «Возродится ли в России археологическое образование?» (РАЕ. 2011. № 1) // Российский археологический ежегодник. 2012. № 2. С. 713–716.
5. Пряхин А. Д. Археологи уходящего века. Воронеж: ВГУ, 1999. 156 с.
6. Смирнов А. С. Новостройки и археологическая наука // Российская археология. 2005. № 1. С. 176–184.
7. Сорокина И. А. Полевые археологические исследования в России в 1946–2006 гг. (по архивным материалам и публикациям). Тула: Гриф и К, 2008. 244 с.
8. Формозов А. А. Археология и идеология (20-е–30-е годы) // Вопросы философии. 1993. № 2. С. 70–82.
9. Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историко-графические очерки. М.: Знак, 2004. 316 с.

10. Формозов А. А. Заметки о русской интеллигенции 1940-х — 2000-х годов // Статьи разных лет. Курск: КГМУ, 2008. С. 6–23.
11. Формозов А. А. Русская археология на грани XX-XXI веков // Статьи разных лет. Курск: КГМУ, 2008. С. 24–48.
12. Шер Я. А. О состоянии археологии в России // Российская археология. 1999. № 1. С. 209–223.
13. Шер Я. А. Возродится ли в России археологическое образование? // Российский археологический ежегодник. 2011. № 1. С. 574–588.
14. Щавелёв С. П. Историки Курского края. Биографический словарь. Курск: КГМУ, 2009. 468 с.
15. Клейн А. С. Об индексе Хирша и проделках с ним // Грани гуманитарного знания. Сборник статей к 60-летию профессора Сергея Павловича Щавелёва. Курск: КГМУ, 2015. С. 618–621.
16. Москаленко А. Н. О работе студенческих археологических кружков (Из опыта кружка в Воронежском университете) // Советская археология. 1960. № 4. С. 215–217.
17. Кузнецов П. Ф., Мочалов О. Д., Пучко М. А., Хохлов А. А. Новое в системе дополнительного образования Приволжского федерального округа (из опыта Историко-археологического объединения Красноярского района Самарской области). Самара: СамГПУ, 2003. 86 с.
18. Захарова Е. Ю. Костёнковская палеолитическая экспедиция ЛОИИМК АН СССР и становление археологии на историко-филологическом факультете Воронежского государственного университета (конец 1940–1950-е гг.) // Записки Института истории материальной культуры РАН. 2014. № 10. С. 49–55.
19. Мельникова О. М. Пермская научная археологическая школа О. Н. Бадера (1946–1955 гг.). Ижевск: УдГУ, 2003. 183 с.
20. Мельникова О. М. Свердловская научная археологическая школа В. Ф. Генинга (1960–1974 гг.). Ижевск: УдГУ, 2003. 194 с.
21. Палиенко С. В. Источники по истории методсеминара ЛОИА АН СССР // Евразийский археолого-историографический сборник. К 60-летию Сергея Владимировича Кузьминых. СПб.-Красноярск, 2012. С. 169–175.
22. Пряхин А. Д. Археология в Воронежском госуниверситете (1918 – начало 90-х гг. XX в.). Кн. 1. Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2013. 140 с.
23. Тихонов И. Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб.: СПбГУ, 2003. 332 с.

УДК 930

А. М. БуровскийООО «Книги и фильмы Андрея Буровского», Санкт-Петербург,
Россия**ПРЕПОДАВАНИЕ КАК ИСТОЧНИК ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
РОСТА**

Тема научного исследования всегда уже, чем содержание даже специального, а тем более общего университетского курса. Профессиональная работа археолога чрезвычайно выигрывает, если он преподает. Обучение студентов заставляет системно относиться к содержанию профессиональной деятельности и выходить за пределы частных тем исследования. А «свой» материал раскопок исследователь вынужден систематизировать и находить место частного в общем.

Ключевые слова: преподавание, наука, профессиональная деятельность, археология

A. M. BurovskiiLLC «Books and films by Andrei Burovskii», St. Petersburg, Russia
TEACHING AS A SOURCE OF PROFESSIONAL GROWTH

The theme of scientific research is always longer than the content, even special, and the more general university course. Professional work of the archaeologist extremely wins when he teaches. Education makes students systematically refer to the content of professional activity, and to go beyond the private study. And «his» material excavation researcher is forced to find a place to organize and private in general.

Key words: teaching, science, professional activity, archeology.

Много раз отмечалось, что образование и профессиональная работа специалиста построена как деятельность человека, который «знает все больше все о меньшем». Такая деятельность приносит порой совершенно блестящие результаты: в этой узкой области удается найти закономерности, которые оказываются универсальными. Большая часть так называемых «законов природы» открыта именно таким образом.

В качестве яркого и широко известного примера: такие понятия, как «поведенческая клоака» и «мышинный рай» введены в ходе эксперимента над популяциями мышей. Исследования популяционной плотности и ее влияния на поведение Джона Би Кэлхуна (John B. Calhoun, 1917–1995) позволили установить, что «райские» условия

для мышей и высокая плотность популяции ведут к появлению широкой прослойки «молодых изгоев», жестокой конкуренции между ними и старшими особями, к «аутичному» поведению мышей, перестающих размножаться. Распад социальных связей и бездетность все возрастающего числа мышей приводит к крушению сообщества и к вымиранию популяции [1]. Эти положения и термины Кэлхуна сегодня широко используются в этологии и экологии, в том числе в экологии человека, в этнографии, антропологии и политологии.

Основные положения «социоестественной истории» первоначально сделаны Эдуардом Сальмановичем Кульпиним на материале Китая [2], а уже потом распространены на ход истории в целом, причем делались исключительно смелые, даже радикальные выводы [3]. Так же и основные положения мир-системного анализа Фернана Броделя а затем Иосифа Валлерстайна первоначально делались на материале Европы XIV–XVI вв. Применение сделанных выводов и полученных результатов к мировым процессам было позже [4; 5]. Археология не исключение: концепция «археологии поселений» Герберта Янкуна (Herbert Jankuhn, 1905–1990) создавалась в основном на материале погребений в торфяниках [6].

Преподавание даже самого узкого специального курса вынуждает исследователя хотя бы иногда, отвечая на вопросы студентов, выходить за рамки все большего знатока все о меньшем. Тем более, чтение курса археологии, этнографии или антропологии (в том числе археологии, этнографии или антропологии данного региона) требует и найти место частному в общем, и протраивание структуры и логики развития этого «общего». В конце концов, сами понятия каменного бронзового и железного веков были сформулированы Христианом Юргенсеном Томсеном (Christian Jürgensen Thomsen, 1788–1865) на материалах национального музея Дании в Копенгагене.

Преподаватель и просветитель, в какой бы области не разворачивалась его деятельность, поневоле занимается ни только частным, но и общим. В конце концов, посетителю музея или «представителю обществу» может не быть никакого дела до классификации призматических пластинок и типологии бронзовых кинжалов. Его интересуют широкие типологические, искусствоведческие или исторические темы. Специалист, в котором нет склонности к теории, становится «просто» хранителем и передатчиком культурной и профессиональной традиции. Если склонность к обобщениям есть, преподаватель легко расширяет традицию, создавая собственные обобщающие концепции, или уточняя существующие. Можно уверенно утверждать,

что существует прямая связь между склонностью специалиста к преподавательской работе и созданием обобщающих работ. Легко заметить, что самые значительные обобщающие работы созданы не академическими специалистами, а именно профессурой или сотрудниками АН, которые параллельно вели преподавательскую работу.

Александр Андреевич Спицын (1858–1931) начал систематическую работу преподавателя в 1909 г. Но еще за десять лет до этого написал работу, после которой славянские «курганы стали не просто средневековыми или славянскими захоронениями, а захоронениями вятичей, кривичей, радимичей. Со времени публикации статьи Спицына прошло более 90 лет, но выводы ее остаются в силе и сегодня» [7]. Александр Андреевич опирался в основном на находки различных женских украшений, то есть на очень «частный» материал [8]. Вероятно, перед нами пример одновременно решения глобальных вопросов на частном материале и стремления к широкому обобщению имеющегося материала.

Из университетских курсов возникли книги В. А. Городцова (1860–1945), ставшие эпохой [9]. Такая же значительная, но почти забытая ныне работа Ю. В. Готье [10] (1873–1943).

В биографиях Сергея Ивановича Руденко (1885–1969) и Сергея Александровича Теплоухова (1888–1934) не всегда отмечается, что они не только выпускники, но и многолетние сотрудники Томского университета. Фундаментальная концепция смены культур бронзового века на Енисее С. А. Теплоухова широко известна, потому что в своей основе применяется и до сих пор [11]. Обобщающие работы С. И. Руденко известны меньше [12; 13], он знаменит в основном как открыватель и первый исследователь Пазырыка и Ноин-Ула. Тем более полузабыто его утверждение, сделанное на основании серии радиоуглеродных дат: об одновременном существовании культур, выделенных С. А. Теплоуховым.

Среди ныне живущих Льва Самойловича Клейна (род. 1927) даже неловко называть — слишком велик и громаден. Перечисление даже его основных работ заняло бы не одну страницу.

Работы Дмитрия Глебовича Савинова (род. 1941) стоят всей продукции «ведомства науки», кроме разве что монографии Э. Вадецкой [14], в деятельности которой ярко прослеживается и просветительская струя. И первые две, и последняя из ее книг — популярные [15;16]. У Дмитрия Глебовича только одна из книг посвящена вводу в науку материалов его собственных раскопок [17]. Все остальное — фундаментальные обобщающие работы [18;19;20]. Рискую оконча-

тельно стать «неакадемичным», приведу все же подборку высказываний студентов о Д. Г. Савинове:

«Д. Г. Савинов — замечательный препода!»

«Он любит археологию, а мы любим его!»

«Сдавал Сибирь у него дома — Д. Г. был сильно простужен, но не хотел срывать нам сессию и все принял, невзирая на температуру +39. Поил чаем с вареньем!»

«Очень хорошие лекции, поэтому готовиться было легко» [21].

Как видно, преподавательская работа не является нелюбимой обязанностью Савинова. Осмелюсь предположить, что без нее и теоретических работ было бы меньше. Вопрос, конечно, что является первоосновой. Личные ли качества ученого делают его и преподавателем, и теоретиком. Или преподавание формирует склонности и интересы теоретика. С точки зрения автора статьи, имеют место оба явления.

В этом смысле интересна судьба Михаила Петровича Грязнов (1902–1987). Студент Томского, а затем Петроградского университета, он входил в «томскую группу» археологов, переехавших в Петроград в 1922 г. Но Теплоухов и Руденко преподавали, а Грязнов сотрудничал в Эрмитаже и Академии материальной культуры. Лев Самойлович назвал его «мастером археологической миниатюры», и это чрезвычайно емкое определение. Если обойтись без туманных ссылок на «обстоятельства» (и у Руденко, и у Теплоухова они складывались не самым оптимистическим образом), то перед нами — выбор не просто места работы, а выбор направленности профессиональной деятельности.

Литература:

1. Calhoun J. Environment and Population: Problems and Adaptation: An Experimental Book Integrating Statements by 162 Contributors. Praeger, 1983. P. 486.
2. Кульпин Э. С. Человек и природа в Китае. М.: Наука, 1990.
3. Кульпин Э. С. Бифуркация Запад-Восток. М.: Московский лицей, 1996
4. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. / Пер. с фр. Л. Е. Куббеля; 2-е изд. М.: Весь мир, 2006.
5. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер с англ. П. М. Кудюкина под общей ред. Б. Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга, 2001.
6. Jankuhn H. Einführung in die Siedlungsarchäologie. Berlin, 1977.
7. Формозов А. А. Археология и идеология (20—30-е годы) // Вопросы философии. 1993. № 2. С. 75.

8. Спицын А. А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // Журнал Министерства народного просвещения. 1899. № 8.
9. Городцов В. А. Археология. Т. 1. Каменный период. М.–Пг.: Государственное издательство, 1923.
10. Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1930.
11. Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Антология советской археологии (1917–1933). Т. 1. М.: Наука, 1995.
12. Руденко С. И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.–Л.: Наука, 1947.
13. Руденко С. И. Горно-Алтайские находки и скифы. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
14. Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1999.
15. Вадецкая Э. Б. Сказы о древних курганах. Новосибирск: Наука, 1981.
16. Вадецкая Э. Б. Древние маски Енисея. Красноярск–СПб.:Версо, 2009.
17. Савинов Д. Г. Древние поселения Хакасии. Торгажак. СПб., 1996.
18. Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.
19. Савинов Д. Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб: Изд-во СПбГУ, 1994.
20. Савинов Д. Г. Государство и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово, Кузбасвузиздат, 1994.
21. Самый замечательный препод. // Режим доступа: URL: vk.com/club63391 (дата обращения: 29.09.2016).

УДК 378.4+902(470.333)

В. Н. Гурьянов, А. А. Чубур

Брянский государственный университет им. академика

И.Г. Петровского, Брянск, Россия

**ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ВУЗ В РОССИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ
(НА ПРИМЕРЕ БРЯНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА)**

В статье рассказывается об опыте преподавания археологии и ведения археологических научных исследований в единственном в западных областях России (Брянская, Смоленская, Калужская, Орловская) вузе, где до сих пор

работает коллектив специалистов-археологов. Рассматриваются позитивные и негативные стороны современной российской вузовской науки.

Ключевые слова: археология, университет, российская провинция, брянская наука, высшее образование, Брянск.

V. N. Gurianov, A. A. Chubur

*Bryansk State University named after Academician Ivan Petrovsky,
Bryansk, Russia*

**PROVINCIAL UNIVERSITY IN RUSSIAN ARCHEOLOGY
(ON EXAMPLE OF BRYANSK STATE UNIVERSITY)**

The article describes the experience of teaching archeology and conducting archaeological research in the only in the western regions of Russia (Bryansk, Smolensk, Kaluga, Orel) university, which still employs a team of experts and archaeologists. We consider the positive and negative aspects of modern Russian university science.

Keywords: Archaeology, University, Russian province, high school science, higher education, Bryansk

Археология, как наука, ныне теплится уже далеко не во всех вузах западного и центрального регионов России. Так, в Орловском университете профессиональных археологов не было еще с советского времени. Сходную картину теперь можно наблюдать и в Смоленском университете после ухода на заслуженный отдых (и одновременно в краеведческий музей) патриарха смоленской археологии Е. А. Шмидта, недавно отметившего 95-летие. Похожая ситуация после ухода археологов в музейные и академические учреждения сложилась к настоящему времени и в Калужском педуниверситете. При этом отметим, что Смоленский и Калужский музеи археологические исследования ведут [1], а Орловский всё, пока позволяло здоровье местных исследователей [2]. Таким образом, сложилась ситуация, в которой лишь Брянский государственный университет оказался единственным из четырех региональных вузовских центров Запада России, где археологией занимаются профессионалы и где археологию и смежные дисциплины соответственно преподают эти специалисты.

В Брянске так тоже было не всегда. После переезда пединститута из Новозыбкова в областной центр и создания истфака в 1976 г., археологию преподавали историки, а не археологи-практики. Правда, руководство полевой практикой вел археолог из Брянского краеведческого музея Ф. М. Заверняев. В 1981 г. ситуация меняется: в БГПИ пришел археолог-профессионал Е. А. Шинаков, за ним закрепились

курсы археологии и смежных дисциплин. Он же создал и возглавил экспедицию, на базе которой стали проходить полевые практики, начал формировать команду исследователей из местных кадров. Достижения археологов на истфаке БГПИ–БГПУ–БГУ в 1982–2001 гг. детально описаны Г. П. Поляковым и В. В. Миненко [3], мы же остановимся на последующем периоде.

К настоящему моменту в БГУ трудится небольшая слаженная команда специалистов в области археологии — профессор Е. А. Шинаков, начальник отдела научных исследований БГУ В.Н. Гурьянов, доцент А. А. Чубур, лаборант М. В. Синицына. Основные научные направления соответствуют как сфере научных интересов членов команды, так и запросам времени. Это:

- 1) социокультурная адаптация древних обществ к меняющейся природной среде в верхнем Поднепровье и Подесенье;
- 2) этнокультурная история Деснинского региона;
- 3) локализация и исследование средневековых летописных центров периода Киевской Руси, Ордынского влияния и вхождения региона в состав Великого Княжества Литовского и Русского;
- 4) Региональная история археологии. Большое внимание уделяется также применению методов естественных наук в археологических исследованиях [4].

Современные экономические условия требуют от вузов новых подходов к организации исследовательской деятельности, опирающихся на привлеченные средства грантов и хоздоговоров [5]. Ежегодно в рамках федеральных и региональных конкурсов РГНФ часть предлагаемых археологами БГУ проектов (в особенности те, что направлены на проведение полевых исследований и научной обработки археологических коллекций) получает поддержку.

Кроме того, неоднократно на хоздоговорной основе производились охранно-спасательные раскопки на территории древнерусского комплекса Вщиж и целого ряда других археологических объектов, регулярно ведутся обследования по трассам различных коммуникаций. Среди большого числа хоздоговорных работ, выполненных археологами БГУ, особняком стоит исследование микрорегиона Курово в районе строительства объездной автостреды и моста у г. Погар в 2006 г., когда были на широкой площади изучены три многослойных памятника, хронологически охватывающие период от каменного века до позднего средневековья [6]. В настоящее время обработка материалов раскопок практически завершена и готовится монографическая публикация.

Археологи БГУ регулярно принимают участие в научных конференциях в России и в зарубежных странах (Великобритания, Польша, Чехия, Болгария, Румыния, Украина, Беларусь, Казахстан). Ежегодно из печати выходят десятки работ брянских археологов, в том числе индексируемых в наукометрических базах РИНЦ, WoS, SCOPUS. Получил международное признание и издаваемый брянчанами «Русский сборник» (название происходит от руси, как этносоциальной группы), 8 выпусков которого уже увидели свет. Постоянно, начиная с 2010 г., археологические исследования БГУ освещаются и в «Ежегоднике НИИ фундаментальных и прикладных исследований», а также в «Вестнике БГУ», рекомендованным ВАК.

Команду БГУ связывает сотрудничество с археологическими учреждениями РФ. В первую очередь это Институт археологии РАН (в качестве примера приведем работы 2013–2015 гг. в долине р. Сев после находки Усухского клада киевской культуры под руководством А. М. Обломского при активном участии брянских археологов) [7] и Институт истории материальной культуры РАН. Назовем также Институт археологии Юго-востока Руси при КГУ, Курский государственный областной музей археологии, Федеральный государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле», высшие учебные заведения. Постоянно поддерживаются контакты с коллегами из Липецка, Ельца, Воронежа и других городов. Наметилось сотрудничество в области стыка археологии и естественных наук с Институтом генетики СО РАН.

В течение последних 15 лет развивается и международное сотрудничество в области археологических исследований. Следует назвать российско-болгарскую экспедицию, работающую на территории как Брянской области (раскопки курганного могильника Елисеевичи, окрестности села Хотылево), так и на территории Болгарии, совместную с Университетом Паисия Хилендарского в Пловдиве (с болгарской стороны исследования возглавлял долгое время доктор И. Х. Джамбов).

Начиная с 2007 г. по инициативе БГУ и Конинского окружного музея (глава отдела археологии магистр К. Я. Горчыца) действует постоянная совместная Российско-Польская (а к настоящему времени уже Российско-Украинско-Белорусско-Польская) экспедиция под патронажем Общества международного сотрудничества «Польша-Восток» (вице-президент З. Яцашек). Экспедиция ежегодно ведет исследования памятников в хронологическом диапазоне от первобытной эпохи до позднего средневековья и раннемодернового времени на террито-

рии Великопольского воеводства. Развивалось и сохраняется также сотрудничество в рамках совместных российско-украинских экспедиций (в частности с Нежинским и Черниговским университетами, Институтом археологии НАН Украины), совместные проекты в области археозоологии с Национальным природоведческим музеем НАН Украины.

На базе археологических лабораторий НИИ ФиПИ БГУ и факультета истории и международных отношений БГУ регулярно проходит молодежная (с участием студентов, магистрантов и аспирантов) международная археолого-этнологическая конференция «Древности Средне-Западной России и сопредельных регионов» с изданием сборников научных трудов начинающих и молодых ученых, индексируемых в РИНЦ и помещающихся уже 4 года в открытом доступе в НЭБ. В этих конференциях принимают участие представители вузов Украины, Беларуси и европейской части России, в т. ч. студенты и магистранты кафедры археологии Санкт-Петербургского университета. Наши ученики, в свою очередь, регулярно выступают с докладами на международной студенческой конференции «Средневековые древности центрально-восточной Европы» в Чернигове (Украина).

Выпускники истфака БГУ, прошедшие в alma mater школу экспедиций и лабораторно-камеральных исследований, в настоящее время работают в таких археологических центрах федерального значения, как Институт археологии РАН, Государственный Исторический музей, а также в ряде региональных музеев и учреждений по охране памятников культуры. К сожалению, в самом вузе возможности для трудоустройства выпускников ограничены в силу диктуемого федеральным центром урезания объема аудиторных часов при параллельном персональном росте учебной нагрузки. Это возможно, как правило, при работе в рамках временных научных коллективов по реализации хозяйственных договоров и проектов по грантам.

Можно констатировать, что, хотя ситуация в отечественной вузовской археологии в целом далеко не безоблачна, археология в БГУ занимает довольно уверенные позиции.

Как уже говорилось, вузовская археология ныне поставлена в жесткие условия самофинансирования. С каждым годом она все ближе к американской модели с ее плюсами (поощрение инициативы, активность научного поиска) и минусами (сложность организации длительных разработок, финансовая неуверенность). Для самих археологов это, бесспорно, нелегко. Однако в ситуации наступающего в стране системного кризиса именно такой археологической науке бу-

дет легче выжить, нежели консервативным структурам. Важно и то, что именно вузовская археология склонна к развитию горизонтальных связей, что делает ее динамичней.

При пессимистическом сценарии всё перечисленное может дать шанс спасти отечественную археологию с ее специалистами, внешними связями, научными школами в виде мозаики широко взаимодействующих между собой региональных научных центров [8]. Региональные научные центры при вузах, способные готовить кадры и вести самостоятельные исследования на профессиональном уровне, могут стать «подушкой безопасности» для целого ряда научных направлений, включая археологию.

Литература:

1. Болдин И. В., Грудинкин Б. В., Ефимов А. Е., Массалитина Г. А., Прошкин О. Л., Хохлова Т. М. Археология Калужской области. Калуга, 1999. 376 с.
2. Краснощекова С. Д., Красницкий Л. Н. Археология Орловской области. Орел: Вешние воды, 2006. 320 с.
3. Миненко В. В., Поляков Г. П. Археология на историческом факультете // Русский сборник. Брянск, РИО БГУ, 2002. С.228–247.
4. Чубур А. А., Шинаков Е. А. Предыстория и история Кафедры Отечественной истории древности и средневековья // Русский сборник. Вып.2–3. Брянск: РИО БГУ, 2006. С.32–38.
5. Гурьянов В. Н. Хоздоговорные археологические работы Брянского государственного университета // Роль университетов в поддержке гуманитарных научных исследований. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции. В 3-х т. Т.1. Тула: ТГПУ, 2006. С.52–54.
6. Шинаков Е. А., Гурьянов В. Н., Карпов Д. А., Миненко В. В., Чубур А. А. Охранные раскопки у села Курово на Судости // Археологические открытия. 2006. Т. 2009. С. 322.
7. Ахмедов И. Р., Обломский А. М., Радюш О. А., Гурьянов В. Н., Чубур А. А., Приймак В. В. Новые материалы раннего железного века и средневековья в Суземском районе Брянской области // Археологические исследования в еврорегионе «Днепр» в 2013 г. Брянск, 2015. С.17–39.
8. Чубур А. А. Феномен краеведческой археологии: от расстрелянных романтиков к региональным научным центрам // Современная наука: тенденции развития. Краснодар, 2012. С.59–67.

УДК 902/930

Е. В. Детлова

Красноярский краевой краеведческий музей, Красноярск, Россия
ГЕРО ФОН МЕРГАРТ И ЕГО «МАРБУРГСКАЯ ШКОЛА»

Важную роль в подготовке профессиональных археологов Германии в XX веке сыграла так называемая «марбургская школа». История этой школы представляет несомненный интерес и значимость не только для европейской науки, но и для российской, так как ее первый руководитель, выдающийся австрийский археолог Геро фон Мергарт внес значительный вклад в российскую археологию. В статье рассматриваются предпосылки возникновения, основные этапы становления школы, ее особенности; значительное внимание уделяется личности ее основателя и лидера.

Ключевые слова: первобытная археология, Марбург-на-Лане, научная школа

E. V. Detlova

Krasnoyarsk regional museum of local lore, Krasnoyarsk, Russia
GERO VON MERHART AND HIS «MARBURG SCHOOL»

The important role in training of professional archeologists of Germany in the XX century was played by so-called «Marburg school». The history of this school is very interesting and important not only for the European science, but also for Russian, because her first head, the famous Austrian archeologist Gero von Merhart has made the significant contribution to the Russian archeology. The preconditions, the main stages of formation of this school, its feature are considered in article; the considerable attention is paid to the identity of her founder and the leader.

Keywords: prehistory, Marburg a.d. Labn, scientific school

Учреждение кафедры первобытной истории в Марбургском университете Филиппа в 1927 г. имело огромное значение для первобытной археологии Германии, так как означало ее выделение как самостоятельной дисциплины. Однако должность руководителя кафедры некоторое время оставалась вакантной.

В силу различных причин [1] кандидатуры многих ведущих немецких и австрийских археологов были отклонены. Руководство вуза обратилось к археологу менее известному, ассистенту директора Римско-Германского Центрального Музея в Майнце, Геро Мергарту фон Бернеггу [2]. 1 мая 1928 г. Геро фон Мергарт вступил в заведование кафедрой.

Жизнь ученого в начале его преподавательской деятельности не отличалась размеренностью. «Мои книги год лежат в Инсбруке, моя мебель — в Инсбруке, Брегенце и Цюрихе, я живу с двумя чемоданами в Майнце, а преподаю в Марбурге¹. Самый «рассеянный» профессор Германской империи» — признается он в письме своему другу и корреспонденту, финскому археологу А. М. Тальгреноу² (25.05.1928).

Много времени отнимали хлопоты относительно обустройства кафедры [3], скудное оснащение которой не соответствовало представлениям Мергарта о систематическом образовании специалистов-археологов. Как не соответствовали этому и учебные программы, которые существовали в то время. Единого подхода к преподаванию первобытной археологии в Германии попросту не было [4].

Преподаватели выдвигали различные требования к набору обязательных для изучения дисциплин. Широко был и разброс существующих в вузах тематик лекций и семинарских занятий. Сам Мергарт настаивал на изучении в первую очередь методологии и источниковедения. Неотъемлемой частью образовательного процесса он считал, помимо теоретической базы, также овладение практическими навыками. Методика проведения раскопок, составление отчетов о находках, ландшафтная съемка, архивирование, музейная работа — это тот необходимый минимум, которым должен был владеть каждый квалифицированный специалист.

С первых же лекций в Марбурге Мергарт систематически выстроил теоретическую подготовку и разделил материал на 6 семестров: за четырехчастным введением в цели, историю, виды находок, методы и хронологию следовали очерки евразийской истории, описание отдельных культурных этапов. Много времени уделялось факторам распространения и географии находок, значительная роль отводилась при этом миграциям, межэтническим контактам, товарообмену и т. д. Отдельные лекции были посвящены хронологии, истории германских племен [5, 6].

¹ После возвращения на родину из русского плена в 1921 г. ученый в поисках оплачиваемой должности был вынужден менять местожительство. Брегенц в Австрии — его родной город; в Инсбруке в 1924–1925 гг. он на добровольных началах работал в Тирольском музее и читал лекции в Инсбрукском университете; в 1927 г. работал в музее Майнца; а в Цюрихе жила его супруга.

² Здесь и далее — цитаты из переписки Геро ф. Мергарта с А.М. Тальгреном из архива Рукописного отдела Национальной библиотеки Финляндии (РОН-БФ. Coll.230.7). Благодарю С.В. Кузьминых за возможность ознакомиться с этими письмами.

Успехом своих лекций и семинаров Мергарт был обязан не только их содержанию, но и виртуозной подаче материала. Образно описывает стиль лекций Мергарта представитель послевоенного поколения его учеников Георг Коссак:

«Пустой болтовни мы достаточно наслушались в другом месте; а здесь было введение в науку, которое мотивировало нас, побуждало к размышлению и заставляло восполнять пробелы в знаниях (...) Ритор высокого ранга, но не только потому, что владел техникой убедительной речи, а потому что до последнего он продумывал то, что утверждал. Простая болтовня была ему глубоко противна. Он считал нечестным высказываться, не вникнув в суть вещей» [6, S. 14].

Можно ли считать Марбургскую семинарию «научной школой» в строгом понимании этого термина? Ответить на этот вопрос однозначно сложно. Большинство исследователей «марбургскую школу» все же признают, о ней пишут, ее историю изучают. Наиболее полно проанализировал ее деятельность А.С. Клейн [7, С. 127–133].

Становление этой школы связывают в первую очередь с именем ее лидера, Геро фон Мергарта, вокруг которого сплотился круг учеников. Общение их с наставником в стенах университета и за его пределами — «в личном общении с шефом на раскопках и в обеденных паузах в кафе „Феттерс Террасен“ — отчеканилось в тесно связанную общность» [8, s. 8].

Ученики прибывали со всей территории Германии и из-за границы. Всего под руководством Мергарта появилось более 30 диссертаций. В выборе тем, охватывающих различные области древней истории, «от мезолита до эпохи Меровингов», «во многом нашли отражение интересы учителя, высказанные им в курсе лекций или в дискуссиях мысли» [1, s.12]. Сам руководитель кафедры при жизни, увы, не успел опубликовать все, что планировал: Мергарт-ученый в итоге уступил Мергарту-педагогу:

«Однажды обо мне скажут, «он был учитель и человек, но до ученого ему не хватило ни душевных, ни физических сил». И если скажут только это, то я буду горд, так как только лишь за учителя и человека я буду бороться изо всех сил (...) мои ученики станут когда-нибудь моими книгами» (6.04.1934).

Эти строки из письма А.М. Тальгрёну звучат пророчески. Как показало время, Мергарт был абсолютно прав.

Несмотря на то, что с 1934 года в Германии появилось 16 ординатур по доистории, многие стремились получить образование именно в Марбурге. Не в последнюю очередь своим процветанием и популяр-

ностью кафедры была обязана педагогическому таланту ее руководителя.

Стабильное существование кафедры было подорвано в годы Второй мировой войны. Восемь из двадцати восьми ее выпускников погибли на фронте. Вместо научных публикаций в этот период из-под пера Геро фон Мергарта выходят не научные статьи, а некрологи на тех, на кого он возлагал большие надежды [9, 10, 11]. О том, каким ударом стала их гибель, свидетельствуют горькие строки его писем А. М. Тальгрону:

«Мой первый преемник, мой лучший ученик, пал под Харьковом, но пришел второй, тоже мой ученик, который потерял на Восточном фронте лишь 6 пальцев и поэтому смог остаться при университете <...> Таким образом, я остаюсь «дедушкой семинарии» на старом месте и продолжаю писать мои бесполезные штудии <...> Еще многие другие мои молодые ученики пали на Западе и Востоке, а для учителя это означает похоронить многие надежды <...> Будто теряешь собственных детей» (3.01.1943).

Пострадала не только «марбургская лавочка»³, но и ее шеф. Какое-то время Мергарт старался быть лояльным режиму и в политику не вмешивался. А на упреки Тальгрена в бездействии отвечал так:

«Я признаю, что есть, так сказать, шумный вид «исследователей», которые верят, что у них лучший и самый полезный для Отечества род исследований <...> Но что касается меня, то я <...> полагаюсь на моих учеников <...>, я внушаю себе, что сею лучшие семена, которые дадут плоды» (26.09.1936).

Однако уже в 1930-е гг. начались нападки на ученого. Ему в вину вменялось и заступничество за еврейских ученых⁴, и воспитание сына в католической гимназии — на эти «прегрешения» власть еще могла бы закрыть глаза. Самым большим преступлением была независимая позиция марбургской кафедры и ее руководителя.

Открытое проявление конфликта кафедры с официальной идеологией достигло апогея в обличительной статье Йоахима Бенке «Германские основы немецкой народности» [12]. В ней автор анализирует конкурсные работы студенческих групп различных вузов по древней истории германцев. Работа о гессенской доистории марбургской

³ Так в шутку называли *alma mater* учащиеся Марбургской семинарии.

⁴ Имеются в виду его выступления в защиту Герхарда Берсу — в то время — директора Римско-Германской Центральной Комиссии во Франкфурте-на-Майне.

группы была признана не соответствующей требованиям конкурса. Основные претензии: несоответствие теме конкурса, несамостоятельность работы студентов, обусловленная тесной связью с кафедрой, также и то, что семинария оставила за собой исключительные «права на текст и иллюстрации». Но самым большим «изумлением» стало содержание работы, которое даже «приблизительно не соответствует научным и мировоззренческим запросам национального исследования по доистории» [12, s. 56].

Тоталитарная система не терпит инакомыслия. В 1938 г. Мергарта отстранили от преподавания, а в 1942 г. отправили на пенсию безо всяких почестей. В эти годы на кафедре его заменял его ученик Вольфганг Ден. В 1944 г. Ден был вторично призван на фронт, в апреле 1945 г. попал в плен, откуда возвратился лишь в 1947 г. С сентября 1946 до 1949 гг. кафедру вновь возглавлял Геро Мергарт, воспитав за этот период новое поколение талантливых молодых ученых. Всего за восемнадцать довоенных и семь послевоенных семестров Мергарт подготовил четыре поколения исследователей [6, s. 5].

В 1949 г. он передал бразды правления кафедрой В. Дену и другим своим ученикам и окончательно покинул Марбург. Но до конца жизни оставался тесно связанным с Марбургской семинарией, ей же он завещал свою обширную личную библиотеку и свой научный материал.

Ученики продолжили дело своего наставника, привнеся со своей стороны много нового в преподавание. Однако в целом они сохранили дух кафедры, ее аполитичность, независимость, высокие стандарты подготовки, приумножили ее международную славу, расширив географию студентов и преподавателей. Марбургцы доминировали в университетах и в других профессиональных институтах в Федеративной Республике Германии в первые десятилетия после Второй мировой войны, работали «академическими преподавателями, учеными и специалистами по охране памятников» [13, s. 386]. Влияние «школы Мергарта» ощущалось вплоть до второй половины 1980-х гг. [14, s. 20].

И смело можно добавить — продолжается по сей день.

Литература:

1. Sangmeister E. 50 Jahre Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität Marburg // Festschrift zum 50jährigen Bestehen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Marburger Studien zu Vor- und Frühgeschichte. Gladenbach: Verlag Kempkes, 1977. Bd.1. S. 1–44.

2. Detlova E. Die Beziehungen Gero von Merharts zu den Kollegen in Russland // Gero von Merhart. Ein deutscher Archäologe in Sibirien in 1914–1921. Kleine Schriften aus dem Vorgeschichtlichen Seminar Marburg. Marburg: Vorgeschichtliches Seminar Marburg, 2010. Bd. 59. S. 73–85.
3. Merhart G. Der neue Lehrstuhl für Prähistorie an der Universität Marburg // Nachrichtenblatt für deutsche Vorzeit. Leipzig: Verlag von Kurt Kabitzsch, 1928. 4. Jahrgang, Heft 10. S. 145–148.
4. Merhart G. Urgeschichts-Studium // Nachrichtenblatt für deutsche Vorzeit. Leipzig: Verlag von Kurt Kabitzsch, 1931. 7. Jahrgang. S. 226–232.
5. Kossack G. Einführung in Werk und Methode G. v. Merharts // Gero von Merhart. Hallstatt und Italien. Gesammelte Aufsätze zur Frühen Eisenzeit in Italien und Mitteleuropa. Mainz: Römisch-Germanisches Zentralmuseum, 1969. S. 8–16.
6. Kossack G. Gero v. Merhart und sein akademischer Unterricht in Marburg // Gedenkschrift für Gero von Merhart zum 100. Geburtstag. Marburger Studien zur Vor- und Frühgeschichte. Marburg/Lahn: Hitzeroth, 1986. Bd. 7. S. 1–16.
7. Клейн А. С. История археологической мысли. В 2 т. Т.2. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2011. 624 с.
8. Dehn W. Professor Dr. Gero von Merhart // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 6. Jahrgang. S. 7–15.
9. Merhart G. Werner Buttler // Prähistorische Zeitschrift. Berlin: Verlag Walter de Gruyter, 1939/40. Bd.30/31. S. 479–482.
10. Merhart G. Friedrich Holste // Nachrichtenblatt für Deutsche Vorzeit. Leipzig: Verlag von Johann Ambrosius Barth, 1942. 18. Jahrgang, Heft 5/6. S. 113–115.
11. Merhart G. Walter Rest, Wolfgang Lucke // Nachrichtenblatt für Deutsche Vorzeit. Leipzig: Verlag von Johann Ambrosius Barth, 1942. 18. Jahrgang, Heft 9/10. S. 201–204.
12. Benecke J. Die germanischen Grundlagen des deutschen Volkstums (Vorgeschichtlichen Arbeiten im Reichleistungskampf der Deutschen Studentenschaft) // Germanen-Erbe. Leipzig: Verlag von Kurt Kabitzsch, 1936. Bd. 1. S. 54–57.
13. Vonbank E. Universitäts-Professor Dr. Gero von Merhart // Jahrbuch des Vorarlberger Landesmuseumsvereins. Bregenz: Vorarlberger Landesmuseumsvereins, 1957. Bd. 2. S. 386–391.
14. Eggert Manfred K.H. Prähistorische Archäologie: Konzepte und Methoden. 3. Auflage. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag GmbH&Co, 2008.

УДК 378.14

Э. Кайзер, И. Е. Сафонов

Свободный университет, Берлин, Германия

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

**ПОДГОТОВКА АРХЕОЛОГОВ ПО ПЕРВОБЫТНОЙ АРХЕОЛОГИИ
В УНИВЕРСИТЕТАХ ГЕРМАНИИ**

Аннотация: в настоящей статье представлена информация о вариантах подготовки специалистов в области археологии в университетах Германии. Показано, что немецкая практика подготовки специалистов по археологии и охране историко-культурного наследия имеет свою специфику и обладает большим положительным опытом.

Ключевые слова: Болонская система, университет, высшее образование, Германия, ФГОС ВПО, история, археология

E. Kaiser, I. E. Safonov

Free University, Berlin, Germany

Voronezh State University, Voronezh, Russia

**THE TEACHING OF ARCHAEOLOGISTS IN PREHISTORIC
ARCHAEOLOGY AT GERMAN UNIVERSITIES**

Abstract: This article presents an overview of different training programs for students pursuing degrees in archaeology and cultural heritage preservation in German universities. Special attention is given to career opportunities for archaeology graduates.

Keywords: Bologna Process, university, higher education, Germany, Federal State Educational Standard for Higher Professional Education, history, archaeology

Важной составляющей развития археологии как научной дисциплины является состояние профессионального археологического образования в стране. Поскольку Россия с 2010 г. осуществила переход на двухуровневую систему высшего профессионального образования и подготовки кадров историков и археологов в рамках Болонской системы, то особый интерес представляет опыт других европейских стран в реализации идей Болонского процесса — движения, цель которого заключается в гармонизации систем высшего образования стран Европы [1, с. 438–440; 2].

Германия является участницей Болонского процесса с 1999 года — года подписания Болонской декларации министрами образования 29 европейских государств. В отличие от России, важная особен-

ность археологического образования заключается в том, что в Германии археология является полноценной и самостоятельной научной дисциплиной в рамках университетского образования [3; 4]. Обучаясь по данному направлению, студенты в итоге получают степень бакалавра или магистра археологии. Одна из главных отличительных черт преподавания археологии в высших школах Германии заключается в выделении отдельных направлений, отличающихся, в первую очередь, своими хронологическими и региональными особенностями.

Выделяют следующие виды: первобытной и раннеисторической археологии (нем. *Ur- und Frühgeschichte*), библейской и христианской, переднеазиатской, классической, провинциально римской, а также средневековой и археологии нового времени. Как видно уже из приведенного перечня, такое членение археологии на отдельные виды обусловлено спецификой источников, с которыми археологу приходится иметь дело в своей практике. Даже, казалось бы, единый предмет как первобытная и раннеисторическая археология, о которой речь пойдет далее, различается: первобытная (доисторическая) археология занимается изучением материальной культуры исключительно бесписьменных племён и народов, в то время как раннеисторическая археология подразумевает возможности привлечения других, в первую очередь, письменных источников.

Собственно, первобытную и раннеисторическую археологию преподают только в семи вузах Германии, а в сочетании с другими видами — в 23 научно-учебных заведениях страны [4, с. 8, 291]. Таким образом, эта специальность имеется в каждом пятом из 117 немецких университетов. В среднем ей обучается порядка 4000 студентов, что по немецким меркам делает её не такой уж «узкой» дисциплиной.

Начало академическому оформлению преподавания и изучения археологических древностей Германии положили два практически совпадающих по времени события. Это образование Римско-Германской комиссии во Франкфурте-на-Майне и введение в 1902 г. должности экстраординарного (внештатного) профессора немецкой археологии философского факультета в Берлинском университете им. Фридриха-Вильгельма, которую занял Г. Косинна. Почти четверть века (до 1926 г.) он являлся первым и единственным преподавателем по доисторической археологии в высших учебных заведениях страны [5, с. 13–15, 20].

Официальным годом становления первобытной и раннеисторической археологии считается 1927 г., когда в г.Марбурге был образован семинар по доистории, который возглавил Геро фон Мергарт — пер-

вый штатный профессор археологии в немецких университетах [6, с. 40–43].

Существенный сдвиг в плане институциональной организации немецкой доисторической науки произошел в годы правления национал-социалистов в Германии, когда первобытная история и археология играли важную роль в идеологической пропаганде нацистов. Было создано более десяти институтов, кафедр, семинаров по доисторической археологии в разных университетах Германии, большинство из которых существуют и сейчас [7].

Естественно, что сегодняшняя подготовка кадров археологов полностью вписана в рамки Болонской системы, что подразумевает двухступенчатое образование — бакалавриат (6 семестров) и магистратуру (от 2 до 4 семестров), а также введение т. н. «кредитных пунктов», которые служат своеобразным количественным показателем трудозатрат студентов. Благодаря такому введению, студенты получили большую самостоятельность и возможность выбора курсов при обучении в университете.

Это особенно актуально, ввиду современной ситуации в немецком образовании, ведущем политику финансовой экономии. Без потери общей содержательной направленности археологического образования Германии, преподавание первобытной и раннеисторической археологии в университетах страны различается по структуре и направлению. Например, Институт первобытной и раннеисторической археологии университета Кёльна уже долгое время специализируется на изучении проблем каменного века. Вместе с отделением археологии и археоботаники университета Франкфурта-на-Майне здесь получают образование археологи, специализирующиеся преимущественно на археологии Африки.

Сведения о существующих программах по археологии в других университетах Германии можно почерпнуть на сайтах археологических образовательных учреждений приведенных в таб.1, а в целом для знакомства с программами подготовки по другим археологическим направлениям рекомендуем посетить сайт Немецкого союза археологов (<http://darv.de/archaeologie/studiengaenge/>).

Как правило, бакалавриат предполагает получение более общих знаний по археологии, а магистратура — определённую специализацию¹, с упором на практическую составляющую. Так основными фор-

¹ Семестровое расписание занятий и читаемые курсы представлены в свободном доступе на сайтах соответствующих учебных заведений (см. табл. 1).

мами обучения для бакалавров Института доисторической археологии Свободного университета, запланированными на летний семестр 2016 г., являются вводные курсы и семинары: «Неолитизация южной Европы», «Пиренейский полуостров от иберов до исламизации», «Происхождение и распространение животноводства», «Введение в полевую археологию, цифровую геодезию и охрану памятников», «Мясо, рыба, растительная пища — системы питания в древности» и др. Для магистров помимо углубленных семинаров и коллоквиумов («Кельты и этруски: культурные контакты в Альпах», «До- и ранняя история Балтики», «Ландшафтная археология» и др.) предусмотрена четырехнедельная практика по экспериментальной археологии; участие в археологических раскопках (4 недели); практика в музеях, лабораториях или других археологических учреждениях; различного вида археологические экскурсии.

Аналогичное направление по доисторической археологии университета в Галле предлагает курсы «Доисторические погребения», «Исследования по неолиту Средней Европы», «Эпоха бронзы Пиренейского полуострова», «Введение в технику проведения раскопок», «Экспериментальное производство керамики» и др.

Такое разнообразие археологических дисциплин теоретически должно бы способствовать тому, что студенты получают большую свободу в выборе курсов в различных университетах, и они могут перемещаться из одного вуза в другой в поисках подходящих лекций и практических занятий для более углубленного получения знаний по желаемому профилю. Но на практике этой возможностью пользуются крайне ограниченное число будущих археологов.

Уже из примеров видно, что система подготовки археологов в Германии более специализирована, чем в России. В этом есть свои плюсы и минусы. Конечно, в научно-практическом отношении, такая углубленная подготовка является серьёзным фундаментом для дальнейшей успешной научной деятельности. Однако здесь существует целый ряд проблем, связанных с возможностями дальнейшего трудоустройства большей части выпускников-археологов. Как и в других странах, перед археологами открывается несколько путей построения своей профессиональной карьеры. К традиционным, классическим археологическим направлениям можно отнести научную и преподавательскую деятельность; музейную и экскурсионную работу; занятость в органах охраны памятников и историко-культурного наследия в соответствующих общегосударственных и федеральных учреждениях страны; работа в различного рода коммерческих фир-

мах по производству раскопок (как и в России, преимущественно, в зоне новостроек и реконструкций). К новому направлению сейчас относят деятельность в средствах массовой информации, издательскую деятельность, радио, телевидение, кино, где требуются сведущие специалисты в этой специфической для масс-медиа области [8].

Казалось бы, с одной стороны, спектр рынка труда достаточно широк, но, как показывает практика, кандидатов на вакантные места больше, чем самих мест.

Есть сложности с трудоустройством и в традиционных направлениях, например, в музеях. Известно, что работа в современном музее включает в себя целый ряд видов деятельности, не связанных напрямую с археологией. Помимо разработки и планирования выставок, это и инвентаризация, каталогизация, работа с архивом, а также связи с общественностью, редакционно-публикационная работа и др. Для бакалавров и магистров археологов предусматривается музейная стажировка, но она носит преимущественно ознакомительный характер и фактически является первым профессиональным опытом для студента. Ситуация занятости в музее усугубляется и за счет конкуренции с выпускниками по другим дисциплинам, например, истории науки, этнографии и этнологии, культурологии, также претендующими на вакантные места в музее. Ввиду их лучшей подготовленности, выпускникам-археологам здесь зачастую трудно с ними конкурировать.

Сейчас в образовательной среде Германии активно обсуждаются вопросы о необходимости введения большего числа междисциплинарных курсов, что позволит получить студентам более широкую базовую подготовку [9]. Ясно, что для того, чтобы начать работать в качестве археолога, диплома бакалавра недостаточно. Для этого необходимо получить еще и степень магистра. Но и на этом не следует останавливаться: как и в случае с другими гуманитарными науками, защита диссертации значительно улучшает шансы на рынке труда. Кроме того, становится понятным, что ввиду усиливающейся здесь конкуренции современная археология включает в себя сейчас далеко не только умения грамотно провести раскопки, написать отчет и проанализировать полученный материал, но и возможность работать в других направлениях, где требуются, как собственно археологические навыки, так и знания других дисциплин.

Литература:

1. Мельникова О. М. Проблемы высшего профессионального археологического образования в университетах России // Современные

проблемы археологии России: материалы Всерос. археол. съезда (23–28 окт. 2006 г., Новосибирск). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии. Т. 2. 2006. 523 с.

2. Канторович А. Р., Лбова Л. В., Ениосова Н. В. О состоянии и перспективах археологического образования в ВУЗах России в условиях перехода на двухуровневую систему // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 9. Вып. 3: Археология и этнография. 2010. С. 5–13.

3. Вайц В. По стопам Индианы Джонса: археология в немецких вузах // Режим доступа: <http://dw.com/p/1D7nm/> (дата обращения 01.10.2016).

4. Eggert M. K. H., Samida S. Ur- und Frühgeschichtliche Archäologie. Tübingen/Basel: A. Francke Verlag, 2013. 2. Auflage. 337 S.

5. Leube A. Prähistorie zwischen Kaiserreich und wiedervereinigtem Deutschland: 100 Jahre Ur- und Frühgeschichte an der Berliner Universität Unter den Linden. Bonn, 2010. 257 S.

6. Merhart G. Daljoko: Bilder aus sibirischen Arbeitstagen / Hrsg. von H. Parzinger. Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag, 2008. 287 S.

7. Prähistorie und Nationalsozialismus: die mittel- und osteuropäische Ur- und Frühgeschichtsforschung in den Jahren 1933–1945 / Hrsg. von Achim Leube in Zusammenarbeit mit Morten Hegewisch. Heidelberg, 2002. XIV, 674 S.

8. Samida S. Archäologie und Medien // Schlüsselbegriffe der Prähistorischen Archäologie / Hrsg. S. Wolfram & D. Mölders, Tübinger Archäologische Taschenbücher 11. Münster: Waxmann Verlag GmbH, 2014. S. 33–37.

9. BA/MA - Die archäologische Ausbildung an den Universitäten versus archäologische Praxis // HSoz-u-Kult, 18.12.2013 // Режим доступа: <http://www.hsozkult.de/conferencereport/id/tagungsberichte-5162> (дата обращения 01.10.2016)

Таблица 1

Город, университет	Учреждение	Сайт
Бамберг	Кафедра археологии средних веков и нового времени; Институт археологии и охраны памятников (отделение II: археология)	https://www.uni-bamberg.de/ufga/
Берлин, Свободный университет	Институт доисторической археологии	http://www.geschkult.fu-berlin.de/e/praehist/Studium/

Бохум	Институт археологических наук; кафедра первобытной и ранней истории	http://www.ruhr-uni-bochum.de/archaeologie/
Бонн	Институт до- и раннеисторической археологии	https://www.vfgarch.uni-bonn.de/
Вюрцбург	Институт древних наук, кафедра до- и раннеисторической археологии	http://www.vfg.uni-wuerzburg.de/
Галле	Институт культурной истории и археологии Европы; Доисторическая археология и археология средневековья и нового времени	http://www.ikare.uni-halle.de
Гамбург	Археологический институт до- и раннеисторической археологии	https://www.fbkultur.uni-hamburg.de/de/einrichtungen/seminare-und-institute
Гейдельберг	Институт первобытной и ранней истории и переднеазиатской археологии	http://www.ufg-va.uni-hd.de
Гёттинген	Семинар первобытной и ранней истории	http://www.uni-goettingen.de/de/110560.html
Йена	Кафедра первобытной и ранней истории	http://www.ufg.uni-jena.de/
Киль	Институт первобытной и ранней истории	http://www.ufg.uni-kiel.de/
Кёльн	Институт первобытной и ранней истории	http://ufg.phil-fak.uni-koeln.de/
Лейпциг	Исторический семинар, профессура по первобытной и ранней истории	http://www.gko.uni-leipzig.de/historisches-seminar/seminar/ur-und-fruehgeschichte.html
Майнц	Институт до- и ранней истории	http://www.vfg-mz.de/
Марбург	Семинар по до- и ранней истории	http://www.uni-marburg.de/fb06/vfg
Мюнхен	Семинар по до- и раннеисторической археологии и провинциально-римской археологии	http://www.vfp-archaeologie.uni-muenchen.de/

Мюнстер	Семинар по первобытной и ранней истории	http://www.uni-muenster.de/UrFruehGeschichte/
Регенсбург	Кафедра до- и ранней истории	http://www.uni-regensburg.de/philosophie-kunstgeschichte-gesellschaft/vorund-fruehgeschichte/
Саарбрюкен	Институт до- и ранней истории и переднеазиатской археологии	http://www.uni-saarland.de/lehrstuhl/vfgeschichte/startseite.html
Тюбинген	Институт первобытной и ранней истории и средневековой археологии	http://www.ufg.uni-tuebingen.de/
Фрайбург	Институт первобытной и ранней истории и средневековой археологии	http://www.iaw.uni-freiburg.de/
Франкфурт-на-Майне	Институт первобытной и ранней истории	https://www.uni-frankfurt.de/45375558/archaeologische_wissenschaften
Эрланген-Нюрнберг	Институт до- и ранней истории	http://www.uf.uni-erlangen.de

УДК 902(571.17): 378

А. Ю. Китова

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ АРХЕОЛОГОВ В СИСТЕМЕ ТРЕХУРОВНЕВОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ*

В статье анализируются проблемы подготовки археологов в системе трехуровневого высшего образования: бакалавриат — магистратура — аспирантура. Современная политика Министерства образования и науки направлена на общее гуманитарное обучение студентов и сокращение часов на такую дисциплину как археология, что вызывает тревогу у преподавателей вузов. Слабое базовое образование на первом уровне, в бакалавриате, приводит к снижению усвоения знаний, умений и навыков в области археологии и в магистратуре.

¹ Статья написана в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки РФ, регистрационный № 33.1175.2014/К

Ключевые слова: обучение археологов, бакалавриат, магистратура, аспирантура.

L. Yu. Kitova

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

ISSUES OF TRAINING ARCHAEOLOGISTS IN THE THREE-TIER SYSTEM OF HIGHER EDUCATION

The article analyzes issues of training archaeologists in the three-tier system of higher education: Bachelor's degree course — Master's degree course — Postgraduate program. Contemporary policy of the Ministry of Education and Research is aimed at generalizing humanitarian training of students and reducing the number of academic hours for such discipline as archaeology, which causes anxiety among university professors. Poor basic education at the first level, Bachelor's course, results in reduced acquisition of knowledge and skills in the field of archaeology at Master's course level as well.

Key words: teaching archaeology, Bachelor's degree course, Master's degree course, Postgraduate program.

С 2007 г. в высшей школе России введена двухуровневая подготовка студентов: бакалавриат и магистратура. Для гуманитариев провинциальных вузов этот переход был безальтернативен, подготовка через специалитет закрывалась. А ведь она предоставляла студентам с третьего курса более вариативную возможность обучения на той или иной специализации. Многими кафедрами археологии университетов страны был накоплен богатый опыт обучения студентов по программе специалитета.

В новых условиях в провинции открыть бакалавриат по направлению или профилю «археология» невозможно. Бюджетные места гуманитарных направлений подготовки постоянно сокращаются. Так, например, если на 2016–2017 гг. в Кемеровском государственном университете (КемГУ) выделено 40 бюджетных мест для направления «История» (бакалавриат), то на 2017–2018 гг. количество бюджетных мест сокращено до 20. Министерство образования и науки РФ приветствует набор студентов на то или иное направления в размере не менее одной группы. Ни один вуз не захочет отдать и так уже очень скромное количество мест, выделяемых в целом для историков-бакалавров, под археологию. Да и время романтиков ушло, и быть археологом уже не так заманчиво, как раньше. Набор студентов-контрактников при росте цен на образование (более 50 тыс. руб. в семестр в провинции) и инфляции заработной платы родителей не закроет необходимое для

существования самостоятельного профиля «археология» количество мест.

При сокращении бюджетного набора бакалавриата Министерство образования увеличивает количество бюджетных мест в магистратуре. Именно бакалавры должны пополнять ряды магистратуры, а их количество изначально недостаточно, чтобы наполнить все профили магистратуры, поэтому руководство вузов пытается уговорить преподавателей кафедр сократить количество профилей подготовки. Например, три профиля подготовки историков-магистров в КемГУ: «История Сибири», «Археология Евразии», «Историография стран Европы» объединить в один. Этот единственный профиль явно будет не в пользу археологии. Современные студенты все чаще отдают предпочтение менее затратным по вложенным усилиям направлениям профессионального обучения. При недоборе в магистратуру Министерством будут сокращаться бюджетные места в вузе на следующий год. Предполагаю, что Министерство образования РФ поставило перед собой задачу сделать большую часть высшего образования платной.

Опыт кафедры археологии КемГУ показал, что привлечение в магистратуру «Археология» студентов, окончивших бакалавриат по другим направлениям подготовки кроме «История», не увенчался успехом. Гуманитарии других направлений подготовки, а также экономисты, поступавшие на обучение к нам на кафедру, имели туманное представление об археологии, о том, какие знания, умения и навыки они должны получить. Все не смогли освоить набор дисциплин профессионального цикла (большинство через месяц-другой перестали посещать занятия) и были отчислены за академическую неуспеваемость с первого курса. Таким образом, расчет на пополнение магистратуры «Археология» за счет бакалавров других направлений кроме «История» не дал результатов.

С момента введения двухуровневой системы подготовки планы и программы обучения студентов согласно государственным образовательным стандартам менялись несколько раз от ГОС до ФГОС 3+. В бакалавриате наблюдается всё большая тенденция на общую гуманитарную подготовку студентов и сокращение часов на такую дисциплину как археология. Это касается и лекционного курса, и археологической практики.

По современным Федеральным образовательным стандартам (ФГОС 3+) можно не планировать курсовые работы на 1–3 курсах бакалавриата, а если вы их планируете, то в нагрузку преподавателю на год работы со студентом дается 2–3 часа. Мы пока стараемся поддер-

живать интерес к археологии у бакалавров и занимаемся со студентами дополнительно за счет собственного личного времени, иначе не понятно, каким образом студент 4 курса может написать выпускную работу, не пробуя во время трехлетнего обучения самостоятельно исследовать какую-либо проблему. Как долго преподаватели вузов захотят нести это бремя, не ясно.

Если провести диахронный анализ системы подготовки магистрантов согласно ГОС — ФГОС 3+, то в учебных планах и программах постоянно увеличиваются часы самостоятельной работы студентов, количество практических занятий и уменьшается объем лекций. Да, мы уходим от пассивного знания (лекции), но ведь оно самое «быстрое». Предполагается, что программы обучения магистрантов все более направлены на развитие самостоятельного поиска студентов. Тем не менее, чтобы эта независимая деятельность обучающихся была эффективной, необходимо вернуть в нагрузку преподавателей индивидуальную работу со студентами. Однако политика оптимизации профессорско-преподавательского состава, проводимая в последнее десятилетие в стране, не позволяет включать в учебную нагрузку преподавателей этого вида работ, т. к. за счет увеличения часов будет уменьшаться соотношение между количеством преподавателей и студентов вуза. И каждый преподаватель решает сам, тратить ли на студента дополнительно свое личное время. Таким образом, страдает подготовка обучающихся.

Пока высокий кадровый потенциал кафедры археологии КемГУ: 7 профессоров, 2 доцента, 1 старший преподаватель, и разнообразие их научных интересов дают возможность закрывать весь спектр дисциплин магистратуры «Археология Евразии». Как когда-то на специалитете, теперь в магистратуре мы стараемся дать студентам знания по всем хронологическим периодам археологии, знакомим магистрантов с основными проблемами археологии Сибири, ведущими достижениями в области отечественной и мировой археологии. Студенты овладевают не только навыками теоретических изысканий, но и методикой полевых археологических исследований.

Кафедра археологии КемГУ, начав подготовку магистров-археологов в 2010 г., восстановила работу научного семинара, на заседания которого обязательно приглашаются все студенты, аспиранты, коллеги из других научных учреждений и все желающие. На научном семинаре преподаватели кафедры выступают с актуальными докладами, результатами своих научных исследований, освещается информация о прошедших научных форумах, слушаются сообщения магистрантов

и др. Однако мне известно, что далеко не все кафедры могут себе это позволить, так как рост загруженности преподавателей вузов увеличило их рабочий день. Такие виды работ индивидуальной нагрузки каждого преподавателя, как научно-исследовательская и учебно-методическая, приходится выполнять за рамками официального рабочего графика. Реально запланированная деятельность преподавателя по этим видам работ у нас на кафедре превосходит в 2–4 раза отведенные для этого часы.

Как ни странно, но одной из трудностей в подготовке магистров является наличие у них дипломов бакалавров, которое предоставляет им возможность устройства на работу. А так как стипендия студентов не достигает и половины прожиточного минимума в стране, то большая их часть работает и часто пропускает занятия. И пока у преподавательского состава кафедры есть большие опасения о потере качества образования.

Справедливости ради необходимо отметить, что государство старается стимулировать творческую активность студентов. Самым действенным импульсом для активной научной работы бакалавров и магистров стало введение дополнительных федеральных стипендий, назначаемых за высокие показатели в научной и общественной деятельности.

С 2014 г. обучение в аспирантуре было переведено из системы послевузовского образования на третий уровень высшего образования. Аспирантская программа обучения предполагает занятия (лекции и семинары) по дисциплинам направления, а также философии, иностранному языку, педагогике и психологии высшей школы. На наш взгляд, в данном случае, т. е. после шести лет высшего образования (бакалавриат и магистратура), нет необходимости снова сидеть на лекциях. Нужно как можно глубже окунуться в тему своего научного исследования, профессионально проанализировать круг необходимой литературы и определить степень изученности темы, провести тщательный подбор археологических и письменных источников, выехать на полевые исследования, а также в случае необходимости в музеи, архивы и библиотеки. Однако для этих видов работ у университетов нет средств, и в ближайшем будущем не предвидится. В планах аспирантов КемГУ, в том числе и археологов, оказалось много дисциплин педагогического цикла, при этом содержание этих дисциплин не имеет принципиального отличия от педагогики на уровне бакалавриата и магистратуры. Эти дисциплины еще более отвлекают аспирантов от решения научных проблем, поставленных перед ними. Необходимо

отметить и положительный факт обучения в аспирантуре по ФГОС. Это включение в программу подготовки аспирантов научно-исследовательских, полевых археологических практик после 1-го и 2-го годов обучения, которые дают им возможность собирать материалы по теме научного исследования не только за счет собственных средств, как это было ранее.

Конечно, мы стараемся включать аспирантов и магистров в деятельность кафедры по выполнению государственных заданий Министерства образования и науки РФ и проектов, осуществляемых при грантовой поддержке. Это стимулирует их научно-исследовательскую работу.

Тем не менее, оптимизация преподавательского состава университета не способствует улучшению преподавания дисциплин профиля археология. Ни одна кафедра вуза в настоящий период не может себе позволить постоянное обновление коллектива за счет аспирантов и молодых преподавателей. Мы усиливаем разрыв поколений. Желание Министерства образования и науки РФ заменить зрелый кадровый потенциал ученых на молодой также может дать отрицательный результат при подготовке обучающихся. В высшем образовании, как и в фундаментальных исследованиях, необходима преемственность.

Итак, нынешняя эпоха перемен в области высшего образования пока негативно повлияла на подготовку археологов в системе бакалавриат — магистратура — аспирантура. Усугубляет ситуацию и то, что слишком быстро меняются госстандарты образования, много требуется разрабатывать всевозможных программ и другой документации, якобы необходимых для повышения качества образования, а на самом деле отвлекающих преподавателей от научно-преподавательской деятельности и выхолащивающих творческий процесс.

УДК 902/904

Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

АРХЕОЛОГИЯ В КУБАНСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

История археологии в Кубанском государственном университете началась с момента его основания в 1920 г. и связана с именами Н. А. Захарова, М. В. Покровского и Н. В. Анфимова. 1985 г. в университете была создана

археологическая лаборатория. Ее руководителем стал И. И. Марченко. В 2003 г. в университете был организован Институт археологии. Археологическая экспедиция университета работает на раскопках курганов, могильников и поселений на территории Краснодарского края. Стационарным памятником для проведения практики студентов с 1989 г. стало меотское Старокорсунское городище № 2. Институт выпускает сборник Материалов и исследований по археологии Кубани. В 1989 г. была организована Кубанская международная археологическая конференция. Научное руководство конференций осуществляется археологами КубГУ.

Ключевые слова: археология, университет, меоты, сарматы.

N. Y. Limberis, I. I. Marchenko

Kuban State University, Krasnodar, Russia

ARCHAEOLOGY AT THE KUBAN STATE UNIVERSITY

The history of archeology at the Kuban State University began when it was founded in 1920 and was associated with the names of N. A. Zakharov, M. V. Pokrovsky and N.V. Anfimov. In 1985 archeological laboratory was established at the University. Its head was I.I. Marchenko. In 2003 the University was organized the Institute of Archaeology. The archaeological expedition of the University working on the excavation of burial mounds, burial grounds and settlements in the Krasnodar region. The stationary monument for practice of students from 1989 was Meotian Starokorsunskaya hill-fort 2. The Institute of Archaeology produces Proceedings of Kuban archaeological research. In 1989 Kuban International Archaeological Conference has been organized. Scientific management conferences carried out by archaeologists of the Kuban State University.

Keywords: Archaeology, University, Meotians, Sarmatians.

История археологии в Кубанском госуниверситете началась с момента его основания в 1920 г. и связана с именами Н. А. Захарова, М. В. Покровского и Н. В. Анфимова. Эти исследователи внесли большой вклад в становление и развитие археологии Кубани. М. В. Покровским и Н. В. Анфимовым была составлена первая карта меотских памятников Прикубанья [1], изучены десятки памятников меотской культуры. Однако собственной археологической экспедиции в университете не было, и практику студентов проводили на базе экспедиций Краснодарского музея. Поэтому часто преподаватели, руководившие археологической практикой, по совместительству работали в музее. Свою научную деятельность начинал в музее и А. М. Ждановский, у которого на раскопках проходили практику студенты университета.

В 1980 г. в музее была создана постоянно действующая Краснодарская археологическая экспедиция. Её начальником стал сотрудник музея В. А. Тарабанов, а с 1981 г. руководство экспедицией перешло к И. И. Марченко. Эта музейная экспедиция стала базовой для практики студентов-историков.

В 1985 году, в связи с тем, что в КубГУ была организована археологическая лаборатория, Краснодарская экспедиция в полном составе перешла в университет. С тех пор и поныне студенты проходят археологическую практику на базе университетской экспедиции, которой руководит И. И. Марченко. Необходимо отметить и структурные изменения археологической службы в КубГУ. В 1998 г. лаборатория получила новый статус и была преобразована в Кубанский Центр археологических исследований, а в 2003 г. на базе этого Центра был образован НИИ археологии КубГУ, но эти структурные образования, деятельность которых с самого начала была направлена на развитие археологической науки, никогда не имели бюджетного финансирования. Научно-исследовательская работа осуществлялась за счет договорных средств от различных строительных организаций и (в советское время) госзаказов Министерства образования, Администрации Краснодарского края, а сейчас от тех жестроек и грантов РФФИ и РГНФ. В связи с этим нам довелось проводить раскопки курганов и других археологических памятников во многих районах Краснодарского края. Приоритетными направлениями всегда оставались меотская и сарматская археология. С 1989 г. экспедиция регулярно работает на грунтовом могильнике Старокорсунского городища № 2. За долгие годы здесь было исследовано около 1000 погребальных комплексов. Памятник стал базовым для проведения археологической практики и эталонным для изучения меотской культуры, особенно для разработки типологии и хронологии отдельных категорий археологических находок [2; 3].

В течение нескольких лет, начиная с 1993 г., экспедиция работала на Тамани. В результате были получены уникальные материалы из античного и средневекового некрополей поселения «Виноградный 7» и курганов [4; 5; 6].

Очень интересным был археологический сезон 1999 г., когда экспедиция исследовала курганы в станице Нововеличковской на трассе проектирующегося нефтепровода. Высота самого большого кургана составляла около 10 метров. Такие высокие курганы не раскапывались на Кубани очень давно — с дореволюционного времени. Для исследования кургана была разработана специальная методика:

метод отступающих бровок. Одно из захоронений новотитаровской культуры оказалось уникальным по набору инвентаря и конструкции погребального сооружения. Рядом стояла повозка, полностью сохранившая объем и форму. Этот комплекс вызвал большой интерес у специалистов, и первая краткая информация была помещена в журнале «Archaeology», США [7], полная публикация вышла в России [8], а затем в Германии [9].

Четыре сезона экспедиция проводила раскопки Прикубанского могильника. В результате к концу лета 2001 г. было исследовано 429 погребений, которые дали первоклассный материал по меотской культуре IV в. до н. э. С большими сложностями мы столкнулись при камеральной обработке, так как многие предметы долгое время находились в грунтовых водах. В результате была получена полноценная коллекция находок из этого могильника, материалы которой постоянно используются в специальных работах [10].

В 2011 г. отряд экспедиции под руководством В.В. Бочкового раскопал участок (более 1000 кв. м) поселения Чекон майкопской культуры [11]. Этот уникальный памятник сразу привлек внимание специалистов, занимающихся проблемами энеолита и раннего бронзового века.

Заканчивая этот краткий обзор экспедиционной деятельности, отметим, что и сейчас мы проводим практику студентов на Старокорсунском городище № 2. Кроме этого, практически ежегодно отряд экспедиции работает на археологических объектах Тамани.

В 1993 г. университет приобрел базу для археологической практики в станице Старокорсунской, которая может обеспечить проживание и работу для 25 студентов и сотрудников. До 1993 г. в экспедиции не было своего автотранспорта и его приходилось арендовать. В настоящее время в НИИ археологии имеются автобус ПАЗ и два внедорожника, которые обслуживают раскопки и разведки экспедиции в разных районах Краснодарского края, равно как и проведение археологической практики.

Одной из приоритетных задач НИИ археологии является ввод в научный оборот новых материалов. С этой целью был задуман сборник Материалов и исследований по археологии Кубани (МИАК), который выпускался на деньги, заработанные НИИ археологии КубГУ. Последний сборник был посвящен только исследованиям нашей экспедиции. В 1989 г. была организована Кубанская международная археологическая конференция. С небольшим перерывом она проводится каждые четыре года. Научное руководство конференций осу-

ществляется археологами КубГУ. Объем сборника последней конференции составил более 50 п. л.

Более чем за три десятилетия исследований на разных памятниках Краснодарского края экспедиция накопила не только многотысячные коллекции предметов материальной культуры разных эпох и культур, которые в значительной мере пополнили фонды Краснодарского музея, но сохраняла также антропологический и остеологический материал из раскопок. С 1999 г. были налажены научные связи с опытным специалистом-антропологом профессором Волгоградского университета М. А. Балабановой. Ею были проведены половозрастные определения по суммарной серии более чем 2000 индивидов. Краниологическая серия по меотским могильникам насчитывает более 300 измеренных черепов. Проведен демографический анализ палеоантропологических материалов из могильника Прикубанский [12]. Антропологический тип меотских серий определяется как тип длинноголовых европеоидов [13].

Специально нужно отметить многолетнее сотрудничество с Германским археологическим институтом, который в 2000–2005 гг. включил И. И. Марченко и Н. Ю. Лимберис в проект по изучению римских импортов в Прикубанье [14]. С 2003 г. НИИ археологии участвует в программе сотрудничества с университетом прикладных технических и экономических наук (г. Берлин), студенты которого проходили практику на базе в Старокорсунской.

В 2007 г. по приглашению академика РАН Григория Максимовича Бонгарда-Левина наш НИИ был привлечен к подготовке фундаментального издания «Античное наследие Кубани», которое финансировал Фонд Олега Дерипаски «Вольное Дело». В 2011 г. Фонд организовал подготовку 12 археологов-бакалавров в Кубанском госуниверситете. Ученые из ИА РАН, МГУ, СПбГУ, ВолГУ и др. научных центров прочитали студентам специальные курсы. В 2015 г. десять студентов поступили в магистратуру КубГУ по направлению «археология», и сейчас обучаются за счёт Фонда.

В настоящее время во многих университетах России, взят курс на объединение кафедр. Этого процесса не избежал и КубГУ. Кафедры археологии, этнологии, древней и средневековой истории здесь больше не существует, так как с 1 сентября 2016 г. она объединена с кафедрой всеобщей истории и международных отношений. Для нас это — печальный факт, однако наличие в структуре Кубанского государственного университета НИИ археологии, все же не исключает оптимистические перспективы.

Литература:

1. Анфимов Н. В., Покровский М. В. Карта древних поселений и могильников Прикубанья // Советская археология. Вып. IV. 1937. С. 265–275.
2. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 5. Краснодар: Изд-во КубГУ, 2005. С. 219–324.
3. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Раскопки могильника Старокорсунского городища № 2 в 2006 г. // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар: Изд-во КубГУ, 2007. Вып. 7. С. 70–150.
4. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Античные погребения из курганов в окрестностях Фанагории // Понтийские греки. Краснодар, 1997. С. 46–57.
5. Марченко И. И., Бочковой В. В., Кононов В. Ю. Раскопки могильника «Виноградный-7» на Тамани в 2005–2006 гг. // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар: Изд-во КубГУ, 2007, Вып. 7. С. 151–392.
6. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Новые материалы из раскопок курганного некрополя у поселения Виноградное-7 на Тамани // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Вып. 1. М.-Киев: Изд-во ИА РАН, 2010. С. 152–163.
7. Limberis N., Marchenko I. Caucasus Kurgan Cache // Archaeology. The Archaeological Institute of America. September/October 2000. P. 12–13.
8. Бочковой В. В., Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Раскопки курганов у ст. Нововеличковской в 1999 г. // Археологические исследования на новостройках Краснодарского края. Вып. 1. Краснодар, 2001. С. 80–137.
9. Limberis N., Marčenko I. Ein Kurgan der Novotitarovskaja-Kultur bei Novoveličkovskaja, Kuban-Gebiet, Nordwestkaukasien // Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. Bd. 8. Mainz am Rhein. 2002. S. 1–37.
10. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Расписные и чернолаковые сосуды из Прикубанского могильника (атрибуция и хронология) // Древности Боспора. Вып. 14. М.: Изд-во ИА РАН, 2010. С. 322–356.
11. Бочковой В. В., Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., Резепкин А. Д. Поселение майкопской культуры «Чекон» // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2012. С. 95–100.
12. Балабанова М. А. Половозрастная структура Прикубанского меотского могильника IV в. до н.э. // Четвертая Международная Ку-

банская археологическая конференция: Тезисы и доклады. Краснодар: Изд-во КубГУ, 2005. С. 4–9.

13. Балабанова М. А. Антропология меотского населения Кубани (по материалам могильника Старокорсунского городища 2) // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. Краснодар: Изд-во КубГУ, 2013. С. 21–26.

14. Marčenko I. I., Limberis N. Ju. Römische Import in sarmatischen und maiotischen Denkmäler des Kubangebites // Archäologie in Eurasien. Bd. 26. Mainz, 2008. S. 264–622.

УДК 902(470) + 378.4(470.44-25) | 1918-1937

Н. М. Малов

Саратовский государственный университет, Саратов, Россия

**АРХЕОЛОГИЯ В САРАТОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ: 1918–1937 гг.**

По решению Временного правительства в Саратовском университете образуется историко-филологический факультет. Открывается отделение истории искусств и археологии. Функционировало Общество истории, археологии и этнографии, преобразованное в Нижневолжское общество краеведения. Был создан Археологический научно-исследовательский институт, реорганизованный в Нижне-Волжский институт краеведения. Он сыграл важную роль в археологическом изучении Юго-Востока нашей страны. Постоянно существовала кафедра, где преподавалась археология. Она именовалась кафедрой: теории и истории искусств, археологии, археологии и этнографии, истории материальной культуры, истории древнего мира. Первыми исследователями и организаторами археологии были профессора Ф. В. Баллод и П. С. Рыков. Рыков использовал формационно-социологический подход в археологии. В 1937 г. первого декана воссозданного исторического факультета арестовали и приговорили к тюремному заключению на 10 лет, с поражением в политических правах.

Ключевые слова: археология, история, Саратов, университет

N. M. Malov

Saratov State University, Saratov, Russia

ARCHAEOLOGY AT THE SARATOV STATE UNIVERSITY: 1918–1937

By the decision of the Provisional Government, a history-philology faculty was constituted at the Saratov University. History of arts and archaeology

departments were established. The actively operating History, Archaeology and Ethnography Society was reorganized into the Lower Volga Society for Regional Study. The Archaeology Scientific Research Institute has been established and later on reorganized into the Lower Volga Institute for Local Study. It played an important role in archaeological studying of the southeast of our country. Archaeology used to be taught invariably at the chair known under various names: the chair for theory and history of arts, for archaeology, for archaeology and ethnography, for the history of material culture, for ancient history. Professors F. V. Ballod and P. S. Rykov were the first researchers and organizers in the area of archaeology. Rykov was the one to use the formation-sociological approach in archaeology. In 1937, the first dean of the reconstituted history faculty was arrested and sentenced to ten-year confinement with deprivation of political rights.

Key words: archaeology, history, Saratov, university

По решению Временного правительства в Саратовском государственном университете (СГУ) в 1917–1918 учебном году открыли историко-филологический факультет. Первыми исследователями и организаторами археологической науки в университете были профессора Ф. В. Баллод и П. С. Рыков. Профессор кафедры теории и истории искусств Баллод проработал здесь 5 учебных лет (1918–1923), а профессор Рыков 17 лет (1920–1937) [1; 2]. Несомненной заслугой Павла Сергеевича Рыкова является создание археологической школы в Саратове, среди представителей которой были его талантливые ученики: Н. К. Арзютов, Т. М. Минаева, П. Д. Рау, И. В. Сеницын, П. Д. Степанов.

В 1919 г. по результатам доклада декана Баллода открыли отделение истории искусств и археологии, несколько выпускников которого занимались археологией в музеях и в СГУ (А. Н. Кушева-Грозевская, К. Папа-Афанасопуло). Во время Гражданской войны под его руководством на Увекском городище состоялась первая археологическая экспедиция, организованная благодаря поддержке М. Н. Покровского и В. А. Городцова. Баллод и Рыков контактировали с В. А. Городцовым, занимавшим высокие руководящие должности в Наркомпросе РСФСР и содействовавшем становлению первой вузовской научной школы по Нижневолжской археологии [3].

Бывшая Саратовская ученая архивная комиссия преобразуется в Общество истории, археологии и этнографии при СГУ. Оно финансировалось из госбюджета [4]. В конце сентября 1925 г. вместо данной организации регистрируется Нижневолжское областное общество краеведения. В 1920 г. в СГУ создается Археологический научно-ис-

следователский институт. Целью его деятельности было проведение исследовательских работ в Нижнем Поволжье и смежных районах. Затем в октябре 1924 г. этот институт преобразуется в Южно-Волжский научно-исследовательский институт краеведения. Данное учреждение издавало свои Известия и сыграло важную роль в археологическом изучении Юго-Востока нашей страны. При институте была аспирантура по специальности археология и история доклассового общества, которую закончили Н. К. Арзютов и И. В. Синицын.

Яркий след в становлении и организации саратовской археологии оставил П. С. Рыков [5; 6]. В сентябре 1920 г. он избирается доцентом и заведующим кафедрой археологии, а через год утверждается в звании профессора. Первоначально данная кафедра входила в состав педагогического факультета, деканом которого был Павел Сергеевич. В 1927 г. кафедра именуется кафедрой археологии и этнографии. С таким названием она просуществовала по 1931 г. — до выделения факультета в самостоятельный Педагогический институт. Здесь Рыков уже заведовал кафедрой истории материальной культуры. На открытом в 1935 г. историческом факультете профессор руководил кафедрой истории древнего мира, где преподавалась и археология.

Павел Сергеевич принадлежал к новой формации исследователей «преданно служивших» советской власти [7]. В 1929 г. Рыков продекларировал особое значение использования формационно-социологического подхода [8, с. 3]. В 1930-е гг. в его публикациях широко используются термины и понятия: общественно — экономическая и первобытно-коммунистическая формация, производительные силы, раннее родовое общество, общественное разделение труда, разложение родового общества. В 1932 г. профессор призывал переходить в археологии от «вещеведения» к обобщающим построениям в духе «марксизма-ленинизма» [9, с. 16]. Декан воссозданного в 1935 г. истфака СГУ — П. С. Рыков исполнял свои обязанности, руководствуясь постановлениями СНК и ЦК ВКП (б) об исторической науке, подготовке учебников и преподавания гражданской истории [10, с. 3, 148–152, 150].

Павел Сергеевич Рыков опубликовал в 1935–1937 гг. несколько кратких заметок в центральной и местной периодической печати, в том числе и в университетской газете «Сталинец». В них особое внимание акцентировалось на задачах, поставленных советской властью перед коллективом истфака: «Будем готовить историков-марксистов», «Дадим стране историков-марксистов», «Изучение доклассового периода в истории края» и др. Достаточно основательно представлены ссылки

на работы классиков марксизма-ленинизма в итоговой монографии профессора за 1936 г. Здесь упомянута работа К. Маркса «Капитал» и В. И. Ленина «Государство и революция», но особенно часто использовалось исследование Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Вместе с тем, при систематизации памятников эпохи бронзы на основе формационного социально-археологического подхода, профессор оставался приверженцем схемы В. А. Городцова [11]. Несмотря на то, что при построении периодизации бронзового века Рыков использовала термин «стадия», он не был сторонником стадийного подхода Н. Я. Марра. Академик только однажды упомянут в публикациях Павла Сергеевича и только в связи с «кимерской стадией» В. И. Равдоникаса [10, с. 52].

В 1937 г. по Саратову и области прокатилась масштабная волна репрессий, не миновавшая и декана исторического факультета университета. Репрессивная компания резко набирала обороты после инспекционного визита в Саратов А. А. Андреева и Г. М. Маленкова. Павла Сергеевича арестовали 14 августа по ложному доносу и приговорили к тюремному заключению на 10 лет, с поражением в политических правах. От репрессий пострадала его жена. Спустя год был осужден как «враг народа» Н. К. Арзютов. В конечном итоге судьбы большинства археологов саратовского научного центра сложились трагически в первый период становления и развития советской отечественной археологии.

Литература:

1. Малов Н. М. Советская археология в Саратовском университете (1918–1940 гг.): организационное становление, развитие и репрессии // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 4. Саратов, 2006. С. 4–28.
2. Малов Н. М. Профессор Ф. В. Баллод (к 95-летию первой археологической экспедиции Саратовского университета) // Известия СГУ. Новая серия. Серия История. Международные отношения. Т.15. Вып. 1. 2015, С. 87–90.
3. Малов Н. М. Василий Алексеевич Городцов и археология Нижнего Поволжья (к 150-летию со дня рождения исследователя) // Известия СГУ. Новая серия. Серия История. Международные отношения. Т.10. Вып. 2. 2010, С. 36–41.
4. Малов Н. М. Советская государственная музейная сеть в Саратове (1917–1930 гг.): организационное становление, страницы истории и музейные деятели // Народы Саратовского Поволжья: этнология, эт-

нография, духовная и материальная культура. Труды СОМК. Вып. 10. Саратов, 2006. С. 192–279.

5. Малов Н. М. Советский археолог Павел Сергеевич Рыков. К 125-летию со дня рождения // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М., 2010. С. 721–733, Ил. 60–63.

6. Малов Н. М., Павлова Л. С. Профессор Павел Сергеевич Рыков – первый декан исторического факультета Саратовского университета (к 125-летию со дня рождения) // Историческая память. Вып. 1. Саратов, 2010. С. 153–177.

7. Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. 2-е изд., доп. М., 2006.

8. Рыков П. С. Нижнее Поволжье по археологическим данным 1926–27 гг. М.–Саратов, 1929.

9. Рыков П. С. Археологические работы в Среднем и Нижнем Поволжье с 1917–1932 гг. (К 15-летию Октябрьской революции) // Известия Сарат. Нижне-Волжск. ин-та краеведения. Т.V. Истор. секция. Саратов, 1932. С.7–17.

10. Рыков П. С. Очерки по истории Нижнего Поволжья. По археологическим материалам. Саратов, 1936.

11. Мерперт Н. Я., Шилов В. П. Бронзовый век Поволжья: исследования П. С. Рыкова и современное состояние проблемы // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1989. С.24–33.

УДК 902/904(018)

О. М. Мельникова

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

КАБИНЕТЫ АРХЕОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ НАУЧНЫХ КАДРОВ В РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ

На примере Пермского, Уральского, Удмуртского университетов автор рассматривает место и роль кабинетов археологии в становлении университетской археологии. Показано, что наряду с учебной археологической экспедицией, музеем археологии, студенческими научными кружками, кабинеты археологии как учебно-методические и научно-методические центры региональной археологии оказывали существенное воздействие на подготовку кадров профессиональных археологов.

Ключевые слова: кабинет археологии, университет, подготовка археологов.

O. M. Melnikova

Udmurt State University, Izhevsk, Russia

THE OFFICES OF ARCHAEOLOGY IN THE SYSTEM OF SCIENTIFIC PERSONNEL TRAINING IN RUSSIAN UNIVERSITIES

On the example of Perm, Ural and Udmurt universities, the author examines the place and the role of the offices of archaeology in the formation of the academic archeology. It has shown that along with the academic archaeological expedition, the museum of archaeology and student scientific societies, the offices of archaeology as academic-methodical and scientific-methodological centers of regional archaeology have had a significant impact on the training of professional archaeologists.

Keywords: office of archaeology, university, the training of archaeologist.

Становление университетской археологии в России связано с созданием различных институций, каждая из которых занимала свое место в процессе подготовки ученых. В советское время основу функционирования археологии в университетах составляли специализации по археологии, студенческие научные кружки, учебно-научные археологические экспедиции, студенческие научные конференции.

Особое место в ряду этих структур занимают кабинеты археологии, сыгравшие значимую роль на начальном этапе университетского археологического образования как в имперский, так и в советский период истории университетов. Об этом, в частности, писал И. А. Тихонов в монографии, посвященной истории археологии в Санкт-Петербургском университете. Он указывал, что «в 1909 г. в университете возникает первое штатное подразделение, полностью ориентированное на археологию, — археологический кабинет, который в 1922 г. послужил основой для присоединения к университету Археологического института, базой для археологического отделения, начавшего целенаправленную подготовку специалистов-археологов» [1, с.85]. Кабинет археологии стал местом проведения учебных занятий, здесь располагалась специализированная библиотека, хранились материалы из раскопок, проводившихся студентами под руководством А. А. Спицына, заседали научные общества [1, с. 74–85].

Эта традиция была подхвачена в советское время в Молотовском (Пермском) университете О. Н. Бадером. В 1946 г. одновременно с созданием археологического студенческого кружка О. Н. Бадер, готовясь к организации кафедры археологии, активно работал над созданием кабинета археологии [2, с. 73]. Он привлек к этому местных и

столичных коллег: Тагильский, Молотовский и Пермско-Ильинский музеи, Музей антропологии при МГУ, ГИМ, сотрудники ИИМК АН СССР А. В. Збруева, И. А. Талицкая, Е. И. Горюнова помогли многими материалами. В результате О. Н. Бадер сумел собрать в кабинете археологии муляжи по истории первобытного общества, слепки каменных орудий из раскопок мустьерской стоянки у Волчьего грота в Крыму, антропологические скульптурные реконструкции М. М. Герасимова (синантроп, неандерталец, мальчик из Тешик-Таша), слепки черепов ископаемого человека. В кабинете была представлена серия фотоувеличений с изображением археологических памятников Средней России, диапозитивы и снимки для учебного альбома по археологии, подлинные коллекции, иллюстрирующие особенности ряда археологических культур. В кабинете хранились материалы некоторых довоенных раскопок О. Н. Бадера.

Ценным пополнением собраний кабинета стали материалы по археологии Западной Европы и даже Мексики, входившие в свое время в коллекцию Теплоуховых. Они были переданы в кабинет областным краеведческим музеем как не имеющие краеведческого значения. Среди них коллекции из итальянских террамар и швейцарских свайных построек. В состав кабинета археологии вошла также выставка, организованная к первому Уральскому археологическому совещанию в апреле 1947 г.

Кабинет был оборудован в течение нескольких месяцев. Это было заметным событием в культурной жизни Перми. Областная газета «Звезда» уделила ему особое внимание: «Центральное место в нем занимают материалы палеолитической стоянки на р. Чусовой. Панно, фотоснимки, карты знакомят студентов со стоянкой, которая существовала в древний каменный век, около 25 тыс. лет тому назад, и была одной из самых северных стоянок человека того времени. Широко представлены материалы последней раскопки, проведенной в 1946 году экспедицией АН СССР. Большой интерес представляет находящаяся в кабинете оригинальная карта палеолитических стоянок на Урале — по рр. Туре, Тагилу, Чусовой. В витринах представлено много предметов материальной культуры древнего и нового каменного веков, бронзовой и железной эпох - изделия из камня, металла, глины. При кабинете плодотворно работает студенческий кружок. С организацией кабинета на историко-филологическом факультете появилась третья специальность - археология» [2, с. 75]. О. Н. Бадер полагал, что кабинет археологии должен со временем превратиться в университетский археологический музей.

Кабинет археологии при Уральском университете (Свердловск) существовал с середины 1945 г. и работал под руководством известного исследователя Урала К. В. Сальникова. Заведовала кабинетом Е. М. Берс, в ее подчинении был лаборант В. А. Виппер. Кабинет был центром организации научной работы по археологии в УрГУ. В его состав входило фондохранилище из материалов экспедиционных работ Е. М. Берс и К. В. Сальникова, лаборатория, предназначенная для учебных и научных целей. Студенты занимались здесь первоначальной обработкой материалов, работали со справочной литературой, реставрировали предметы, готовили доклады, писали курсовые работы. В кабинете хранились фотографии, диафильмы, научная литература, муляжи, стенды [3, с. 40–41].

Позднее, с приездом в Свердловск В. Ф. Генинга, в кабинете были созданы рабочие места для студентов и аспирантов. Здесь же проводились практические занятия. В. Ф. Генингом была предложено самообслуживание студентов коллекциями и книгами. Они получили доступ для работы в кабинете археологии в любые часы [3, с. 89]. В штате кабинета появился художник-археолог, несколько лаборантов. С 1962 г. заведовала кабинетом археологии Р. Д. Голдина.

На первом Уральском археологическом совещании О. Н. Бадер сформулировал задачи организационного и научного содержания, которым, помимо учебной цели, должны отвечать кабинеты археологии: «Оба кабинета должны явиться научными, методическими центрами и играть руководящую роль в дальнейшем археологическом изучении Урала. Для этого, помимо своей непосредственной научной работы, они должны осуществлять связь с научными организациями центров, координируя исследования на Урале в общем плане. Одновременно кабинеты должны наладить тесную связь с работниками на местах — сотрудниками уральских музеев и краеведами, в необходимых случаях направляя их работу. Один из главных шансов на успех в работе обоих кабинетов — участие в ней студенческой молодежи, нашей будущей смены, формирующейся в аудиториях, экспедициях и лабораториях университетов» [4, с. 66–67.].

В 1972 г. был организован университет в Ижевске. Первым шагом в организации археологической работы в УдГУ, предпринятым Р. Д. Голдиной, ученицей В. Ф. Генинга, приехавшей в Ижевск для преподавания курса археологии, так же стала организация кабинета археологии как учебно-методического и научного археологического центра университета [5, с. 80]. В кабинете археологии были собраны наглядные пособия, коллекции, полученные в результате работы ар-

хеологической экспедиции университета. Кабинет располагал оборудованием для работы археологической экспедиции и археологической практики студентов. Была собрана обширная научная библиотека, формировалось фондохранилище из раскопок Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского университета, научный архив.

Как видим, кабинет археологии рассматривался организаторами университетской археологии как важнейшая составная часть в профессиональной подготовке археологов. Его функционирование позволяло студентам в непосредственной исследовательской деятельности осваивать теоретические и методологические основы археологии, самостоятельно включаться в решение конкретных научных проблем со студенческой скамьи. Сегодняшние организаторы университетских преобразований сказали бы, что в формате кабинетов археологии реализовывался компетентностный подход в обучении.

Судьбы кабинетов археологии различны. В ряде случаев они стали основой будущих кафедр археологии, становились основой лабораторий, научных институтов в структуре классических университетов. Модернизация современного высшего профессионального образования, к сожалению, не всегда может воспользоваться опытом российской и советской археологии. Оптимизационные процессы требуют иных форм подготовки студентов. Кабинеты археологии не вписываются в классическую структуру организации археологической подготовки: специализация — кабинет археологии — университетский археологический музей — университетская археологическая экспедиция — кафедра археологии. Хотя, как показывает более чем столетний опыт функционирования такой системы, она стала действенным средством подготовки археологов.

Литература:

1. Тихонов И. Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. СПб.: Изд-во С-Петербургского университета, 2003. 332с.
2. Мельникова О. М. Пермская научная археологическая школа О. Н. Бадера. Ижевск: УдГУ, 2003. 183 с.
3. Мельникова О. М. Свердловская научная археологическая школа В. Ф. Генинга. Ижевск: УдГУ, 2003. 194 с.
4. Бадер О. Н. Кабинеты археологии при университетах Свердловска и Молотова // Первое Уральское археологическое совещание. Молотов. С. 66–67.

5. Мельникова О. М. Научная археологическая школа Р. Д. Голдиной в Удмуртском государственном университете. Ижевск: УдГУ, 2006. 142 с.

УДК 902/904

Н. А. Плавинский

*Международный государственный экологический институт им.
А. Д. Сахарова Белорусского государственного университета,
Минск, Республика Беларусь*

**РОЛЬ СОТРУДНИКОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
ВИЛЬНЮССКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ СТЕФАНА
БАТОРИЯ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА В ИЗУЧЕНИИ
ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ БЕЛОРУССКОГО ПОДВИНЬЯ
И ПОНЕМАНЬЯ КОНЦА I — НАЧАЛА II ТЫС. Н.Э.**

На протяжении 1930-х гг. в археологическом музее Вильнюсского университета имени Стефана Батория сложилась оригинальная школа изучения раннесредневековых погребальных памятников балто-славянского пограничья. К сожалению, начало Второй мировой войны прервало плодотворную деятельность сотрудников археологического музея Вильнюсского университета. Вместе с тем, научное наследие представителей археологической школы, сложившейся при археологическом музее Вильнюсского университета представляется актуальным и в наши дни, так как, благодаря географической приуроченности своих исследований, они смотрели на проблему балто-славянских контактов в междуречье Западной Двины и Немана как бы «изнутри».

Ключевые слова: археологический музей, Вильнюсский университет, погребальные памятники

N. Plavinski

*International Sakharov Environmental Institute of Belorussian State
University, Minsk, Republic of Belarus*

**THE ROLE OF THE STAFF OF VILNIUS STEFAN BATORY
UNIVERSITY ARCHAEOLOGICAL MUSEUM IN THE INTERWAR
PERIOD IN THE STUDY OF BURIAL MONUMENTS OF THE
BELORUSSIAN DVINA AND NEMAN REGIONS OF THE END OF
THE 1st – BEGINNING OF THE 2nd MILLENIUM AD**

Throughout the 1930's. in the Archaeological Museum of Vilnius Stefan Batory University has developed the original school studying early medieval

burial monuments of Baltic-Slavic borderlands. Unfortunately, the beginning of the Second World War interrupted the fruitful activity of staff of the Vilnius University Archaeological Museum. However, the scientific heritage of the representatives of Vilnius University Archaeological Museum archaeological school seems urgent in our days, because, thanks to the geographical confinement of their research, they looked at the problem of Baltic-Slavic contacts in the area between the Western Dvina and Neman like from the «inside».

Key words: archaeological museum, Vilnius University, burial monuments

На протяжении 1930-х гг. в археологическом музее Вильнюсского университета имени Стефана Батория сложилась оригинальная школа изучения раннесредневековых погребальных древностей бал-

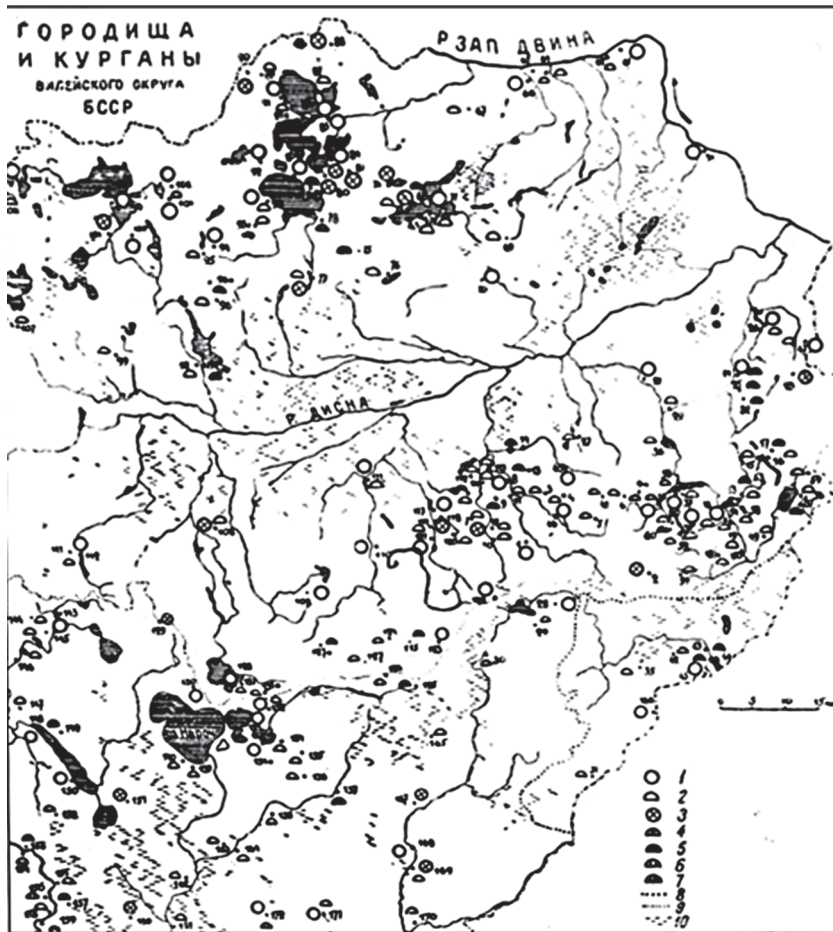
Ил. 1. Елена Цегак-Голубович

то-славянского пограничья. Основу этой школы составили адъюнкт кафедры археологии, кандидат наук Елена Цегак-Голубович (ил. 1) и сотрудник музея Владимир Голубович (ил. 2). С 1933 по 1939 г. экспедиция под их руководством проводила масштабные разведки и раскопки погребальных памятников в северо-западных регионах современной территории Беларуси и на востоке современной Литвы, которые в то время входили в состав польского государства. Работы, проведенные Е. Цегак-Голубович и В. Голубовичем отличает высокий для своего времени методический уровень. В свою очередь, для публикаций материалов раскопок характерна детальность и подробность, стремление к использованию естественно-научных методов (анализы металлов, керамики) и хорошее знание новейшей специальной литературы своего времени, в особенности, восточноевропейской (работы А. Н. Лявданского, С. А. Дубинского, Б. А. Рыбакова и др.).

Ил. 2. Владимир Голубович

Анализ материалов собственных раскопок курганных могильников балто-славянского пограничья, а также использование результатов работ предшествующих исследователей (в первую очередь, Ф. В. Покровского) позволили Елене Цегак-Голубович и Владимиру Голубовичу определить границы распространения славянских и балтских памятников в междуречье Западной Двины и Немана (ил. 3) [1, рис. 53] и разработать оригинальную хронологическую схему разви-

Ил. 3. Карта археологических памятников северо-западных регионов Беларуси, составленная Е. Цегак-Голубович и В. Голубовичем на основании результатов исследований 1933–1939 гг.

тия погребальной обрядности славянского населения региона [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7].

К сожалению, начало Второй мировой войны прервало плодотворную деятельность сотрудников археологического музея Вильнюсского университета. Значительная часть материалов их исследований так и не была введена в научный оборот или осталась опубликованной в виде кратких заметок, содержание которых сегодня не может

быть использовано в качестве полноценного источника информации для анализа погребального обряда. В целом, можно констатировать, что взгляды Е. Цегак-Голубович и В. Голубовича на эволюцию погребальной обрядности населения междуречья Западной Двины и Немана достаточно слабо отражены в современной историографии. И если до 1990-х гг. такое положение могло быть объяснено относительной труднодоступностью их работ в большинстве научных центров Восточной Европы, то сейчас, вероятно, определенным препятствием к их широкому использованию является польский язык большинства публикаций Е. Цегак-Голубович и В. Голубовича.

Вместе с тем научное наследие представителей археологической школы, сложившейся в 1930-е гг. при археологическом музее Вильнюсского университета имени Стефана Батория, представляется актуальным и в наши дни, так как, благодаря географической приуроченности своих исследований, они смотрели на проблему балто-славянских контактов в междуречье Западной Двины и Немана как бы «изнутри». Причем, это касается не только интерпретации выявленных ими материалов, но и аналитических наработок Е. Цегак-Голубович и В. Голубовича.

Литература:

1. Cehak-Hołubowiczowa H. Materiał i zagadnienia cmentarzyska kurhanowego koło wsi Nawry w powiecie Postawskim // Rocznik archeologiczny. T. I. Wilno, 1937. S. 5–49.
2. Cehak-Hołubowiczowa H. Słowiańsko-wareckie cmentarzysko kurhanowe koło Porzecza w powiecie dziśnieńskim // Przegląd archeologiczny. T. 6. № 2–3. 1938–1939. S. 178–203.
3. Cehak-Hołubowiczowa H. Słowiańskie groby kurhanowe koło Czerniewicz w pow. Dziśnieńskim // Wiadomości Archeologiczne. T. XVI. 1939. S. 419–455.
4. Hołubiwiczwowie H. i W. Wykopaliska na Wileńszczyźnie w latach 1938 i 1939. Wilno, 1940.
5. Hołubowicz W. Ceramika słowiańska XI–XII wieku cmentarzyska koło wsi Nawry // Rocznik archeologiczny. T. I. Wilno, 1937. S. 52–69.
6. Hołubowicz W. Pięć lat pracy terenowej Museum Archeologicznego Uniwersitetu Stefana Batorego w Wilnie (1933–1937) Nawry // Rocznik archeologiczny. T. I. Wilno, 1937. S. 85–90.
7. Голубович Е., Голубович В. Славянские поселения правобережной Дисны в Вилейском округе БССР // КСИИМК. Вып. XI. М.–Л., 1945. С. 126–137.

УДК 378.096

И. Е. Сафонов

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
**АРХЕОЛОГИЯ В ВОРОНЕЖСКОМ ОТДЕЛЕНИИ МОСКОВСКОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА (1920–1923 гг.)**

Статья посвящена истории существования в Воронеже провинциально-го отделения Московского археологического института. Показана специфика подготовки археологов в этом учебном заведении.

Ключевые слова: археологическое образование, история, археология Московский археологический институт

I. E. Safonov

Voronezh State University, Voronezh, Russia
**ARCHEOLOGY IN THE VORONEZH BRANCH OF THE MOSCOW
ARCHAEOLOGICAL INSTITUTE (1920–1923)**

The article deals with the history of the local branch of the Moscow Archaeological Institute in Voronezh. The specifics of archaeology teaching in this institution is documented.

Keywords: archaeological education, history, archaeology, Moscow Archaeological Institute

Деятельность Московского археологического института (МАИ) и его отделений — отдельная страница в истории становления и развития отечественного археологического образования. Учреждённый по инициативе археолога В. Г. Глазова и историка церкви А. И. Успенского в 1907 г., он стал отражением характерного для России рубежа XIX — XX вв. процесса создания нового типа высших учебных заведений — разного рода курсов, институтов и университетов, открытие которых инициировалось зачастую группами энтузиастов [1]. Буквально за десять лет МАИ стал одним из наиболее важных учебных заведений страны по подготовке специалистов — архивистов и археологов, а, по мнению некоторых исследователей, накануне 1917 г. значительно опережал историко-филологические факультеты университетов в вопросе подготовки научных кадров [2, с.192].

В провинции были открыты отделения Московского археологического института. Они были созданы в Нижнем Новгороде, Смоленске, Калуге, Витебске, Ярославле (с 1912 г. в составе университета), а в первые послереволюционные годы — в Ростове (1921–1922 гг.) и Воронеже [3]. В последнем благодаря деятельности Ученой архивной

комиссии уже существовали традиции практической школы археологии [4]. Однако, несмотря на неплохие результаты практической деятельности, местные археологи сознавали недостаточность своей теоретической подготовки. Поэтому с 1916 г. они начали искать пути к открытию в Воронеже отделения Московского археологического института. Осуществить это удалось лишь в советское время. В конце 1918 г. члены МАИ профессор-филолог Воронежского университета (ВГУ) Е. В. Петухов и Е. Н. Коровин обратились с ходатайством в Наркомпрос о разрешении начать занятия в новом отделении с января 1919 г. В начале июля 1920 г. в Воронеж прибыл секретарь МАИ С. Ф. Ташкин. 2 июля он присутствовал на заседании Совета губернского архива, где сообщил, что вопрос об открытии отделения решен и центр уже с начала года открыл для него кредит. «На Воронежское отделение, — сказал С. Ф. Ташкин, — возложены большие и сложные задачи, так как местная старина еще мало изучена и требует много работников» [5, л.80].

15 июля 1920 г. в Воронеж прибыла делегация представителей МАИ в составе директора А. И. Успенского, ученого секретаря Т. С. Рождественского и профессора Е. Н. Коровина. На следующий день они присутствовали на заседании Совета губернского архива, на котором были определены задачи нового учебного заведения: «подготовка кадров квалифицированных работников в деле охраны памятников искусства и старины для местного края». Первоначально обязанности заведующего отделением исполнял С. Н. Введенский, затем им стал профессор Е. Н. Коровин, секретарем был назначен С. Ф. Ташкин. Обязанности помощника ректора исполнял М. К. Паренаго.

Надо заметить, что традиционно МАИ был предназначен в основном для работающих людей, в связи с чем занятия проходили в вечерние часы. С 1918 г. был введен четырехлетний курс обучения. По условиям приема студентами института могли стать лица обоего пола не моложе 16 лет с законченным средним образованием.

На археологическое отделение Воронежского отделения (ВО) был принят 31 человек (15 мужчин и 16 женщин, из них трое без среднего образования); на археографическое — 10 (по пять мужчин и женщин, один без образования); на отделение истории искусств — 44 (14 мужчин, 30 женщин, трое без образования), т. е. всего 85 человек. При институте была создана школа рабочей молодежи, в которую было принято 13 человек.

Учебные занятия начались 11 сентября 1920 г. в здании губернского музея. По учебному плану на первом курсе предусматривалось

преподавание общих предметов, таких как греческая эпиграфика и палеография, история развития общественных форм, русская история, русская историческая география, чтение древних рукописей и др. Кроме того, уже на первом году обучения читались специальные курсы: на археологическом факультете это были первобытная и христианская археология, история учреждений, музееведение. К преподаванию были привлечены известные воронежские ученые и краеведы. На начальный момент занятий по штатной ведомости числилось 14 человек (4 профессора, совмещавшие работу в институте с преподаванием в других вузах; 9 преподавателей; 1 научный сотрудник).

К началу следующего учебного года количество преподавателей составило 11 человек, в т. ч. пять профессоров: Е. Н. Коровин, М. Н. Крашенинников, С. Н. Введенский, Н. Н. Соколов, А. М. Путинцев. Московские ученые обеспечивали курсы по всеобщей истории искусств и истории эстетических учений (проф. А.И. Успенский), славяно-русской палеографии (проф. И. Ф. Колесников), истории сословий в России (А. Н. Филиппов), египтологии (Н. М. Коробков), всеобщей истории (А. К. Рачинский), истории средних веков (А. Н. Ясинский) [6, с.76].

В числе поступивших в ВО МАИ были многие уже зарекомендовавшие себя в области археологии и архивного дела специалисты, имевшие высшее образование, но тем не менее пожелавшие повысить свою квалификацию. Так на археологическом факультете учились братья Замятнины — известный в будущем археолог, а в то время сотрудник губернского музея Сергей Николаевич и Борис Николаевич, Мария Евгеньевна Фосс, писатель Е. И. Шведер, имевший высшее художественное образование и проучившийся один год в Петроградском археологическом институте, В. К. Быстржинский, позднее работавший в ГАИМКе. С. Н. Замятин закончил институт в июле 1922 г. с представлением диссертации «Археологические карты, их научное значение и методы их составления (с приложением археологической карты Воронежской губернии)». М.Е. Фосс в 1922 г. перевелась в МГУ.

В связи с упразднением летом 1921 г. филологического отделения в Воронежском госуниверситете начался массовый приток в институт бывших студентов-филологов. Анализ анкетных данных 128 учащихся ВО МАИ показывает, что возраст студентов был разным (от 55 до 17 лет). Однако преобладали молодые люди, большинство из которых не достигло двадцатипятилетнего возраста (около 53 %). Общее соотношение мужчин и женщин было примерно одинаковым (соответственно 48 и 52 %), но среди женщин только 34 % имели работу, в то время как среди мужчин около 65 % были так или иначе трудоустроены. По

анкетным сведениям, число закончивших средние учебные заведения (гимназии, реальные училища, семинарии) составляло не многим более 50 %. Интересны также и другие данные: около 13 % студентов уже имели высшее образование, а около 20 % — неоконченное высшее. Таким образом, треть всего учащегося контингента пыталась либо получить дополнительное образование, либо окончить высшее с целью дальнейшего возможного трудоустройства (число работающих и неработающих было приблизительно одинаковым). Около 28 % всех студентов параллельно училось в других высших учебных заведениях (ВГУ или Сельскохозяйственном институте).

В 1921 г. была предпринята попытка учредить ежемесячный журнал «Воронежский историко-археологический вестник». Однако вышло лишь два выпуска тысячным тиражом под редакцией А. М. Путинцева. Здесь опубликованы статьи и заметки не только местных ученых, но и москвичей, и харьковчан (к примеру, А. С. Федоровского о древних рудниках Донецкого бассейна).

Первый учебный год закончился 1 июня 1921 г. К этому времени количество студентов ВО МАИ составило 106 человек. Из них 47 обучались на археологическом факультете. В этой связи выражалась надежда, что «Воронежское отделение Московского археологического института под руководством почтенного проф. А.И. Успенского и при ближайшем содействии ныне уже покойного С. Ф. Ташкина и Е. Н. Коровина сделается серьезным рассадником ученых археологов, архивистов и историков искусств» [6, с.52].

Однако реализоваться этим надеждам было не суждено — существовать воронежскому вузу оставалось недолго. С начала 1922 г. был взят курс на ликвидацию археологических институтов и их отделений. 1 июля 1922 г. МАИ был закрыт. Между прочим, еще в ноябре 1921 г., когда Наркомпросом решался вопрос о ректоре МАИ, воронежское отделение обратилось с письмом к председателю Совнаркома В. И. Ульянову-Ленину и наркому А. В. Луначарскому в защиту создателя Московского археологического института А.И. Успенского [7, л. 8, 16]. Но по понятным причинам ходатайство было безрезультатным.

После закрытия МАИ заведующий Воронежским отделением Е. Н. Коровин предпринял поездку в Москву для выяснения дальнейшей судьбы ВО. Оказалось, что А. И. Успенскому удалось добиться разрешения на открытие в Москве историко-археологического и художественного Общества с правом создания археологических курсов. Соответственно в провинции появилась возможность для учреждения их местных отделений.

2 октября 1922 г. произошла перерегистрация существовавшего в Воронеже с осени 1920 г. «Отдела состоящего при Московском археологическом институте Общества по исследованию памятников древности имени А. И. Успенского» под новым названием — Воронежское историко-археологическое общество. А 6 октября 1922 г. Губоно утвердило Положение об историко-археологических курсах при Воронежском историко-археологическом обществе. Согласно Положению курсы имели своей целью, «с одной стороны, сообщать теоретические сведения в области археологии, этнографии, археографии и истории искусств, с другой — давать практическую подготовку музейным и архивным работникам и исследователям народного быта преимущественно местного края» [8, л.61]. Подчеркивалось, что предметы, изучаемые на курсах, имеют «общий и местный характер», последние «применяются к Воронежскому краю в его историческом и этнографическом значении».

Таким образом, вместо ликвидированного отделения МАИ в Воронеже открылись историко-археологические курсы почти с той же программой, составом преподавателей, что и прежде, но с несколько реорганизованной структурой. Археологическое отделение было преобразовано в археолого-этнографическое. По окончании предполагалась выдача удостоверений за подписью администрации курсов и заведующего Губоно. На археолого-этнографическом отделении предполагалось изучение геологии, антропологии, этнографии, археологии Воронежского края, общей археологии и топографии г. Воронежа, истории русского быта, церковной археологии, музееведения, нумизматики, античных бытовых древностей.

15 октября 1922 г. в здании губернского музея состоялось публичное заседание историко-археологического Общества под председательством М. Н. Крашенинникова, на котором произошло официальное открытие курсов. Автоматически слушателями курсов стали 273 человека, подавших заявления о переводе на курсы.

Однако попыткам организовать архивно-археологическое образование в Воронеже было не суждено реализоваться. В результате некоего инцидента, которому придали политический характер, Воронежское историко-археологическое Общество и находившиеся при нем курсы были ликвидированы. Некоторым преподавателям и студентам были предъявлены обвинения в причастности к контрреволюционной организации «Союз спасения России». В октябре 1922 г. в канцелярии и учебных аудиториях курсов представителями ГПУ и губполитпросвета был произведен обыск, в ходе которого была изъ-

ята документация курсов. Часть комнат была опечатана [9, с. 212–213]. Проверка документов курсов велась и в январе 1923 г. Точная дата закрытия курсов не установлена, видимо, это произошло в начале 1923 г.

Литература:

1. Николаев А. Л. Археологические институты дореволюционной России. Нижнекамск, 2008.
2. Николаев А. Л. Подготовка специалистов по русской старине в Санкт-Петербургском и Московском археологических институтах // Известия АлтГУ. 2009. № 4 (64). Т. 4. С. 186–193.
3. Акиншин А. Н., Алленова В. А., Сафонов И. Е. Воронежское отделение Московского археологического института (1920–1923 гг.) // Исторические записки: научные труды исторического факультета Воронежского государственного университета. Воронеж, 2004. Вып. 10. С. 129–161.
4. Захарова Е. Ю. Этапы развития воронежской региональной археологии // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.–М.–В. Новгород, 2011. Т. 2. С. 328–329.
5. Государственный архив Воронежской области. Ф. Р. 2441. Оп. 1. Д. 15а.
6. Летопись научной и культурно-просветительской деятельности в области истории и археологии // Воронежский историко-археологический вестник. Воронеж, 1921. Вып. 1.
7. Государственный архив Воронежской области. Ф. Р.–457. Оп. 2. Д. 1.
8. Государственный архив Воронежской области. Ф. Р.–1. Оп. 1. Д. 822.
9. Эпизоды из культурной и общественной жизни Воронежского края по документальным источникам (1919–1926 гг.) / Публ. и коммент. О. Г. Ласунского // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2003.

УДК 902/904 + 378

Е. М. Черных

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

МАГИСТЕРСКАЯ ПОДГОТОВКА ПО АРХЕОЛОГИИ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ (из опыта работы Удмуртского госуниверситета)

Российское образовательное пространство несколько лет переживает глубочайшее реформирование. Археология как предметная область, получить подготовку к которой можно только в вузе, вынуждена встраиваться в новую систему. Как это происходит в отдельно взятом вузе — Удмуртском

государственном университете — можно рассматривать как частный пример, но, думается, что он вполне распространяем на всю вузовскую науку в нашей стране. Автор анализирует пятилетний опыт работы по новым учебным стандартам: потери и приобретения одной из региональных научных школ в археологии. Кроме ряда очевидных «находок», направленных на оптимизацию образовательной деятельности, минусов для проверенной десятилетиями сферы науки все же оказывается больше.

Ключевые слова: образование, археология, магистратура

E. Chernykh

Russia, Izhevsk, Udmurt State University

MASTER'S DEGREE TRAINING IN ARCHEOLOGY: PLUSES AND MINUSES (From the Udmurt State University's experience)

For the last several years Russian educational field is going through a profound reforming. Professional training in such subject area as archeology can only be received in University, so it has to integrate into the new system. Case of a particular institution — Udmurt State University — can be considered as a special case. But we think that this special case may be extended to all university research in our country. The author analyzes five years of practice with new academic standards: gains and losses of one of regional scientific schools in archeology. Despite some obvious findings, aimed at optimizing of the educational activity, losses for decades proven sphere of science are more considerable.

Keywords: The education, Archeology, Master's degree

Двухуровневое образование в российские университеты вошло на рубеже тысячелетий. Данная хронологическая зарубка довольно символична. К этому моменту подготовка археологов в России, безусловно, уже имела свою историю. Сама наука археология прошла долгий и противоречивый путь институализации: это и включение ее в учебные программы высших учебных заведений, формирование кадров преподавателей и исследователей, обсуждение терминологического и методического аппарата. Санкт-Петербургский университет в этой истории — признанная *alma mater* для многих профессиональных археологов [1]. Но при всем внимании историографов к указанным сюжетам и при наличии в России кадрового ресурса, способного вести подготовку специалистов, приходится признать, что эта задача по-прежнему решается в формах, мало отличающихся от тех, что имели место 100 лет назад. Во второй половине XX столетия в нашу науку шли из романтики детской археологии (школы и кружки при домах пионеров), после полевой практики в вузе, следуя примеру ку-

миров-преподавателей, блестяще читающих лекции, но, как кажется, никогда в поисках «золотого ковчега».

Вузовскую специальность по археологии в советские времена можно было получить только в МГУ и ЛГУ, остальные вузы в лучшем случае могли позволить себе открытие специализации, обучение на которой начиналось с третьего курса. В дипломе такая специализация никак не отражалась. Но даже три года обучения (программа специальных курсов, возможность приглашения столичных ученых, написание курсовых и дипломных сочинений, ежегодные выезды в экспедиции, получение после II или III курсов открытых листов с правом проведения самостоятельных разведок, а к выпускному курсу и раскопок), открывали молодым людям дорогу в настоящую археологию. Кто-то раньше, кто-то позже шел в аспирантуру, защищал кандидатскую и докторскую диссертации. При всей неудовлетворенности российского археологического сообщества отсутствием, де-юре, системы профессиональной подготовки специалистов-археологов, сложившаяся в советское время университетская система образования все же позволяла решать текущие задачи в изучении древней истории. Так, с 1974 г., когда на истфаке Удмуртского госуниверситета (УдГУ) решением Ученого совета началась целенаправленная подготовка студентов по специализации «археология», выпуски специалистов из года в год составляли от 3 до 12 человек [2, с. 278–285]. Об опыте научного коллектива археологов в Удмуртском госуниверситете написано достаточно много [3].

Переход на 2-х уровневую систему образования открывал, с одной стороны, путь для подготовки археологов по профилю в более сокращенные сроки — за 2 года, с другой — вовлечение в данный круг выпускников других специальностей. Последнее обстоятельство, казалось очень привлекательным, поскольку предоставляло реальную возможность раздвинуть предметное пространство научных исследований в области археологии за счет, например, естественнонаучных тематик. А в условиях резкого сокращения студенческого контингента на исторических специальностях, решало еще и проблему набора в магистратуру. Какие-то ожидания уже оправдались, другие требуют безотлагательного пересмотра содержательных планов подготовки и, как представляется сейчас, расчета учебных часов и штатов, не говоря уже о статусе археологии в нынешнем классификаторе учебных специальностей. Попробуем изложить все ставшие очевидными (или неочевидные до определенной степени) плюсы и минусы новой формы обучения.

В УдГУ набор в магистратуру был открыт в 2011 г. С самого начала, не скрою, приходилось бросать клич и собирать абитуриентов со «всех волостей». Ни о каком конкурсном отборе говорить не приходится. Причиной низкого интереса, являлось отсутствие выпускников-бакалавров. Уговорить специалиста продолжить обучение еще в течение 2-х лет, учитывая, что стипендия магистранта не может конкурировать даже с самой низкой заработной платой, сложно. Днем работа, а вечером — лекции и семинары. И бросали, уходили. Тех, кто дошел до конца и защитил магистерскую диссертацию — пока мало. Правда, при этом, продолжить обучение в аспирантуре почти ни у кого уже не возникало. Да и предложений от вуза (когда на весь факультет приходит по разрядке министерства одно (!) место в аспирантуру) также не было. Так что громкий тезис о миссии магистратуры как формы предварительной подготовки в аспирантуру пока что остается только на бумаге. Перспектива научно-педагогической деятельности для защитивших магистерские диссертации в гуманитарной сфере выглядит столь же декларативной. В условиях оптимизации отечественной высшей школы, когда даже для штатного преподавателя вуза отсутствует уверенность в завтрашнем дне, найти ставку для молодых выпускников на кафедре — даже не проблема, а полная утопия. Например, кафедра археологии и истории первобытного общества УдГУ, в 2011 г. имевшая 8 штатных преподавателей со 100% остепененностью, с началом активной фазы оптимизации к 2015 г. лишилась самостоятельного статуса и была «слита» с двумя такими же — вполне успешными (а для национальной республики, можно говорить, и уникальными) кафедрами этнологии, истории древнего мира и средних веков. Эти кафедры не намного моложе самого университета, их становление происходило вместе с университетским образованием. Выпускники — археологи и этнографы — сегодня известные ученые, педагоги, общественные и политические деятели, много и плодотворно работающие на ниве изучения и пропаганды национальной истории и культуры, известные на родине и за рубежом. Профессорско-преподавательский состав кафедры — почти сплошь работающие пенсионеры, по нынешним меркам, вполне молодые и энергичные. Уходить из университета, обрекая себя на «нищечное» существование, когда ты еще полон сил, а главное, не растратил желания делиться своим богатым опытом (научным и преподавательским), не спешит никто. Поэтому цель проводимой оптимизации, кроме как достижение вожаемых для чиновников от образования и науки количественных показателей, для всех остается за гранью понимания.

В 2014 г. в магистратуру по археологии впервые пришли выпускники не исторических специальностей — картограф, музыкант и дизайнер. В следующем году к ним добавились географы, биолог, юрист и нам впервые удалось выполнить план набора магистров — 10 человек. Пока сложно сказать, смогут ли они реализоваться в будущем как археологи, хотя желание таковое имеется. Со всей ответственностью можно лишь констатировать, что двух лет обучения таких студентов совершенно недостаточно даже для того, чтобы они освоили основные положения и методы гуманитарных наук. Им приходится в течение первого года обучения приобретать, по сути, и общекультурные, и профессиональные компетенции, которые, следуя логике федерального образовательного, государственного стандарта, были получены их новыми сокурсниками — выпускниками исторических факультетов — на уровне бакалавриата. Но при этом необходимо одновременно еще осваивать основную образовательную программу магистратуры с ее интенсивным планом теоретической и практической подготовки к будущей профессиональной деятельности. К тому же, этих двух лет им явно недостаточно, чтобы получить открытый лист на право проведения археологических полевых работ. В Положении Российской АН от 27 ноября 2013 г. № 85 от получающего впервые ОЛ требуется наличие двухлетнего стажа практической работы и навыков составления научного отчета и ведения полевой документации. То есть, для указанных магистрантов такая возможность может быть предоставлена только после завершения обучения и даже позднее, после второго летнего сезона в экспедиции, когда перед ним будет стоять уже другая «горячая» задача — дальнейшего трудоустройства. Надо полагать, что будущий археолог должен задумываться о своей профессиональной карьере как только сядет на студенческую скамью, а еще лучше заблаговременно найти себе опытного наставника. Стоит ли говорить, что такие грустные перспективы подрезают крылья магистрантам уже после первого года обучения, у них начинают формироваться скепсис и по отношению к своему выбору, и к науке.

В новой складывающейся системе образования нельзя забывать и другую сторону — преподавателей кафедр. Вследствие изменения формы расчета часов и штатного расписания кафедр, резкого сокращения студенческого контингента (на специальность «история» в УдГУ вот уже несколько лет выделяется 25–30 мест, против 90 — в 1990-е годы), руководству пришлось переводить преподавателей на доли ставок. Открытие магистратуры (как надеялись) этой проблемы не решило, напротив, еще более усугубило. Вот уже пятый год

преподаватели кафедры работают в режиме ЧС. Каждый новый Государственный Стандарт высшего профессионального образования требует нового напряжения усилий. Рабочие планы и программы, не успев апробироваться и закрепиться в образовательном пространстве вуза, устаревают практически мгновенно. Увеличилось в разы и количество курсов, которые, помимо затрат времени на их подготовку, по новым требованиям необходимо обеспечивать то «многоотными» УМКД, то ежегодно обновляемыми рабочими программами. Приведу пример: в 2013–2014 учебном году в соответствии с учебным планом за кафедрой археологии и истории первобытного общества были закреплены 39 учебных дисциплин (в среднем, по 5 курсов на преподавателя), 5643, 8 часов учебной нагрузки. В сравнении с 2007 г. программы кафедры только на дневном отделении обновились на 30%! В то время как средние учебные заведения переводятся на обучение школьников в одну смену, в вузе мы работаем в две смены (во время сессий, когда выходят студенты заочной формы обучения, даже в три!). И дело не в нехватке учебных аудиторий, а в том непреложном факте, что в магистратуру приходят уже работающие специалисты, и университет вынужден обучать их в вечернее время. Таким образом, преподаватели стали заложниками новой системы образования. Риторический вопрос — а как же научная составляющая педагога высшей школы? Увы, на нее у преподавателя остается ночное время или выходные дни. Как тут не вспомнить одну из классических характеристик технических революций индустриальной эпохи — интенсификацию труда и «прикованность» человека к машине?

Литература:

1. Тихонов И. Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: историографические очерки. СПб: Изд-во С.-Петербургского университета, 2003. 332 с.
2. Исследовательские традиции в археологии Прикамья / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 4. Ижевск, 2002.
3. Мельникова О. М. Научная археологическая школа Р. Д. Голдиной в Удмуртском государственном университете. Ижевск: Удмуртский университет, 2006. 142 с.; Голдина Р. Д., Черных Е. М. 40 лет археологии в Удмуртском университете // Наука в УГПИ–УдГУ: история, современное состояние, перспективы: материалы научной конф., посв. 80-летию УГПИ–УдГУ. Ижевск, 2011. С. 27–44; Черных Е. М. «Кузница» научных кадров археологов Удмуртии // Камско-Вятской

археологической экспедиции Удмуртского государственного университета — 40 лет. Ижевск, 2015. С. 15–30.

УДК 378.14

Д. В. Шмуратко

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия

**ВОЗМОЖНОСТЬ ПОДГОТОВКИ АРХЕОЛОГОВ В РАМКАХ
ФГОС ВО «ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»: ОПЫТ
ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

На примере Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета описан опыт подготовки археологов в условиях реализации ФГОС ВО «Педагогическое образование». Сделан вывод о принципиальной возможности обучения археологов в рамках высшего педагогического образования. Выделены дополнительные условия профессиональной подготовки археологов-педагогов: мотивированный кадровый состав преподавателей, организация полевых практик, внеаудиторная научная работа, возможность продолжения образования в магистратуре и аспирантуре и др.

Ключевые слова: археология, профессиональная подготовка, высшее педагогическое образование, организация учебного процесса, университет, федеральный государственный образовательный стандарт

D. V. Shmuratko

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia

**THE POSSIBILITY OF PREPARING ARCHEOLOGY IN THE
FRAMEWORK OF THE FEDERAL STATE EDUCATIONAL
STANDARDS OF HIGHER EDUCATION «PEDAGOGICAL
EDUCATION»: EXPERIENCE OF PERM STATE
HUMANITARIAN PEDAGOGICAL UNIVERSITY**

The experience of training of archaeologists under the implementation of the federal state educational standard of higher education «Teacher Education» is described by the example of the Perm State Humanitarian Pedagogical University. It is concluded that training of archaeologists under the higher pedagogical education is possible in principle. Additional conditions for the training of archaeologists and teachers are allocated, they are a motivated cadre of teachers, the organization of field practices, extracurricular scientific work,

the opportunity to continue their education in graduate and postgraduate studies, and others.

Keywords: archeology, vocational training, higher pedagogical education, the organization of the educational process, university, federal state educational standard

В условиях действующей системы ФГОС ВО по программам бакалавриата существует укрупненная группа специальностей 46.00.00 «История и археология». Судя по названию, подготовка будущих археологов должна осуществляться именно в ее рамках. Однако содержательное наполнение обозначенной укрупненной группы специальностей (УГС) вызывает некоторые вопросы. Среди трех направлений подготовки, включенных в УГС, археологии нет. Есть «История» (код направления 46.03.01), «Документоведение и архивоведение» (46.03.02), «Антропология и этнология» (46.03.03). Видимо, археологов предполагается готовить, реализуя перечисленные направления. Обратимся к тексту образовательных стандартов. Во ФГОС ВО по направлению 46.03.01 «История» упоминание об археологии встречается лишь однажды. Профессиональная компетенция (ПК-2) звучит следующим образом: выпускник должен обладать «способностью использовать в исторических исследованиях *базовые знания в области археологии* и этнологии» [1]. Из текста ясно, что речь идет не о специальных знаниях, умениях, навыках, необходимых будущему историку-археологу, а лишь о минимальных «базовых» сведениях, что для профессионального археолога явно недостаточно. Во ФГОС ВО по направлению подготовки 46.03.02 «Документоведение и архивоведение» упоминаний об археологии нет вообще. Нет их и во ФГОС ВО по направлению 46.03.03 «Антропология и этнология». Таким образом, получается парадоксальная ситуация — в укрупненной группе специальностей «История и археология» собственно чистой археологии нет. Наиболее соответствующим археологическому профилю следует признать направление 46.03.01 «История», во ФГОС по которому есть хотя бы какое-то упоминание об археологии. Подготовка археологов с опорой на ФГОС ВО по направлению подготовки 46.03.01 «История» осуществляют Казанский (Приволжский) федеральный университет, Удмуртский государственный университет и др.

В Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете подготовка бакалавров по направлению 46.03.01 «История», к сожалению, не ведется. Однако, это не мешает историческому факультету ПГПГУ ежегодно выпускать успешных специалистов

в области археологии. Мало того, можно говорить о сложившейся в ПГГПУ Пермской археолого-этнографической научной школе (рук. д. и. н., профессор Белавин А. М.), которая возникла в 2000-х годах на базе созданной еще в 1983 г. Камской археолого-этнографической экспедиции. За годы существования научной школы и экспедиции было подготовлено 8 кандидатских и 2 докторские диссертации по археологии. Как это возможно? Ответ прост — подготовка будущих специалистов-археологов в ПГГПУ осуществляет в рамках ФГОС ВО по укрупненной группе специальностей 44.00.00. «Образование и педагогика», направление подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)», профиль «История и Обществознание». Практика показала, что в условиях исторического факультета ПГГПУ образовательная программа «История и Обществознание», разработанная на основе ФГОС ВО по направлению подготовки 46.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)», позволяет одинаково успешно обучать как будущих педагогов, так и историков-археологов. Принципиальная возможность этого кроется в некотором сходстве, которое обнаруживает ФГОС ВО по направлению подготовки 46.03.01 «История» и ФГОС ВО по направлению подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)».

Оказывается, по характеристике основных видов профессиональной деятельности выпускник-историк мало чем отличается от выпускника-педагога, обучающегося по профилю «История и Обществознание», и тот и другой готовятся к научно-исследовательской и педагогической деятельности как основным. Демонстрируют сходство и общекультурные компетенции, которыми должны овладеть выпускники. Ряд отличий имеют профессиональные компетенции по основным видам деятельности (педагогической и научно-исследовательской), однако суть этих различий в итоге сводится к тезису — выпускник-историк больше исследователь, чем учитель, в то время как выпускник-педагог больше учитель, чем исследователь.

Таким образом, можно сделать вывод, что при отсутствии специального отделимого ФГОС ВО по направлению «Археология» подготовка специалистов-археологов одинаково успешно может быть осуществлена как в рамках ФГОС «История», так и «Педагогическое образование». К тому же, сократить расстояние между «историком» и «педагогом» можно за счет специальных компетенций, устанавливаемых вузом самостоятельно, тем более что стандарт разрешает это делать.

Действующие образовательные стандарты высшего образования в силу своей внутренней структуры и идеологии, описывающей преимущественно требуемые результаты образования, а не его содержательную сторону, позволяют достаточно свободно формировать необходимое предметное поле образовательных программ, задавая им желаемый смысловой вектор. Образовательная программа, реализуемая ПГГПУ по профилю «История и Обществознание», включает в вариативной части учебного плана такие обязательные дисциплины археологической тематики, как «История первобытного общества» (72 часа) и «Археология» (72 часа), а также ряд дисциплин по выбору: «Древняя и средневековая археология Пермского Предуралья» (72 часа), «История Волжской Булгарии»/«Этногенез народов Урала» (72 часа), «Основы полевой археологии и антропологии» (72 часа). Огромную роль в качественной подготовке будущих педагогов-археологов играет обязательная выездная учебная (археологическая) практика (180 часов). Согласно графику учебного процесса, полевая археологическая практика стоит на первом году обучения бакалавров и длится 24 дня. Важно отметить, что добровольное участие в практике регулярно принимают студенты старших курсов, интересующиеся археологией, которые, выезжая в поле вместе с первокурсниками играют для них роль старших товарищей, наставников. Наиболее талантливые и ответственные старшекурсники участвуют в раскопках уже в статусе младших научных сотрудников.

Суммарно на археологические дисциплины в учебном плане отведено 15 зачетных единиц (540 часов), что составляет 5% всего объема образовательной программы (двухпрофильный педагогический бакалавриат предполагает объем образовательной программы 300 з. е.) [2]. Столь невысокий процент является прямым доказательством того, что истфак ПГГПУ ни в коем случае не пытается подменить «Педагогическое образование» классической «Историей» и тем более археологией, и конечно же не преследует цель воспитать из всех своих выпускников археологов. Присутствующие в учебном плане дисциплины и практики прежде всего рассчитаны на расширение поля будущей профессиональной деятельности выпускников, вариативности спектра их индивидуальных образовательных и карьерных траекторий, археология здесь является только одним из многих вариантов развития.

Для сравнения можно привести учебные планы, реализуемые Удмуртским государственным университетом и Казанским (Приволжским) федеральным университетом (46.03.01 «История», профиль «Ар-

хеология»). В УдГУ археологическим дисциплинам отведено 35 з. е. — 15% всего объема учебной программы, в К(П)ФУ — более 40 з. е.

Немаловажную роль в формировании у выпускников археологических компетенций играет и кадровый состав, работающий на факультете. Все «археологические дисциплины» закреплены за кафедрой Древней и средневековой истории России, на которой работает 16 преподавателей и сотрудников, из них держателями Открытых листов являются — 14 человек! Из девяти остепененных преподавателей кафедры семь защитили докторские и кандидатские диссертации по специальности 07.00.06 «Археология». Учитывая специфику и высокий научный потенциал кафедры, а также сложившиеся прочные научные связи, в планах на 2016/2017 учебный год стоит открытие на историческом факультете базовой кафедры «Археологии и этнографии» совместно с Отделом истории, археологии и этнографии Пермского научного центра УрО РАН. К задачам новой базовой академической кафедры Археологии и этнографии помимо прочего будут относиться раннее выявление наиболее талантливых студентов, имеющих склонность к научно-исследовательской работе в области археологии и этнографии; научное руководство и рецензирование выпускных квалификационных работ; организация научно-исследовательской практики.

Среди иных факторов, способствующих закреплению наиболее талантливых студентов за предметной областью археологии, является возможность написания курсовых и выпускных квалификационных работ по археологической тематике. Учитывая специфику образовательной программы «Педагогическое образование», обязательным элементом таких дипломных работ становится наличие, так называемого, педагогического компонента: методической разработки урока, факультативного курса, внеклассного мероприятия и т. п. В условиях археологической тематики ВКР проектируемый педагогический компонент прекрасно ложится в краеведческую (региональную) часть школьной программы по истории.

Отдельно следует остановиться на внеучебных формах работы со студентами, интересующимися археологией. На факультете существует студенческий научный кружок «ПАРМА», на еженедельных заседаниях которого студенты, аспиранты и преподаватели имеют возможность в неформальной атмосфере обсудить наиболее актуальные вопросы археологической теории и практики. Заседания кружка позволяют дополнить недостающие для более качественной подготовки молодых археологов часы учебного плана.

Следующим фактором, влияющим на успешность в подготовке археологов, становится наличие на факультете магистратуры, включающей серьезный археологический образовательный сегмент. Программа магистратуры, названная «Региональные этнокультурные процессы в контексте исторического образования», как и программа бакалавриата существует в рамках направления подготовки «Педагогическое образование» (код направления 44.04.01). Помимо общих психолого-педагогических и методических дисциплин магистранты в рамках вариативной части учебного плана изучают такие обязательные дисциплины как «Каменный и бронзовый век Урала» (144 ч.), «Урал в эпоху железа и средневековья» (108 ч.), «Памятники истории и культуры Пермского края» (144 ч.), а также дисциплины по выбору «Археологические и этнографические коллекции в музеях Урала» (72 ч.), «Ювелирное дело на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья» (72 ч.), «Методы естественных наук в археологии» (72 ч.), «История и археология Золотой Орды» (72 ч.). Обязательной для магистрантов является и выездная учебная (научно-исследовательская полевая) практика (288 ч.). В отличие от программы бакалавриата на археологию работают уже 22,5% всего объема образовательной программы, процент в разы выше, но все же это меньше четверти объема часов всей образовательной программы.

Исключительно археологической является лишь существующая в университете аспирантура по направлению 46.06.01 «Исторические науки и археология», направленность 07.00.06 «Археология», ее учебный план всецело подчинен задаче подготовки исследователя-археолога.

Если подводить итог всему вышесказанному, то секрет успешной подготовки на историческом факультете ПГГПУ молодых археологов кроется в удачном стечении целого ряда факторов. Во-первых, отсутствие ФГОС ВО по направлению подготовки «Археология», что дает равные возможности обучения археологов в условиях реализации ФГОС ВО по направлению подготовки 46.03.01 «История» и ФГОС ВО по направлению подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)», профиль «История и Обществознание». Во-вторых, в ПГГПУ работает многочисленный коллектив высококвалифицированных специалистов-археологов способных сформировать у обучающихся познавательный интерес и любовь древнейшей истории России. В-третьих, присутствие в учебном плане выездной археологической практики способствует прямому приобщению студентов к археологической науке. В-четвертых, практика написания

курсовых и выпускных квалификационных работ по археологической тематике дает возможность наиболее успешным студентам работать над проблематикой будущей кандидатской диссертации фактически с первых лет обучения в вузе. В-пятых, на факультете организована система внеучебных занятий по археологии, проходящих в рамках работы студенческого научного клуба. В-шестых, выстроенная линейка образовательных программ бакалавриат-магистратура-аспирантура, постепенно углубляющих знания и компетенции обучающихся в области археологии, способствует прочному закреплению наиболее талантливых и способных студентов в археологической науке. В-седьмых, тесные научные связи, выстроенные с ведущими академическими научными центрами: Пермским научным центром УрО РАН, Институтом археологии РАН, Институтом истории материальной культуры РАН, повышают качество методической и научно-исследовательской подготовки выпускников, делают их более узнаваемыми и конкурентоспособными на рынке труда. Таким образом, по мнению автора, обозначенные обстоятельства дают все основания называть Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет одной из кузниц высококвалифицированных археологических кадров в России.

Литература:

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. Уровень высшего образования бакалавриат. Направление подготовки 46.03.01 «История» // Приказ Минобрнауки России от 07.08.2014 N 950 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 46.03.01 История (уровень бакалавриата)» // Режим доступа: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/46_03_01_Istoria.pdf. С. 4 (дата обращения 03.10.2016)
2. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. Уровень высшего образования бакалавриат. Направление подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование» (с двумя профилями подготовки) // Приказ Минобрнауки России от 09.02.2016 N 91 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) (уровень бакалавриата)» // Режим доступа: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/440305.pdf>. С. 9–10 (дата обращения 03.10.2016).

УДК 904

С. П. Щавелев

*Курский государственный медицинский университет, Курск***АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УНИВЕРСИТЕТСКОГО
«КУРСА ИСТОРИИ РУССКОГО ПРАВА» Д.Я. САМОКВАСОВА***

Дмитрий Яковлевич Самоквасов (1843–1911) общепризнан в историографии археологии как один из основоположников этой науки в России. Будучи одним из ближайших сотрудников А. С. и П. С. Уваровых в Императорском Московском Археологическом обществе, а также одним из самых активных полевых работников среди членов Императорской Археологической комиссии, он стал соавтором первой в нашей стране официальной инструкции по производству раскопок и обработке найденных материалов; инициатором государственного учета и картографирования городищ и курганов на европейской территории Российской империи; составителем наиболее детальной и реалистичной к началу XX в. классификации и периодизации древностей того же культурно-исторического пространства; наконец, первым из наших дипломированных историков и университетских профессоров, кто насытил свои учебные курсы по истории государства и права, печатные и лекционные, археологическими (в современном значении этого слова) материалами, из своих и чужих раскопок в России и других странах Европы.

Ключевые слова: история государства и права славян и Руси; Варшавский и Московский Императорские университеты на рубеже XIX–XX вв.; археологические древности.

S. P. Schavelev

*Kursk State Medical University, Kursk***ARCHAEOLOGICAL BASICS OF THE LECTURE COURSE «THE
HISTORY OF RUSSIAN LAW» BY D.Y. SAMOKVASOV**

Dmitry Yakovlevich Samokvasov (1843–1911) is widely recognized as one of the founders of archeology in Russia. He was one of the closest associates of Aleksey Sergeevich Uvarov and Praskovya Sergeevna Uvarova in the Imperial Moscow Archaeological Society and one of the most active field workers among the members of the Imperial Archaeological Commission, he became a co-author of the first official instructions for the production of the excavation and processing of found materials in our country. Samokvasov initiated state registration and mapping of settlements and burial mounds in the European part of the Russian Empire and compiled of the most detailed and

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского государственного гуманитарного фонда, проект № 14-33-01018.

realistic periodization and classification of antiquities of the same cultural and historical space for the beginning of the XX century. Finally, he was the first who used archaeological (in the modern sense of the word) materials of Russia and other countries of Europe in the courses on the history of the state and law and his printed lectures.

Keywords: History of State and Law of the Slavs and Russia; Warsaw and Moscow Imperial University at the turn of XIX–XX centuries; archaeological antiquity.

Сегодня Дмитрий Яковлевич Самоквасов (1843–1911) известен преимущественно как археолог, однако его официальной специальностью как выпускника юридического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета (1868), а в дальнейшем как университетского преподавателя, ординарного, а в конце концов и заслуженного профессора Императорских Варшавского (1873–1891) и Московского (1894–1911) университетов была юриспруденция, а точнее — история русского права. Учебник с таким названием он разрабатывал с начала и до конца своей преподавательской деятельности в высшей школе и тот не затерялся среди многочисленных комpendиумов по этой дисциплине.

«Как учёный и университетский профессор, Д. Я. [Дмитрий Яковлевич] свой курс по истории русского права сделал особо содержательным, живым и интересным, внеся в него и свою страстную любовь к русским древностям. — Вспоминал его сослуживец по Варшаве профессор Д. В. Цветаев. — Многочисленную свою аудиторию он знакомил с произведениями культуры наших предков, особенно с теми, которые он сам открывал в своих раскопках и которые свидетельствовали, что русские люди, еще в пору очень стародавнюю, жили совсем не какими-либо дикарями, а стояли на значительно высокой ступени культурного развития. Он раскрывал начала сравнительно гуманного русского права, при постепенном политическом и культурном росте Русского государства, поднявшего много народов из их первобытного состояния и принявшего под свою защиту многие племена, обреченные, казалось, на погибель в среде чуждых им турецкого и немецкого миров. При этом Д. Я. [Дмитрий Яковлевич] убежденно устанавливал, что Россия, при своих прочных исторических основах, вполне способна к дальнейшему неизмеримому развитию и усовершенствованию. Всем этим он вызывал в своих слушателях стремление к внимательному изучению столь важного научного предмета и вел их к сознательному уважению русского народа...» [1, с. 32].

«История русского права» Д. Я. Самоквасова вобрала в себя результаты ряда его монографических штудий — о происхождении славян, в особенности восточных; древнерусском городе; договорах первых русских князей с греками; родословной Рюриковичей; формировании крепостного права и поместно-вотчинной системы; обычном праве сибирских аборигенов; некоторых других. Нынешним библиографам без труда не разобраться в общем количестве выпусков и изданий самоквасовского учебника. Варшавский том 1888 г. включал в себя переработанные издания того же университета 1878, 1884 гг. и посвящался «языческой эпохе» русского права. В Москве последовали второй и третий выпуски (1896), отведенные «законам удельной Руси, Московского государства и Российской империи». Они представляли собой литографированный студенческий конспект профессорских лекций. Все эти выпуски, в общей сложности пять, автор рассматривал как первое издание своего курса. Второе, исправленное и дополненное, осуществлено им в 1899 г. в одной книге. Затем, по просьбам новых поколений студентов, в свет вышли его «Лекции 1902/3 академического года» и «1906/7 учебного года». Последнее и самое полное, третье издание «Курса истории русского права» Самоквасова за 1908 г., вместе с отдельными «Дополнениями» к нему, приближалось к 800 страницам [2].

Как видно из сказанного, преподавание в университете и полевая, кабинетная, музейная археология не были для этого ученого разными сторонами его жизни и деятельности, как для большинства его коллег той поры. Все результаты его работы с древностями находили прямое отражение в его университетских лекциях и остальных занятиях со студентами. Вот отзыв некоего К. Н. Тура, деятеля судебного ведомства, в 1912 г. вспоминавшего свое варшавское студенчество. «Человек крупный, с сильным малороссийским акцентом, он читал нам по тетради скорее археологию, чем историю права. В сущности С—в и был археологом и постоянно занимался раскапыванием на своей родине, Малороссии, курганов <...> Мучил он нас результатами своих археологических разведок и много, очень много распространялся о древних русских городах...» [3, с. 427].

Еще один весьма живописный образ Самоквасова-профессора принадлежит перу замечательного русского писателя, эмигранта Михаила Осоргина (1878–1942). «Проф. Самоквасов, большой старик с отлично сделанной из осмолённой пакли бородой, в длинном сюртуке, выдавшем виды, <...> говорил преимущественно о курганах. В своей жизни он раскопал бесчисленное количество курганов. Рассказывал

он о них подробно, о каждом особо, и это имело какое-то отношение к русскому праву. Его главным козырем была коробочка с мелкими угольками, которая хранилась в одной из витрин Исторического музея. Раз в течение курса он вёл нас туда <...> Здесь, склонившись над витриной грузным корпусом и вынув коробочку, он с необычайным оживлением говорил: — Эта находка в корне меняет все прежние представления о наших предках. Что это за угольки? Посмотрите, но не касайтесь пальцами. Они найдены в погребальном урне. Это, милостивые государи, обгорелые зерна ржи! Значит, наши предки не были только дикими звероловами; они занимались и хлебопашеством. Значит, уже в те времена культура была достаточно высокой <...> и так далее. Мы заглядывали в коробочку и чувствовали умиление и гордость за предков. Профессор Самоквасов вырастал в наших глазах...» [4, с. 62–63].

Более широкой публике адресовались открытые лекции, с которыми профессор время от времени выступал по просьбам разных общественных объединений, образовательных кружков еще в Варшаве. Излюбленными темами ему служили такие, как значение курганных раскопок, происхождение славян, история древней Руси.

В Москве же общедоступные выступления Д. Я. Самоквасова неоднократно звучали в Политехническом и Историческом музеях, на воскресных курсах для рабочих (по известной программе полицейского миротворца С. В. Зубатова; тема Дмитрия Яковлевича — «Право и государство в России»), в уваровском Императорском Археологическом обществе, а особенно часто — в родных «самоквасовцам» стенах МАМЮ. С такими же популярными лекциями профессор ежегодно выезжал в провинцию — в родную Малороссию (Киев, Чернигов, Полтава), в Курск, Орел, Брянск, Саратов и другие места. Отметками о соответствующих командировках испещрены его паспорта [5, с. 25–50].

Итогом учебно-просветительской деятельности учёного стала выпущенная им «Программа курса лекций по русской археологии» [6]. Эти лекции Самоквасов читал у себя последние несколько лет жизни в архиве (министерства юстиции, ныне РГАДА) по субботам, в вечерние часы. Приглашая на огонек графиню Уварову, Д. Я. писал в 1908 г.: «Курс по русской археологии и архивоведению я открыл в архиве по той причине, что он сопровождается демонстрацией многих световых картин, рисунков и подлинных архивных документов, что невозможно в помещении Археологического института. В настоящее время у меня 150 слушателей и слушательниц» [7].

Программа самоквасовского курса — тоненькая брошюра — по сути представляла из себя проспект учебника по отечественной археологии. Очень жаль, что ее автору не хватило времени жизни написать целую книгу по истории и методологии тогдашней археологии. Эту работу продолжили представители следующего поколений русских археологов, начиная с А. А. Спицына и В. А. Городцова.

Литература:

1. Памяти Димитрия Яковлевича Самоквасова. М., Синодальная типография, 1912.
2. Самоквасов Д. Я. Курс истории русского права. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Типография Императорского Московского университета. 1908. 470 с.
3. Тур К. Н. Студенческие годы (Воспоминания о Варшавском университете) // Русская старина. 1912. № 9. С. 425–432.
4. Осоргин М. А. Воспоминания. Повесть о сестре. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1992. 416 с.
5. Щавелев С. П. Вопросы теории и методики в археологических трудах Д. Я. Самоквасова // Очерки истории русской и советской археологии / Сост. и отв. ред. А. А. Формозов. М.: Ин-т археологии РАН, 1991. С. 25–50.
6. Самоквасов Д. Я. Программа курса лекций по русской археологии. М., 1907. 8 с.
7. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 568. Л. 104–104 об.

Секция III

Памяти Абрама Давидовича Столяра

УДК 902/904

Gjerde Jan Magne

Tromsø University Museum, UiT. The Arctic University of Norway
STONE AGE ROCK ART IN FENNOSCANDIA — AN OVERVIEW

Recent decades have witnessed an unparalleled growth in Stone Age rock art. Today more than 300 sites with Stone Age rock art are found in Fennoscandia (Norway, Sweden, Finland and NW-Russia) (see figure 1). More than 100 of these have been found during the last 20 years. The total number of rock art figures from the Stone Age are more than 20000. To get an overview of the material over large geographical areas is becoming increasingly harder to compile. This paper gives a brief overview on rock art in Fennoscandia and current trends in the material.

Key words: Fennoscandia, rock art, the meeting places, the elk-head boats, regions, animals.

Dating and the rock art explosion. The earliest dated rock art in Fennoscandia is found on the coastal rock slopes in northern Norway. 7 sites of polished rock art holds natural size figures of wild game such as bear, elk, reindeer and whale. The oldest of these sites are dated by shoreline dating to be about 9200 BC.

Before about 5500–5000BC only large game in virtually naturalistic size and morphologically correct had been depicted in Fennoscandian rock art. Even if the large naturalistic figures were still being depicted after about 5000BC, one now observe a change in the material record. This change included the first human depictions and human activities, an explosion in the number of motifs, an increase in the number of sites and the large concentrations of rock art at places like Alta, Nämforsen and Vyg was initiated. Quite a few sites can be dated to this period and by looking at the dates of the sites compared to the material record, one finds a transmission phase where large figures are still made, but the variation of motifs increases and eventually the life-size naturalistic figures are no longer being made. This change about 5500–5000 BC can be seen in the Ofoten region in northern Norway (see figure 1).

The meeting places. About 5500–5000 BC people in prehistory started making rock art in areas where they continued making rock art at the same places for thousands of years. These large rock art areas are interpreted as meeting places where a variety of social activities took place, e.g. [7, 8, 9]. The unique geographical location of these places is important and most likely these places were aggregation sites functioning as nodes in the landscape. Gustaf Hallström suggested the similarity between the carvings

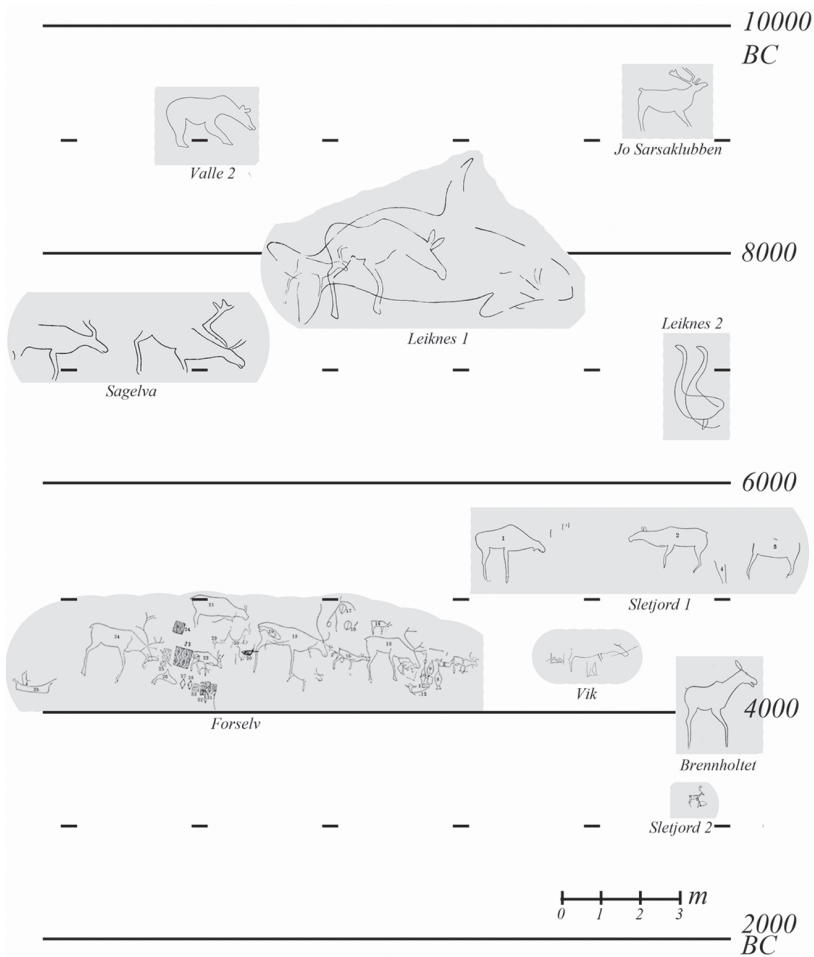

Figure 1. Chronological overview of rock art in Ofoten, northern Norway. After (Gjerde 2010:Figure 100)

from Nämforsen and Onega [4, p. 317], and the brief notion on the long journeys to and from such meeting places [3, p. 33]. I am of a mind that Hallström meant people as part of their journeys visited several of these «meeting-places». The present rock art record show the large rock art concentrations may act as such meeting places, distributed as centres in the wider landscape of Stone Age hunter-gatherers (see Figure 2). The

*Figure 2. Map of Stone Age rock art in Fennoscandia with central rock art areas.
Illustration: Jan Magne Gjerde*

large rock art centres are found in Russia (Onega, Vyg and Kanozero), in Finland (Astuvansalmi and connected sites in Lake Saimaa, Saraakallio and connected sites in Central Finland) in Sweden (Nämforsen) and in Norway (Vingen/ Ausevik in Western Norway, the Hammer area Central Norway, the Ofoten and Alta area in northern Norway). An important aspect of meeting places, are that people or groups of people journeyed to and from such nodes in the Stone Age hunter-gatherer landscape. The boats at Vyg are often associated with the whale hunt. However, the large boats could also communicate their communication abilities. Some of the larger boats room more than 10 people and must have been similar to the Umiak of the Eskimoes. The large boats and the actual journeys have been connected to the large journeys and stories of the travels and its rituals when starting or

completing a long journey should not be underestimated. The journey in itself has been associated with rituals as suggested by Helms [5, 6].

Boats of the North. An important motif that occur in northern Fennoscandia for the first time about 5500BC–5000BC, is the boat motif. The boat has until recent decades been associated with the South Scandinavian Bronze Age, however the earliest boat depictions in northern Fennoscandia (Alta, Nämforsen and Vyg) were made about 3000 years before the South Scandinavian Bronze Age. The elkhead boats are found only in the northeastern parts of Fennoscandia including northern Norway, northern Sweden, Finland and northwestern Russia. The elkhead-boats show a remarkable similarity (see Figure 3). No such boat depictions have so far been found in Central Norway or in southern Scandinavia. The practice of connecting animals to boats are found in the ethnographic record from large areas of the Arctic. Animal parts, amulets or figurines were also put in the boats as a token or an offering, connecting the boat to the animal world [1, p. 148–149, 156, 158]. Amulets or figurines of the whale, elk and bear made in flint is found in Late Stone Age sites by the White Sea, northwestern Russia [10, p. 106]. The boat as a symbol may reflect the long journeys and may be one of the reasons they are found as part of the rock art record central at the large rock art meeting places.

Regional variation. Even though there are large similarities in the Stone Age rock art record, there is also a clear regional variation. This is best observed by the selective depiction of animals at the large rock art centres depicting congregations of animals. These animals are depicted in areas where such animals are abundant or most likely would have been in prehistory. The selection of motifs show regional variation where

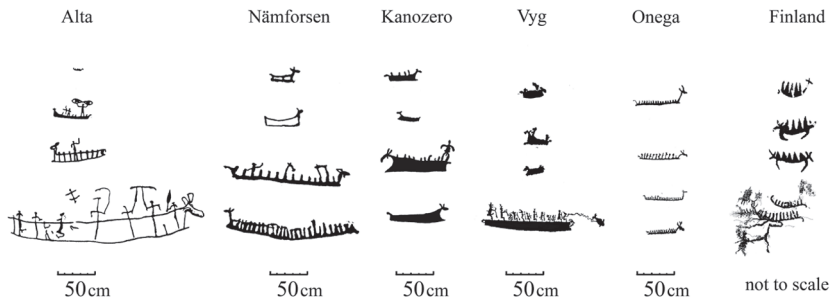

Figure 3 Examples of elk-head boats dated to the Stone Age. After (Gjerde 2010 Figure 282)

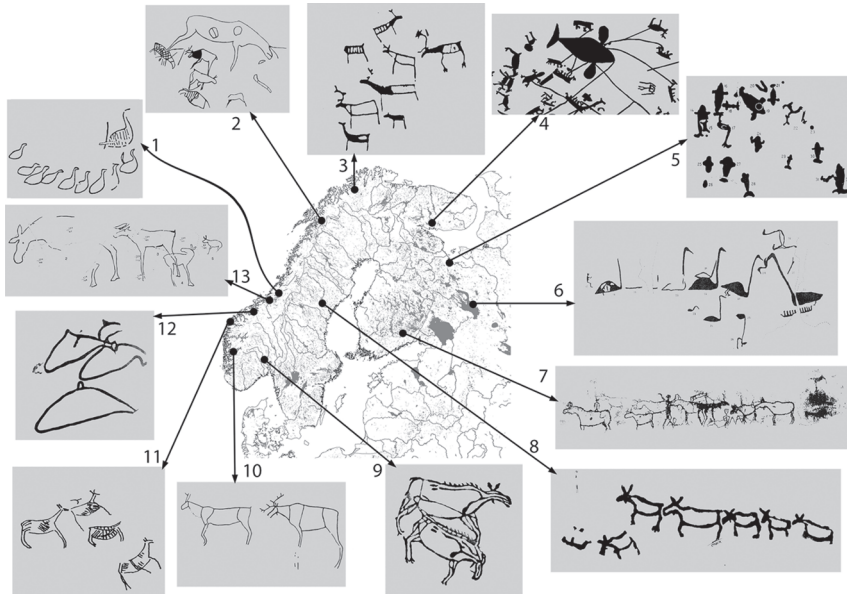

Figure 4 A selection of the regional variation of animals in Late Stone Age rock art in Fennoscandia. Afte (Gjerde 2010 Figure 301)

some animals appear in abundance in the different regions. One common animal is the elks. The elks are «everywhere», even though they are more prevailing in Finland, northern Sweden, eastern and middle Norway. Even if it is highly subjective, a simplistic model of such congregations of favoured animals in different regions of Fennoscandia are found in Figure 4. Examples of regional animals are the reindeer in Alta, northern Norway, the Beluga whale at Vyg, northwestern Russia, and the elk at Nämforsen in northern Sweden.

Concluding remarks. Intensive scientific research on rock art in Fennoscandia started about a century ago. Some of the initial interpretations of rock art is still of current interest, although slightly modified. The find history brings new sites to the material record and the finds show rock art holds large variations in placing, content and most likely connected activities and context. The large material record show that rock art are found spread over large parts of Fennoscandia from the Stone Age. With a notable increase in variation and number of sites, about 5500–5000 BC, the large rock art areas are initiated. They are interpreted as meeting places in

the Stone Age hunter-gatherer landscape. The meeting places show similar traits, and the boat motif is now found in large parts of north-eastern Fennoscandia. The clear similarities become evident studying the elk-head boats. However, the large regional variation witness selective depictions in the different regions of Fennoscandia. This opens for further studies of similarities and differences over large geographical areas arguing for long-distance contacts and «rock art journeys» in the Stone Age.

References

1. Brandstrup L. Dyrenes liv og død : de eskimoiske og sibiriske jægere, København: Borgen, 1985.
2. Gjerde J. M. Rock art and Landscape. Studies of Stone Age rock art from northern Fennoscandia, in University of Tromsø Tromsø, 2010.
3. Hallström G. Hällristningarna vid Nämforsen. En vägledning för besökande, Stockholm: Nordisk Rotogravyr, 1945.
4. Hallström G. Monumental art of northern Sweden from the Stone Age : Nämforsen and other localities, Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1960.
5. Helms M. W. Ulysses' sail : an ethnographic odyssey of power, knowledge, and geographical distance, Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1988.
6. Helms M. W. Long-Distance Contacts, Elite Aspirations, and the Age of Discovery in Cosmological Context, in Resources, power, and interregional interaction, eds. Urban, P. A. & Schortman E. M. New York: Plenum Press, 1992. P. 157–74.
7. Hood B. C. Sacred Pictures, Sacred Rocks: Ideological and Social Space in the North Norwegian Stone Age. Norwegian Archaeological Review. 1988. 21 (2). P. 65–84.
8. Malmer M. P. The Rock Carvings at Nämforsen, Ångermanland, Sweden, as a Problem of Maritime Adaptation and Circumpolar Interrelations in Prehistoric maritime adaptations of the circumpolar zone, ed. Fitzhugh W. W. The Hague/Paris: Mouton Publishers, 1975. P. 41–46.
9. Stolyar A. D. Milestones of Spiritual Evolution in Prehistoric Karelia. Folklore. 2001.18&19. P. 80–126.
10. Zamyatnin S. N. 1948. Miniaturnye kremnyovye skulptury v neolite Severo-Vostochnoi Yevropy / МИНИАТЮРНЫЕ КРЕМНЕВЫЕ СКУЛЬПТУРЫ В НЕОЛИТЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. Sovetskaja archeologija, 10, 85-123.

УДК 902/904

Knut Helskog

*The Arctic University of Norway, Tromsø University Museum Norway***EARLY SNOWSHOES IN FENNOSCANDIA**

Snowshoes, skis and sledges were necessary equipments for a relatively easy movement in a snowy winter landscape. Rock art and different finds show that it was very useful vehicles to the contact between populations. Historic evidence documents the use of these equipments in Eurasia from Fennoscandia to Eastern Siberia. This shows the possibilities that there were different types of skis related to types of snow, topography, purpose, technology and so on.

Key words: Fennoscandia, snowshoes, skis, rock art, cultural practices, petroglyphs.

Introduction. Rock art and finds in bogs show that populations in areas seasonally covered by snow used snowshoes, skis and sledges through thousands of years. They were essential and necessary equipments for a relatively easy movement in a snowy winter landscape related to the exploitation of resources and maintaining contact between populations and settlements. Historic/ethno-historic evidence document the use of skis, snowshoes and sledges in Eurasia from Fennoscandia to Eastern Siberia, and remains of prehistoric skis and sledge runners have been found several places. The literature about these remains and the use of skis is extensive [e.g. 2, 3, 6, 15, 18, 28, 30, 27, 36, 21]. A comparable discussion on prehistoric snowshoes is lacking because they are not yet found. The literature on historic use is extensive [e.g. 5, 8, 4, 24], and the difficulties to live in areas with deep snow without snowshoes and/or skis probably led to the assumption that they always were, must have been, a part of the technological inventory. The round snowshoes, sometimes called the bear paw type was and still is conceived to be most ancient Eurasian form while the bi-pointed types in Eastern Siberia and the North American continent are assumed to be younger. However, rock art in Fennoscandia of bi-pointed snowshoes of the frame type, indicate that they also existed in Fennoscandia at sites dated to 5000–3500 years cal. BC (Figure 1) [10, 22, 23, 17, 32, 33, 11, 25]. As such, they predate the round type and later appear to have gone out of use. The Sami population in Fennoscandia is not known to have used snowshoes but are believed to be the first who used skis and ski poles in Norway and Scandinavia [3, 26].

There are two main types of snowshoes depicted in the rock art: 1) Hybrid snowshoe/ski and 2) Snowshoes of the frame type.

1) The hybrid types.

The evidence in rock art indicate that there were short skis for sliding and for walking, i.e. a sort of hybrid type [32, fig. 35]. Judging from the ethnographic evidence in Siberia, the hybrid form of ski/snowshoes was wide with or without a fur-lined sole where hairs were oriented towards the back to prevent sliding backwards [21, 28, 18]. The type is very practical for maneuvering between trees in dense winter forest as well as in more open terrains, in a silent hunt as well as moving quickly between settlements. «Since early prehistory, broad wooden skis have been widely used across the forest zone of northern Eurasia for winter travel [21, p.79]. The term ski is somewhat misleading: rather than the narrow downhill skiing variant, these are more akin to wide wooden snowshoes and are used for walking in deep snow in relatively flat landscapes» [18, p. 150].

When needed, walking could have been supported with one or two poles, and historic evidence describes that when hunting the Sami could use both spears and bows as ski poles. Each could be fitted with a «basket» to prevent them from sinking into the snow [21, p.701; 35]. Both these alternatives are actually illustrated in rock art from northern Fennoscandia [32, fig. 25; 20, p. 62] and described by Johannis J. Tornæi in 1672 [35, p. 46] when hunting reindeer (My translation): «In this way they butchered/killed all the running reindeer, that not one can escape even when they tried hard , and the Lapps held the bow in the left hand as a staff, arrows on the back and the spear in the right hand: with the bow he shoots when the dogs have stopped a reindeer, and not bitten it to death. At the lower end of the bow and the spear is a small circle of wood fastened by crossing leather so the bow and the spear will not sink into the snow when running». Judging

figure 1. Large human figure on bi-pointed snowshoes of the frame type at Kåfjord in Alta, Norway

Figure 2. Three hunters in snowshoes/skis following and killing three European elks (moose). New Zalavruga in Karelia, Karelian Republic, Russia

from the rock art and the ethno-historic evidence, this technology did exist in the late fourth millennium BC. The remains of prehistoric skis found in northwestern Europe appear to be longer and slender with larger variations in types than indicated by those in the rock art [6, 1, 2, 36, 27].

The sites Old and New Zalavruga in northern Karelia contain the most famous compositions of people moving on snow, either hunting and killing animals or killing people. One composition shows three human figures that follow three European elks (moose) through an undulating landscape, downhill onto flat terrain where each person kill an elk with spears and arrows (Figure 2). The carvings reveal accurate details, both in 1) techniques and equipment for coping with snow in changing topographies and, 2) the equipment and techniques used to kill the three elks and, 3) the cooperation between the three hunters, not as separate parts but as an integrated whole towards the goal of the successful kill of the elks. The first point concerns moving on snow on short and broad fur covered wooden plank which allowed both sliding as on skis and walking as on snowshoes, to follow the animals in maximum silence. The hunters each had two poles, and details in the spears and bows show that they were equipped with baskets, which prevented them from sinking deep into the snow (Figure 3).

There are several other compositions with hunters on snowshoes/skis, such as one shooting a bear sitting on the top of a tree studded with

seven arrows. The bow of the hunter has an expansion on the lower end as a basket, illustrating its use as a pole when chasing the bear onto the tree [32, fig. 37].

A second category of activities involve people killing each other. One such composition consist of six men on the run of which four have arrows in their back. Each hold a spear with a basket on the bottom. Four of the carved lines under their feet are relative long and might represent skis rather than ski /snowshoe combination. At several of the other figures/compositions the length of the lines indicate skis more than snowshoes. This fit with the probability that there were different types of skis related to types of snow, topography, purpose, technology and tradition and even region.

On the 24 panels with altogether 1200 figures on the east coast of Lake Onega in Karelia [31; 29; 37; 23, p. 22, 298], there are only two depictions of skiers while depictions of snowshoes are lacking. Furthermore, only one figure of a person holding poles with possible baskets have been found but it is unclear if they double as weapons like at Zalavruga [31; 29; 37; 23, p. 96, 239].

2. Snowshoes of the frame type

The second type is snowshoes purely for walking [11, p. 94], and, like skis were made to conform with different types of snow as well as cultural

Figure 3. Hunter with bow and arrow and spear with baskets. From the hunting scene at New Zalavruga

practices and identities [24, p. 344–352]. In some coastal/fjordal areas in Norway, for example, it was impossible to maintain subsistence and settlements without snowshoes (of the round and the ladder types) and skis. There were no differentiation in use according to gender but age, natural conditions like topography, dept of snow and social status played a role [19, p. 279].

The most impressive figure in the rock art in Alta is a man who stands on a pair of snowshoes that reveals clear construction details (Figure 1). The shoes are of the frame type. The two sides consist of concave formed long pieces of wood tied together at both ends. They are separated by two crossbars and create an open room that is wider at one end. The footrest is formed by braiding three horizontal and six strands, probably of hide between the two crossbars and sides. The wider end is towards the frontal part of the shoe and the narrower part is towards the back. The length-width ratio of the shoes was approximately two to one. This as a model for most, perhaps all snowshoes depicted in Alta. The shoes are principally similar to the historically known frame type with a pointed toe found east of Alaska and in the Bering Strait region in eastern Siberia [8, p. 70–78, figs. 29–32].

Another figure depicts a person walking westwards on snowshoes seen from the back. There are also four pairs of snowshoes, one in front of the other as prints from walking. The foot rests and sizes are slightly different as if fitting different sized persons. At two other panels a human figure stand broad legged on snowshoes with a bow and arrow, one apparently taking aim at a large moose (Figure 4) and another seem to connect with semi-oval figure with a pattern of vertical line pattern at the top. In addition there are a 13 snowshoes which form a line where the front of each shoe is connected to the back of the shoe in front, as if representing steps in north–south paths through a winter landscape. They connect with enclosures similar to those at other panels [13, 12]. Besides Alta, six bi-pointed snowshoe like figures have been discovered at Skogerveien in Drammen in southern Norway [9, plate XLVII].

The last set of figures are at Kanozero on the Kola Peninsula [20]. On the site Kameni one there is a row of three pairs of bi-pointed oval snowshoes. The sides are bridged by two and three crossbars which would have served as part of the foot rest. Adjacent there is a human figure with a harpoon like object in one hand: The person might be standing on a pair of skis. (Note the widened head/top of the “harpoon”/spear, as if a basket in a combined spear and skipole [20, p. 296–297]. In another composition, at Kameni seven a person appear to be walking on a pair of skis when

hunting a bear. The ski marks imply both sliding and walking. Walking uphill on short skis imply fur-lining, and longer marks on a slope imply down hill sliding, then walking sideways and taking off footwear before walking on foot and spearing a large bear [20, p. 168]. Again the problem is to distinguish skis from snowshoes. To leave separate marks from walking imply footwear that are shorter than the length of striding, such as snowshoes. The pairs of rounded marks along both sides of the tracks most likely represents spear and bow with basket. Poles with possible baskets are also depicted in a number of at other figures at Kameni 7 [20, p. 169], although not connected with walking on skis/snowshoes. At one of the scene at Kameni 7 at Kanozero such spears/poles are embedded in the back of reindeer as they try to escape [20, p. 62].

Summary and conclusions.

The petroglyphs (E.g. of animals, human/human like, boats, and tools) reflect flexibility and knowledge in handling seasonal landscapes, movements and resources. In some cases compositions such as the large hunting scene at New Zalavruga, might represent specific part of known seasonal landscapes[16, 10]. Of these, only skis and snowshoes represent the technology connected with moving in winter landscapes versus e.g. boats, which represent a technology associated with all seasons. One might argue that skis and/or snowshoes and sledges were a prerequisite for permanent settlement in regions where knee-deep snow covered the ground and lakes and rivers froze for longer periods of the year. Alternatively, to turn the argument, skis, snowshoes or sledges are as old as permanent settlements in winter landscapes where the snow is so deep that normal walking would be impossible for long periods of time.

From the data, finds, historic sources or linguistics related to skis and snowshoes, it is not possible to claim a single place of

Figure 4. Hunter on snowshoes. Ole Pedersen IB in Alta, Norway

origin [15, 7]. Judging from the quantity of data the origin of snowshoes and skis might be in northernmost Europe while the sledge runners point towards the wider Eurasian Arctic. Adding the controversy of the dates of in Chines Altay a ski-snowshoe combination might have been used as early in this region as in any other region where heavy snow covered the ground for a substantial period of the year [34]. In essence, no firm conclusion can be drawn as to origin. In Fennoscandia the earliest sledge-runner date are to fifth millennium cal. BC while no skis older than 3500 cal. BC are yet discovered. In essence, there is a period of approximately 4000 years from the earliest evidence of settlements in Fennoscandia to the earliest evidence of sledges and 5000 years to the oldest evidence of snowshoes and skis. Slightly further to the southeast in the Archangelsk district, 140 km from Lake Onega, the oldest skis yet discovered, dated to seventh millennium B.C indicate that skis were used several millennia before the snowshoes in northern Fennoscandia [6]. In essence, one might hope that new discoveries will increase our understanding of the age and development of walking and sliding on snow. What is firmly established is the use of oblong bi-pointed snowshoes and combined snowshoes-ski type in Fennoscandia at a much earlier data than hitherto documented, in the Late Mesolithic/Middle Holocene when the forest had their maximum distribution. That figures of the bi-pointed snowshoes are limited to northernmost Fennoscandia and the hybrid snowshoe/ski type to Karelia further south and east, might mean a real difference in distribution, but is an enigma that need further elucidation. The hybrid form conform to historic types used in the Siberian boreal forest and both types are likely to represent a technology which have existed for millennia, perhaps since the first people settled in the northern Areas.

References

1. Berg G. Förhistoriska skidor i Sverige. In På skidor, 142–169. Stockholm: Föreningen för skidlöpingens främjande i Sverige. Årsskrift. 1933.
2. Berg K. Ski I Norge. Oslo: Aventura forlag, 1993.
3. Birkely H. «I Norge har Lapperne først indført skierne». Idut forlag. 1994
4. Birket-Smith. The Caribou Eskimo. Report of the Fifth Thule Expedition 1921–1924. Vol. 5. Copenhagen, 1929.
5. Bush R. J. Reindeer, Dogs and Snowshoes: A journal of Siberian Travel. New York: Harper and Brothers, 1871. Publishers.
6. Burov G. M. Some Mesolithic Wooden Artifacts from the Site of Vis I in the European North East of the U.S.S.R . P. 391–401 in. C. Bonsall (ed.):

The Mesolithic of Europe. Volume VI. Edinburgh: John Donald Publishers LTD. 1989.

7. Cooper J. M. The Culture of the Northeastern Indian Hunters: a Reconstructive Interpretation. In F. Johnsen (ed), *Man in Northeastern North America*. Papers of the Robers S. Peabody Foundation for Archaeology 3, 272-305. Andover, Massachusetts. 1947.

8. Davidson Daniel S. *Snowshoes*. Memoirs of the American Philosophical Society. Vol. 37. Philadelphia. 1937.

9. Engelstad E. *Østnorske ristninger og malninger av den arktiske type*. Instituttet for Sammenlignende Kulturforskning. Oslo: Aschehaug & co. 1934.

10. Gjerde J. M. *Rock art and landscapes*. Studies of Stone Age rock art from northern Fennoscandia. PhD dissertation at the University of Tromsø, The Arctic University of Norway, July 2010.

11. Helskog K. *Communicating With the World of Beings*. Oxford: Oxbow Books. 2014.

12. Helskog K. Ancient depictions of reindeer enclosures and their environment. *Fennoscandia Archaeologica* 29: 29–54. 2012.

13. Helskog K. From the tyranny of the figures to the interrelationship between myths, rock art and their surfaces. In Blundell, G., Chippindale & Smith, B.: *Seeing and Knowing*. Understanding rock art with and without ethnography. P. 169–188. Johannesburg: Wits University Press. 2010.

14. Hoffman W.J. *The Menomini Indians*. Fourteenth annual report of the Bureau of Ethnology. 1892-1893. Washington: Smithsonian Institution. 1896.

15. Huntford R. *Two Planks and a Passion*. The dramatic history of skiing. London: Continuum. 2008.

16. Janik L., Roughley C. & Szczesna K. Skiing on rocks; The Experiential Art of Fisher-gatherer — hunters in Prehistoric Northern Russia. *Cambridge Archaeological Journal*. Vol. 17. no 3; 297-310. 2007.

17. Janik L. Development and periodization of the White Sea rock carvings. *Acta Archaeologica* 81 (1): 83-94. 2010.

18. Jordan P. Technology as Human Social Tradition. Cultural Transmission among Hunter-Gatherers. In series: *Origins of human behavior and culture* 7. University of California Press. Oakland, California. 2015.

19. Klepp A. *Ski og truger*. Bruk – form – framstilling. En undersøkelse I Leksvik. Magistergradsavhandling i etnologi. Universitetet I Oslo. Høsten 1976.

20. Kolpakov E. M. & V. Ya. Shumkin. *Rock Carving of Kanozero*. St.Petersburg: Art of Russia. 2012.

21. Levin M. G. . & Potapov L.P. The Peoples of Siberia. Chicago: The University of Chicago Press. 1964.
22. Lobanova N. V. Petroglyfi Oneskogo Ozera. Petrozavodsk – Moskva: Universitet Dmitri Pocharskogo. 2015.
23. Lobanova N. V. Petroglyphs in the Lower reaches of Vyg River: problems of chronology and periodization. Russian Archaeology, 4. (in Russian) 2015.
24. Murdock J. The Point Barrow Expedition. Ninth Annual Report of the Bureau of Ethnology 1887-88. Washington: The Smithsonian Institution. 1892.
25. Miklelsen E. Østnorske veideristninger — Kronologi og øko-kulturelt miljø. Viking 1977, bind XKL.
26. Nansen F. På ski over Grønland. Oslo: Aschehoug. 1928.
27. Naskali E. On Ancient Skis. P 295–306 In M. Hurre (ed) Dig it All. Papers dedicate to Ari Siirinen. Helsinki: Finnish Antiquarian Society. 1999.
28. Osyannikov O. V. On Old Russian Skis. Fennoscandia Archaeologica VI, 29–50. 1989.
29. Poikalainen V. & E. Ernits. Rock carvings of lake Onega. The Vodla Region. Tartu: Estonian Society of Prehistoric Art. 1998.
30. Salo. U. Die Elchkopfkufe von Noormarkku. Suomen Museo : 42–45. 1967.
31. Ravdonikas Yu. Nazkal'nye izobrazenia Oneskogo ozera I Belogo Morje. Moskva: Izdatel'tsvo Akademii Nauk SSSR. 1936.
32. Savvateyev Yu. Zalavruga. The Petroglyphs. Leningrad: Academy Nauka. 1970.
33. Savvateyev Yu. Rock pictures (petroglyphs) of the White Sea. Bolletino del Centro Camuno di Studi Preistorici, 16, 67–86. 1977.
34. Tacon P. S., Huiseng T. & Aubert M. Naturalistic Animals and Hand Stencils in the Rock Art of Xinjiang Uyghur Autonomous Region, Northwest China. Rock Art Research vol 33: 2016
35. Tornæi J. J. Beskrifning ofver Tornå och Kemi Lappmarker. Forfattad år 1672. Stockholm: Trykt och uplagd uti Kongl. Finska Boktryckeriet, hos Joh.Ary. Carlbohm. 1772.
36. Weinstock J. Skis and skiing from the Stone Age to the Birth of the Sport. Lewiston/New York: The Edwin Mellen Press. Ltd. 2003.
37. Zhulnikov A. M. Petroglyfi Karelii. Obrvaz mira i mira obrazov. Petrozavodsk: Karelski Gosodartsvenni Kraevedcheskii Musei. 2006.

УДК 903

Л. В. Голованова, В. Б. Дороничев

*Автономная некоммерческая организация «Лаборатория доистории», Санкт-Петербург, Россия***КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО НЕАНДЕРТАЛЬЦЕВ.
ЧТО ЗНАЕТ ОБ ЭТОМ НОМО SAPIENS В НАЧАЛЕ 21 ВЕКА?**

В 2007 г. в результате изучения митохондриального генома неандертальцев было доказано, что неандертальцы обладали даром речи. Наличие членораздельной речи позволило хранить и передавать знания из поколения в поколение. В настоящее время считается общепризнанным наличие культурных традиций в разных областях обширного региона, населенного неандертальцами, прослеживаются различные модели их адаптации в разных экологических нишах. Важной технологической новацией в среднем палеолите стало появление составных орудий. Знания о выборе нужного сырья, технологии изготовления и форме распространились не только на рабочую часть, но и на рукоять, составляя «мысленную модель» орудий. Генетические исследования подтверждают, что традиции поддерживались родственными группами неандертальцев. Появление традиций изготовления одежды, строительства жилищ и «одомашнивание» огня позволили им адаптироваться к холодному климату позднего плейстоцена. Эффективное использование территории, знание ресурсов региона, организация сезонных миграций — все это свидетельствует о сложной социальной организации. Традиционно исследователи, касаясь проблемы возникновения духовной культуры, обращают внимание на символическую деятельность. К этой проблеме также имеют отношение такие понятия, как эстетическое восприятие формы орудия, прото-дизайн и стилистические различия. В среднем палеолите у неандертальцев появляются намеренные погребения. Хотя специальные исследования отмечают отсутствие выработанных стереотипов в погребальных обрядах среднего палеолита, наличие определенных закономерностей свидетельствует о начале формирования обрядовой традиции.

Ключевые слова: неандертальцы, культура, традиция, общество, символизм, обряд, генетика.

L. V. Golovanova, V. B. Doronichev

*Autonomous non-profit organization Laboratory of Prehistory,
St. Petersburg, Russia***CULTURE AND SOCIETY OF NEANDERTHALS. WHAT DOES
HOMO SAPIENS OF THE EARLY 21ST CENTURY KNOW ABOUT
THESE?**

In 2007, a genetic study of the Neanderthal mtDNA has proven that Neanderthals could speak. The articulate speech enabled them to store and transmit

cultural knowledge from one to another generation. Currently, most scholars recognize specific cultural traditions in different areas of a large region settled by the Neanderthals, as well as different models of their adaptation to diverse ecological niches. An important Middle Paleolithic technological innovation was the emergence of composite tools, suggesting Neanderthals had «mental models» of tools produced and a developed abstract thinking. Recent genetic and other studies indicate that tool-making traditions were maintained by Neanderthal groups, which were small and mobile, and likely had patrilocal mating behavior. Other advances of Neanderthals such as the manufacture of clothing, construction of dwellings, and use of controlled fire were important to adapt to cold environments of the Last Glacial period. Evidences for an effective usage of the exploitation area, knowledge of the area's resources, and seasonal movements across the area suggest a developed social organization of Neanderthals. Traditionally, the origin of spiritual culture is linked to symbolic activities, as well as other relevant cognitive abilities such as aesthetic perception of a tool shape, initial design, and stylistic modeling. A deliberate burial practice appears in the Middle Paleolithic. Although studies suggest that funerary rites have not been developed in the funerary practice of the Middle Paleolithic, some regularity in Neanderthal burials suggests the initial formation of ritual traditions.

Key words: Neanderthals, culture, tradition, society, symbolism, ritual, genetics

Безусловно, одним из ведущих направлений научных исследований нашего учителя, профессора Абрама Давидовича Столяра, были «вопросы первобытной культуры и общества». Его «увлеченность работой» и «пытливая мысль» следовали новейшим исследованиям в этом направлении [1].

В 2007 г. в результате изучения митохондриального генома неандертальцев было сделано важнейшее открытие — обнаружен ген FOXP2, который называют “геном речи” [2]. Он является единственным известным геном, который отвечает у современных людей за способность к членораздельной речи и языку. Таким образом, впервые было найдено фактическое доказательство того, что неандертальцы обладали даром речи.

Наличие членораздельной речи позволило неандертальцам хранить и передавать из поколения в поколение знания об усложняющейся культуре. Новейшие результаты изучения культуры и общества неандертальцев среднего палеолита также показывают, что их материальная культура, включавшая технологии изготовления орудий, одежды и жилищ, позволила им хорошо адаптироваться к суровым природным условиям последнего ледникового периода в Евразии.

Важной технологической новацией в среднем палеолите стало появление разнообразных составных орудий, оснащенных каменными лезвиями копий, ножей и скребел [3, 4]. Знания о выборе нужного сырья, технологии изготовления, а также форме распространились не только на рабочую часть, но и на рукоять, составляя «мысленную модель» орудий. Применение современных методов анализа позволило определить использование рукояти и клеящих веществ на ряде памятников среднего палеолита (например, на микокских стоянках в Германии и др.). В среднем палеолите также появляются первые специализированные орудия, в том числе среди охотничьего вооружения [5].

В настоящее время считается общепризнанным наличие культурных традиций в среднем палеолите. В разных областях обширного региона, в котором обитали неандертальцы, прослеживаются различные модели адаптации к разнообразным экологическим нишам [6]. Традиции в использовании определенной технологии и изготовления характерных форм орудий прослеживаются в этих регионах на протяжении тысячелетий. Например, типичные для восточного микока листовидные бифасиальные наконечники, мелкие подтреугольные бифасы, бифасиальные скребла встречаются во всем регионе распространения данных индустрий — от Центральной Европы до Северного Кавказа и р. Волги. Традиций их изготовления насчитывает десятки тысяч лет. Новейшие генетические исследования подтверждают, что эти традиции поддерживались родственными группами неандертальцев.

Важнейшей частью материальной культуры неандертальцев стало изготовление одежды. В настоящее время на ряде европейских памятников были найдены и изучены костяные ложила — специализированные орудия для обработки шкур (например, на памятниках мустье ашельской традиции во Франции) [7]. Косвенным доказательством наличия одежды является появление платяных вшей в интервале от 220 до 70 тыс. л. н., по данным генетики. Появление традиций изготовления одежды, строительства жилищ и «одомашнивание» огня позволили неандертальцам адаптироваться к холодному климату позднего плейстоцена, который в большинстве регионов Евразии в отдельные периоды был холоднее современного. Существование кострищ известно на большинстве стоянок неандертальцев, на ряде памятников выявлены специально сооруженные очаги (например, грот Бизона, слой 3 Мезмайской и др.). Большинство стоянок неандертальцев обнаружено в пещерах по причине лучшей сохранности, чем стоян-

ки открытого типа, а также из-за сложности обнаружения последних. Наличие искусственных сооружений известно на ряде стоянок открытого типа, например стоянка Баранаха 4 на Кавказе, Молодова I в Украине [8] и др.

Сейчас установлено, что во многих регионах в определенный хронологический период существовали стоянки неандертальцев разной хозяйственной специализации. Например, на Северо-Западном Кавказе известны стоянки активного обитания, стоянки-мастерские, мастерские, временные стоянки, сезонные стоянки [9]. Наличие стоянок-мастерских свидетельствует о выделении членов социальной группы для добычи и транспортировки каменного сырья на десятки и даже сотни километров [10]. Эти данные указывают на сложную социальную организацию неандертальцев.

«Охотничья сфера антропогенеза» — один из любимых терминов Абрама Давидовича. В настоящее время выделяются специализированные охотничьи стоянки неандертальцев, на которых найден специфический набор орудий. В последнее время появились новые данные о специализации охотничьего оружия. На многих территориях выявлены стоянки, расположенные в разных ландшафтах, связанные с сезонной охотой. Эффективное использование территории, знание ресурсов региона, организация сезонных миграций — все это свидетельствует о сложной социальной организации, большом объеме знаний, передаваемом из поколения в поколение.

Генетические исследования установили, что долгосрочный эффективный популяционный размер у неандертальцев был меньшим, чем у *Homo sapiens*. Сравнение мтДНК «Мезмай 1» (Северный Кавказ) с известным фрагментом мтДНК классического европейского неандертальца из пещеры Фельдхофер в Германии показало, что «кавказская» мтДНК на 3,48% отличается от отрезка в 379 пар нуклеотидов, полученного из кости классического неандертальца. Эти различия столь невелики, что говорят о их родстве, несмотря на большое расстояние. По подсчетам генетиков, западноевропейский и кавказский неандертальцы имели общего предка около 150 тысяч лет назад. По данным генетики общий размер популяции неандертальцев не превышал 12000 особей, из них около 3000 женщин [11].

Уникальные данные о социальной организации неандертальцев, вероятно, основанной на патрилокальной модели общества, дали генетические исследования в пещере Эль Сидрон в Испании [12]. Изучение 12 особей неандертальцев из этой пещеры показало, что мужские особи были более близкими родственниками, чем женщины.

Усложнение социальной организации способствовало, по выражению Абрама Давидовича, «началу образования духовной сферы». Традиционно исследователи, касаясь данной проблемы, обращают внимание на символическую деятельность, древнейшие артефакты с насечками, знаками, неутилитарные предметы, кусочки охры, найденные на многих стоянках неандертальцев. К проблеме происхождения изобразительной деятельности имеют отношение также такие понятия, как эстетическое восприятие формы орудия, протодизайн и стилистические различия.

Именно в период среднего палеолита у неандертальцев появляются намеренные погребения. На территории нашей страны известно единственное погребение неандертальца в Мезмайской пещере (Северный Кавказ). Сейчас это не только самый молодой неандерталец (1–2 недели после рождения), но и наиболее полно и хорошо сохранившийся скелет неандертальцев любого возраста в мире. Поза погребенного на боку с согнутыми руками и подогнутыми ногами является наиболее распространенной в среднем палеолите так же, как и ориентировка головой на север, наличие углистой засыпки показательны именно для детских погребений [13]. Что касается погребального инвентаря, то он достаточно разнообразен в погребениях среднего палеолита (каменные орудия, рога животных, плоские гальки, предметы с насечками, охра и др.), однако часто взаимосвязь находок и погребения недостаточно ясна. Известны погребения с достоверным погребальным инвентарем и достоверно безинвентарные. Погребение Мезмай 1 относится к безинвентарным. Хотя специальные исследования подчеркивали отсутствие стереотипов в погребальных обрядах среднего палеолита, наличие определенных закономерностей свидетельствует о самом начале формирования обрядовой традиции.

Литература:

1. Формозов А. А. Триада жизнедеятельности А.Д. Столяра. // In Situ. К 85 летию профессора А. Д. Столяра. СПб.: Изд-во С-Петербургского ун-та, 2006. С. 4–9.
2. Krause J., Lalueza-Fox C., Orlando L., Enard W., Green R. E., Burbano H. A., Hublin J.-J., Hänni C., Fortea J., Rasilla de la M., Bertranpetit J., Rosas A., Pääbo S. The derived FOXP2 variant of modern humans was shared with Neandertals. // Current Biology. 2007. Vol. 17(21). P. 1908–1912.
3. Pawlik A. F., Thissen J. P. Hafted armatures and multi-component tool design at the Micoquian site of Inden-Altendorf, Germany // Journal of Archaeological Science. 2011. Vol. 38. P. 1699–1708.

4. Rots V. The functional analysis of the Mousterian and Micoquian assemblages of Sesselfelsgrötte, Germany: aspects of tool use and hafting in the European Late Middle Palaeolithic // *Quartär*. 2009. Vol. 56. P. 37–66.
5. Golovanova L. V., Poplevko G. N., Cleghorn N. E., Doronichev V. B. On the Mousterian origin of bone-tipped projectile technology: archaeological, microscopic and faunal evidence from Mezmaiskaya Cave, Russia // *Journal of Anthropological Archaeology*. In press.
6. Голованова Л. В., Дороничев В. Б. Экологические ниши и модели адаптации в среднем палеолите Кавказа // *Материалы и исследования по археологии Кубани*. 2005. № 5. С. 3–72.
7. Soressi M., McPherron, S. P., Lenoir M., Dogandzic T., Goldberg P., Jacobs Z., Maigrot Y., Martisius N.L., Miller C.E., Rendu W., Richards M., Skinner M. M., Steele T. E., Talamo S., Texier J.P. Neandertals made the first specialized bone tools in Europe // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2013. Vol. 110(35). P. 4186–4190.
8. Demay L., Péan S., Patou-Mathis M. Mammoths used as food and building resources by Neanderthals: Zooarchaeological study applied to layer 4, Molodova I (Ukraine) // *Quaternary International*. 2012. Vol. 276–277. P. 212–226.
9. Golovanova L. V. Neandertales des Caucase du Nord: entre ouest et est. // *L'Anthropologie (Paris)*. 2015. Vol. 119. P. 254–301.
10. Doronicheva E. V., Kulkova M. A., Shackley M. S. Raw Material Exploitation, Transport, and Mobility in the Northern Caucasus Eastern Micoquian // *PaleoAnthropology*. 2016. P. 1–45.
11. Briggs A. W., Good J. M., Green R. E., Krause J., Maricic T., Stenzel U., Lalueza-Fox C., Rudan P., Brajković D., Kučan Z., Gušić I., Schmitz R., Doronichev V., Golovanova L.V., de la Rasilla M., Fordea J., Rosas A., Pääbo S. Targeted Retrieval and Analysis of Five Neandertal tDNA Genomes // *Science*. 2009. Vol. 325. P. 318–321.
12. Lalueza-Fox C., Rosas A., Estalrich A., Giglia E., Campos P. F., García-Taberner A., García-Vargas S., Sánchez-Quinto F., Ramírez O., Civit S., Bastir M., Huguete R., Santamaría D., M. T. P. Gilbert, Willerslev E., de la Rasilla M. Genetic evidence for patrilineal mating behavior among Neandertal groups // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2011. Vol. 108. P. 1250–1253.
13. Смирнов Ю. А. Мустьерские погребения Евразии. М.: Наука. 1991. С. 340.

УДК 903

А. В. Голованова, В. Б. Дороничев

*Автономная некоммерческая организация «Лаборатория доистории», Санкт-Петербург, Россия***ВЛИЯНИЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ НА ЧЕЛОВЕКА И ЕГО КУЛЬТУРУ В СРЕДНЕМ И ПОЗДНЕМ ПЛЕЙСТОЦЕНЕ КАВКАЗА**

*В среднем и позднем плейстоцене Кавказа фиксируется несколько крупных периодов экологического стресса, которые вызывали значительные перестройки природных биосистем и оказывали существенное влияние на развитие культуры человека. На Кавказе самым ранним памятником среднего плейстоцена является нижний слой Треугольной пещеры. Индустрии этой стоянки (от 600 до 350 тыс. л. н.) относятся к пре-мустье-скому комплексу, который завершает развитие “олдованской” традиции обработки камня. Ашельская технология рубил появляется на Южном Кавказе во второй половине среднего плейстоцена, в позднем ашеле (350–200 тыс. л. н.). На Северо-Западном Кавказе нескольких памятников отнесены к финальному ашелю и датированы концом среднего плейстоцена, около 200–150 тыс. л. н. Конец раннего палеолита на Кавказе приходится на стадию 6 (190–130 тыс. л. н.) — один из наиболее холодных периодов среднего плейстоцена. Современный уровень знаний о палеогеографических условиях в эпоху среднего палеолита на Кавказе позволяет выделить два экологических стресса: максимум раннего оледенения до стадияла Heinrich 6 и стадияла Heinrich 5. После похолодания Heinrich 4 на Кавказе появляются индустрии раннего верхнего палеолита (40–35 тыс. л. н.), которые связаны с *Homo sapiens* и имеют аналогии в Леванте. Палеоклиматические события максимума последнего оледенения оказали огромное воздействие на культуру эпипалеолита Кавказа, для которой характерны многочисленные новации в технологии.*

Ключевые слова: Кавказ, плейстоцен, палеолит, стадиял, новация, технология, перезаселение.

L. V. Golovanova, V. B. Doronichev

*Autonomous non-profit organization Laboratory of Prehistory,
St. Petersburg, Russia***IMPACT OF ENVIRONMENT ON MAN AND HIS CULTURE IN THE MIDDLE AND LATE PLEISTOCENE IN CAUCASUS**

During the Middle and Late Pleistocene in the Caucasus, there were several major periods of environmental stress, which caused a significant restructuring of natural biological systems and had a significant impact on the development of culture of ancient people. In Caucasus, the earliest Middle Pleistocene site

is known in the lowest layer at Treugolnaya Cave. In the site, lithic assemblages dated from 600 to 350 ka are assigned to the Pre-Mousterian complex, which finishes the development of «Oldowan» tradition of stone working. The Acheulean handaxe technology appears in the Southern Caucasus only in the second half of Middle Pleistocene, during the Late Acheulean (350–200 ka). In the Northwestern Caucasus, assemblages from several localities dating to the late Middle Pleistocene (ca. 200–150 ka) are assigned to the Final Acheulean. The end of Lower Paleolithic in Caucasus falls to a cold OIS 6 (190–130 ka) — one of the coldest periods during the Middle Pleistocene of Eurasia. Current knowledge about paleogeographic conditions during the Middle Paleolithic in Caucasus suggests at least two periods of environmental stress: Early Glacial through stadial Heinrich 5 and stadial Heinrich 6. After a cooling of Heinrich 4, the Early Upper Paleolithic industry (dating ca. 40–35 ka) associated with Homo sapiens appears in the Caucasus. The Caucasian Early Upper Paleolithic industry represents a fully developed cultural tradition that has analogies in the Early Upper Paleolithic in the Levant. A climatic stress of the Last Glacial Maximum had a strong impact on the development of Upper Paleolithic culture in Caucasus. After the Last Glacial Maximum, the Epipaleolithic culture shows numerous innovations in technology in the Caucasus.

Key words: Caucasus, Pleistocene, Paleolithic, stadial, innovation, technology, resettlement

«Атака Кубани» — так обозначил в своей статье Абрам Давидович период своей работы на Кавказе [1], а точнее — в Адыгее, долине р. Белая, рядом с пос. Каменномоетским. Следуя по стопам наших учителей, мы уже более 30 лет занимаемся изучением каменного века Кубани и надеемся, что вслед за первооткрывателями нам удалось продвинуться в познании «человеческой биографии» [2].

1. Важным результатом междисциплинарного изучения многослойных стратифицированных памятников стало понимание значения динамики палеоклимата для заселения различных регионов Кавказа, эволюции индустрий, миграций или замещения населения. Данные, которых все больше накапливает наука, свидетельствуют о том, что на развитие культуры древнего человека в среднем и позднем плейстоцене существенное влияние оказывали экологические стрессы, во время которых происходили значительные перестройки природных биосистем, выражавшиеся в сокращениях ареалов или даже полном исчезновении некоторых видов животных и растений. На протяжении среднего и позднего плейстоцена, сейчас фиксируется несколько крупных периодов экологического стресса, после которых выявлены изменения в индустриях.

2. Огромная временная лакуна протяженностью более одного миллиона лет отделяет олдованскую стоянку Дманиси (ок. 1.8 млн. л. н.) в Грузии от более поздних достоверных стоянок человека на Кавказе. Они появляются в начале среднего плейстоцена, после донского оледенения (кислородно-изотопная стадия (КИС) 16), на протяжении которого Европейский ледниковый щит достиг максимального в плейстоцене развития. Самым ранним памятником среднего плейстоцена является нижний слой (ок. 600 тыс. л. н.) Треугольной пещеры [3]. Индустрии этой стоянки (КИС 15 — КИС 10, ок. 600–350 тыс. л. н.) относятся к пре-мустьерскому техно-комплексу, который характеризует ранний палеолит Центральной и Восточной Европы. Пре-мустьерский комплекс завершает развитие «олдованской» традиции обработки камня и создания орудий на гальках и отщепках, принесенной в Евразию вместе с первой волной расселения людей из Африки. В среднем плейстоцене ареал этой традиции сокращался по мере экспансии ашельских индустрий из Африки в Западную Азию и Западную Европу.

3. Ашельские индустрии Кавказа датируются от 350 до 200–150 тыс. лет назад (КИС 10 — КИС 7). Обобщенные биостратиграфические и радиометрические данные по хронологии стоянок раннего палеолита Кавказа показывают, что технология рубил появляется на Южном Кавказе только во второй половине среднего плейстоцена, в период позднего ашеля. Самые ранние индустрии с рубилами имеют возраст около 360–330 тыс. л. н. в пещере Азык, слой VI в Азербайджане и около 330–250 тыс. л. н. в пещере Кударо 1 в Южной Осетии. Конец верхнего ашеля в культурной стратиграфии пещер Кударо 1, Кударо 3 и Цона фиксируется около 200 тыс. л.н. Почти все специалисты сейчас едины во мнении, что абсолютное большинство подъемных ашельских материалов с местонахождений Малого Кавказа и южного склона Большого Кавказа типологически могут быть отнесены к верхнему или финальному ашелю. Определение возраста обсидианового сырья, из которого изготовлены многие ашельские рубила на Малом Кавказе, подтверждает, что ашельские гоминиды использовали обсидиановые лавы, возраст которых составляет, по разным оценкам, 500–300 или 300–200 тыс. лет. Это подтверждает и единственный датированный памятник верхнего ашеля на Малом Кавказе — Нор Гехи-1 (ок. 330 тыс. л. н.) в Армении. Наиболее древние находки рубил вдоль черноморского побережья Кавказа (Яштух в Абхазии) связаны с V-й морской террасой, ок. 360–330 тыс. л. н. На каспийском побережье

Кавказа, самая древняя находка рубила (на стоянке Дарвагчай 1 в Дагестане) имеет возраст не древнее 500 тыс. л. н. На Северо-Западном Кавказе материалы нескольких местонахождений и открытой стоянки Средний Хаджох со слоем *in situ* отнесены к финальному ашелю и датируются около 200–150 тыс. л. н. Тот же возраст имеют находки ашельских рубил в окрестностях г. Туапсе.

Данные по хронологии свидетельствуют, что появление и развитие ашельского техно-комплекса на Кавказе относится ко времени между окским оледенением (КИС 14 — КИС 12, ок. 500–450 тыс. л. н.) и днепровским оледенением (КИС 6, ок. 200–140 тыс. л. н.). В целом, имеющиеся данные позволяют сделать вывод, что конец раннего палеолита в данном регионе совпадает с днепровским оледенением — одним из наиболее холодных периодов в средне-плейстоценовой истории Европы.

4. Следующая кислородная стадия (КИС 5, 130–75 тыс. л. н.) начинается теплым микулинским межледниковьем в Восточной Европе. В этот период на Кавказе появляются индустрии среднего палеолита. Они существуют на протяжении КИС 4 и КИС 3, до времени около 40 тыс. л. н. Современный уровень знаний о палеогеографических условиях в эпоху среднего палеолита на Кавказе позволяет говорить о наличии двух периодов экологического стресса, первый из которых соответствует КИС 4 и стадиялу Heinrich 6, а второй — стадиялу Heinrich 5. На ряде памятников выявлены изменения в индустриях, которые происходят после этих климатических стрессов.

На Северном Кавказе можно говорить о трех этапах существования микокских памятников. Первый этап соответствует интервалу от конца КИС 5 — начала КИС 4 (70 тыс. л. н. и древнее) и заканчивается стадиялом Heinrich 6 (ок. 60 тыс. л. н.). Второй этап соответствует интервалу (ок. 60–45 тыс. л. н.) от конца Heinrich 6 до стадияла Heinrich 5, который соответствует межстадиялам Oerel и Glinde. Третий этап (ок. 45–40 тыс. л. н.) приходится на межстадиал Hengelo и заканчивается похолоданием Heinrich 4. В развитии индустрий восточноевропейского микока на Северо-Западном Кавказе достаточно четко выявляется тенденция развития от ранних к поздним памятникам. Более ранние памятники отличаются большим процентом бифасиальных орудий и большим их разнообразием. Также отмечено развитие техники пластинчатого расщепления, что выражается в увеличении индекса пластинчатых заготовок и количества орудий на пластинах в поздних комплексах. Обе тенденции проявляются особенно резко после стадияла Heinrich 5 [4].

На Южном Кавказе леваллуа-мустьерская индустрия кударо-джручульского типа близкая мустье типа Табун-D в Леванте датируется КИС 5 в пещерах Кударо 1, Кударо 3, Цона и Джручула. После климатического стресса во время КИС 4 (75–70 тыс. л. н.), в слоях 3 а-с в Кударо 1 и слоях 3 а-е в Кударо 3 зафиксировано ухудшение климатических условий. В Кударо 3 мустье кударо-джручульского типа сменяется цхинвальским леваллуа-мустье, которое развивается на протяжении КИС 3. Это хорошо согласуется с принятой сейчас хронологией близкого ему варианта мустье типа Табун-B в Леванте.

Изучение естественных факторов, которые влияли на ухудшение природных условий, позволяет предполагать, что именно такое глобальное событие, как крупнейшее (за всю историю неандертальцев в Евразии) вулканическое извержение в начале похолодания Heinrich 4 разрушило экологическую нишу неандертальцев и привело к их окончательному исчезновению, в том числе на Кавказе.

5. После стадиала Heinrich 4 на Кавказе появляются индустрии раннего верхнего палеолита (РВП), которые ассоциируются с *Homo sapiens*. РВП на Кавказе появляется в интервале от 40 до 35 тыс. л. н. как полностью сформировавшаяся, высокоразвитая культурная традиция, с преобладанием микро-пластинчатого компонента. Все исследователи РВП Кавказа отмечают его вероятные левантийские корни и сближают с ахмариеном — индустрией РВП Леванта [5].

6. В эпоху верхнего палеолита максимум последнего оледенения (МПО) был глобальным экологическим кризисом, который оказал влияние на популяции сапиенсов во многих регионах Евразии. МПО на Кавказе был связан с перестройкой всех экосистем в результате масштабного роста горных ледников. После МПО в эпипалеолите (17–11 тыс. л. н.) происходит расцвет имеретинской культуры, памятники которой распространяются от Западной Грузии до Северо-Западного Кавказа. Палеоклиматические события МПО оказали огромное воздействие на формирование культуры эпипалеолита Кавказа, которую характеризуют многочисленные новации в технологии обработки камня и кости [6].

7. В настоящее время можно говорить, что крупные экологические стрессы в среднем и позднем плейстоцене оказали существенное влияние на разные регионы Кавказа. Экологические ниши древнего населения могли существенно изменяться, что в свою очередь приводило к уходу людей и затем новому заселению территорий, а также способствовало появлению новаций или замещению культур.

Литература:

1. Столяр А. Д. Светлой памяти друга — Александра Александровича Формозова // Человек и древности. Памяти Александра Александровича Формозова. М., 2010. С. 4–9.
2. Столяр А. Д. Основные вехи биографической тропы. // In Situ. К 85-летию профессора А. Д. Столяра. СПб.: Изд-во С-Петербургского ун-та, 2010. С. 585–604.
3. Дороничев В. Б. и др. Треугольная пещера. Ранний палеолит Кавказа и Восточной Европы. СПб., 2007. 270 с.
4. Golovanova L. V. Neandertales des Caucase du Nord : entre ouest et est // L'Anthropologie (Paris). 119 (2015). P. 254–301.
5. Golovanova L. V., Doronichev V. B. The Early Upper Paleolithic of the Caucasus in the West Eurasian Context // M. Otte, S. Shidrang & D. Flas (eds.), L'Aurignacien de la grotte Yafteh et son contexte (fouilles 2005–2008). The Aurignacian of Yafteh cave and its context (2005–2008 excavations). Liege, ERAUL. Vol. 132. P. 137–160.
6. Golovanova L. V., Doronichev V. B., Cleghorn N. E., Sapelko T. V., Kulkova M. A., and Spasovskiy Yu. N. The Epipaleolithic of the Caucasus after the Last Glacial Maximum // Quaternary International. 2014. Vol. 337. P. 189–224.

УДК 903, УДК 902/904, УДК 902.01

Е. В. Дороничева, А. Г. Недомолкин, А. А. Мурый

Автономная некоммерческая организация «Лаборатория доистории», Санкт-Петербург, Россия

Национальный музей Республики Адыгея, Майкоп, Россия

Институт геоэкологии им. Е.М. Сергеева РАН, Москва, Россия

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ СТОЯНОК ПАЛЕОЛИТА В РЕСПУБЛИКЕ АДЫГЕЯ, СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ

В статье сообщаются предварительные результаты разведочных работ 2007–2014 годов в долине р. Средний Хаджох у поселка Каменноостровский (Республика Адыгея, Северо-Западный Кавказ), в результате которых было открыто два новых стратифицированных памятника среднего палеолита — стоянки-мастерские открытого типа на месторождении сырья Хаджох–2 и Хаджох–3. В данной работе приводится подробное описание стоянки Хаджох–3. Шаханское месторождение кремня, на котором расположены стоянки-мастерские Хаджох–2 и Хаджох–3, было важным источником сырья для пещерных стоянок неандертальцев этого региона. Изуче-

ние стоянок-мастерских дает много информации о технологии расщепления камня, функциональной вариабельности стоянок, мобильности и сырьевых адаптациях неандертальцев.

Ключевые слова. Северо-Западный Кавказ, средний палеолит, стоянки-мастерские, Хаджох-3

E.V. Doronicheva, A.G. Nedomolkin, A.A. Muriy

*Autonomous non-profit organization Laboratory of Prehistory,
St. Petersburg, Russia*

National Museum of the Republic of Adygeya Maykop, Russia

E. Sergeev Institute of Geoecology, Moscow, Russia

NEW DISCOVERIES OF PALEOLITHIC SITES IN THE ADYGEYA REPUBLIC, NORTH-WESTERN CAUCASUS

The authors report preliminary results of 2007–2014 surveys in the Sredniy Hadyzh river valley near town of Kamennomostsky (Adygea Republic, North-Western Caucasus), as a result of which two new stratified Middle Paleolithic sites — open-air camp-workshops of Hadyzh-2 and Hadyzh-3 located on a raw material source — have been discovered. This paper provides a detailed description of the Hadyzh-3 site. The Shaban flint source, on which the camp-workshops are located, was served as an important source of raw materials for the Neanderthal cave sites in the region. The study of camp-workshops provides a lot of information about a stone knapping technology, functional variability of sites, mobility and raw-material adaptations of Neanderthals.

Key words. North-Western Caucasus, Middle Palaeolithic, camp-workshops, Hadyzh-3

Археология Северо-Западного Кавказа, в особенности горной Адыгеи, всегда была одной из любимых тем в исследованиях А. Д. Столяра [1, 2, 3]. Его работы у пос. Каменномостский на энеолитическом поселении Мешоко были знаковыми в отечественной археологии конца 1950–1960-х годов. В 2009 г. увидела свет книга «Мешоко-древнейшая крепость Предкавказья. Отчеты Северокавказской археологической экспедиции 1958–1965 гг.», подготовке которой Абрам Давидович отдал много сил в последние годы своей жизни. По следам первопроходцев, к которым можно отнести А. Д. Столяра, археологические исследования продолжаются в этом регионе [4, 5, 6].

В результате разведочных работ 2007–2014 гг. у поселка Каменномостский было открыто два новых стратифицированных памятника — стоянки открытого типа на месторождении сырья Хаджох-2 и Хаджох-3.

Основное внимание с 2008 г. сосредоточено на исследовании стоянки Хаджох–2 [6, 7]. Согласно данным предварительного анализа, все культурные слои: 7, 6, 4С и 4А относятся к разным периодам эпохи среднего палеолита, каменные индустрии имеют аналогии в местной микокской традиции. Слои 7, 6 и 4А, вероятно, в первую очередь являются остатками стоянок-мастерских, на которых делались орудия из местного высококачественного сырья. Слой 4С, возможно, является остатками стоянки, где происходило не только изготовление орудий, но и разделка охотничьей добычи (бизон).

В данной работе авторам хотелось бы подробнее остановиться на описании нового памятника в долине р. Средний Хаджох — стоянке Хаджох–3. Стоянка Хаджох–3 была открыта отрядом под руководством Е.В. Дороницовой в 2014 г. и изучена пока только предварительно. Стоянка расположена примерно в 5 км по прямой к северо-востоку от центра поселка Каменноостский Майкопского района Республики Адыгея, на правом берегу небольшого правобережного притока р. Белой — р. Средний Хаджох. Хаджох–3 находится на расстоянии около 340–350 м к Западу — Северо-западу от стоянки Хаджох–2 и около 750–760 м к Востоку от Среднехаджохской стоянки (по карте). Координаты стоянки: 44°18'48.84» с.ш., 40°14'15.06» в. д. или, если в десятичных градусах, то 44.3136° с.ш., 40.2375° в. д. Абсолютная высота — 514 м., относительная над руслом реки Средний Хаджох — 49–50 м. Геоморфологические исследования (А.М.) показали, что так же, как и стоянка Хаджох–2, стоянка Хаджох–3, видимо, располагается на позднехаджохском геоморфологическом уровне (Х2б).

Подъемные материалы на стоянке Хаджох–3 были собраны на высокой террасе, которую прорезали лесные дороги, проложенные для лесозаготовительных работ. Предварительно площадь распространения материала на стоянке Хаджох–3 — около 150 м². На стоянке было заложено три зачистки, которые позволили выделить культурные отложения мощностью ок. 2 м.

Проведенные исследования показали, что основная концентрация находок связана с рыже-коричневатой супесью, с многочисленными включениями галек и глыб известняка (слой 4 — зачистка 1, слой 3 зачистка 2, слой 5 — зачистка 3). Наиболее разрушенный участок стоянки связан с зачисткой №2. Здесь верхние гумусированные слои и песок срезаны грунтовой дорогой. На зачистке 3 представлен наиболее полный разрез отложений. В верхних слоях 1–3 содержатся единичные переотложенные артефакты. В слое 5 — материалы эпохи среднего палеолита. Слой 6 (слой 5 на зачистке 1) — серо-зеленый

глауконитовый песок, вероятно, третичного времени. Он образует цоколь плейстоценовой террасы. Археологически стерилен.

Коллекция стоянки Хаджох-3 состоит из 158 артефактов. Сохранность материалов хорошая. 11 предметов происходят из зачисток: 6 из зачистки № 1 и 5 — из зачистки № 3, остальные — из разрушенного участка стоянки (осыпи). За исключением одного отщепы из лимонита, все изделия сделаны из местного шаханского кремня (КР-9/10), на выходах которого находится стоянка.

Нуклеусы (13 экз.) представлены преимущественно односторонними одноплощадочными формами. Есть пять пробных нуклеусов (три происходят из зачистки № 1). Выделены также двухсторонние и многоплощадочные нуклеусы. Размеры нуклеусов, в основном, средние (4–6 см). Пробные нуклеусы имеют большие размеры (10–20 см). Площадки оформлялись, в основном, одним сколом, редко — 2–3 крупными снятиями. Расщепление производилось в слабо-выпуклых плоскостях.

Основную часть коллекции составляют сколы (139 экз.). На сколах преобладает (65%) однонаправленная огранка. Также выделена продольно-поперечная (ортогональная) и встречная огранка. Есть пластинчатые сколы (11 экз.). Среди ударных площадок сколов абсолютно доминируют гладкие ударные площадки (56%). Также отмечены точечные, двухгранные, ретушированные и корочные ударные площадки. Технические сколы представлены 3 предметами. Все технические сколы являются сколами подправки ударной площадки нуклеуса.

В коллекции стоянки Хаджох-3 выделено 5 орудий, среди которых отмечены продольное и два диагональных скребла, одно поперечное скребло (рис. 1 — 1, 2) и незавершенное бифасиальное скребло (рис. 1 — 3).

Отмеченные черты материалов стоянки Хаджох-3 позволяют предварительно датировать их эпохой среднего палеолита. Преобладание в коллекции отходов расщепления (97% коллекции), среди которых много нуклеусов, в т.ч. есть пробные нуклеусы, сколов с коркой и единичные орудия, дают основание охарактеризовать эту стоянку как стоянку-мастерскую открытого типа, расположенную на месторождении кремня.

Шаханское месторождение кремня, на котором расположены стоянки Хаджох-2 и Хаджох-3, было важным источником сырья, своеобразной «кремненосной провинцией», откуда кремень транспортировался неандертальцами на базовые стоянки региона. При

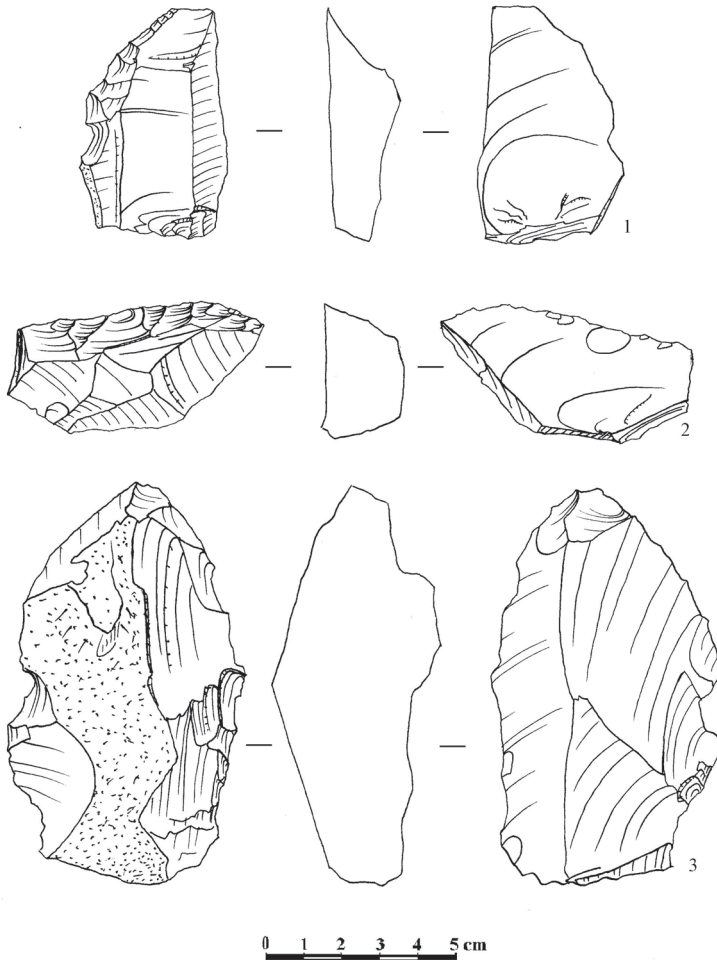

Рис. 1. Стоянка Хаджох-3. 2014 г. Осыть. 1 — Диагональное скребло. 2 — Поперечное скребло. 3 — Незавершенное бифасиальное орудие

изучении стоянок-мастерских мы получаем много новой информации о технологии расщепления, вариантах организации разных типов стоянок, мобильности и адаптациях неандертальцев.

Литература:

1. Столяр А. Д. Энеолитическое поселение Мешоко и проблема двух культур кубанского энеолита // Тезисы докладов научной сессии, по-

священной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1963 г. А., 1964. С. 31–32.

2. Столяр А. Д. Мешоко — древнейшая энеолитическая крепость Предкавказья // Невский археолого-историографический сборник. СПб., 2004. С. 315–333.

3. Столяр А. Д., Формозов А. А. Отчеты Северокавказской экспедиции Государственного Эрмитажа 1958–1965 гг. Мешоко — Древнейшая крепость Предкавказья / Ред. А. Д. Столяр, С. М. Осташинский, Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2009. 249 с.

4. Аутлев П. Ул. Абадзехская нижнепалеолитическая стоянка // Майкоп. 1963. 224 с.

5. Голованова Л. В. Ашельские памятники Северного Кавказа. Автореферат дис. на соиск.уч. ст. к. и. н. А., 1986. 26 с.

6. Дороничева Е. В. и др. Новые данные о функциональной вариабельности среднепалеолитических стоянок на Северо-Западном Кавказе. Стоянка-мастерская Хаджох-2 // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2014 г. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 395–406.

7. Doronicheva E. V., Kulkova M. A., Shackley M. S. Raw material exploitation, transport and mobility in the Northern Caucasus Eastern Micoquian // PaleoAnthropology. 2016. P. 1–45.

УДК 902/904

А. В. Жук

Омский Государственный университет

НА ПОРОГЕ НАУКИ.

ЛЕНИНГРАД И АРХЕОЛОГИЯ ПЕРЕД ЮНЫМ А. Д. СТОЛЯРОМ

Биографические факты из детства и юности А. Д. Столяра способствуют созданию наиболее полной картины становления ученого. Знакомство А. Д. Столяра с музеями: Русский Музей, Эрмитаж и др., обучение на историческом факультете ЛГУ, приобретение экспедиционного опыта под руководством В. И. Равдоникаса — все это, несомненно, оказало влияние на А. Д. Столяра. Тесная связь с историей и археологией в ранние годы проявилась в дальнейшем.

Ключевые слова: А. Д. Столяр, артель, «детская археология», экспедиция, камералка.

A. V. Zhuk

Omsk State University

**ON THE THRESHOLD OF SCIENCE.
LENINGRAD AND ARCHEOLOGY BEFORE YOUNG A. D. STOLJAR**

Biographical facts from childhood and adolescence of A. D. Stoljar contribute to the creation of the most complete picture of scientist's formation. Acquaintance of the A. D. Stoljar with museums: the Russian Museum, the Hermitage, etc., teaching at the Faculty of History of Leningrad State University and the obtainment of expedition experience under the leadership of V. I. Ravdonikas undoubtedly influenced A. D. Stoljar. A close connection with history and archeology in the early years was developed in the future.

Key words: A. D. Stoljar, artel, «children's archeology», expedition, chamber.

Для начала — о самом главном по жизни: о том, что формирует детские мечты, взрослые характеры, иногда судьбы и, в конечном счете, мировосприятие, жизненную позицию людей вообще и отечественных археологов в частности — о социальном происхождении А. Д. Столяра. В этом отношении Абрам Давидович был из довольно колоритной части советского общества — из артельных; и даже более того — из артельных евреев.

Родился А. Д. Столяр 10 мая 1921 г. в Мелитополе от отца легендарной биографии: часовщик высшей категории и ювелир, прошедший двухлетнюю выучку в Швейцарии; читал с трудом, но древнееврейский и основную обрядность знал; семья малая: отец, мать его, жена его и сын его. Из Мелитополя семья переехала в Кисловодск, а уже оттуда, в начале 1932 г. — в Ленинград. Здесь Давид Столяр определился в мастерскую «Коопчас» по 7-й линии Васильевского острова, напротив которой, в 6-й линии, и поселился.

Чем же была в нашей тогдашней жизни артель? В масштабах страны — это около ста тысяч предприятий, на которых трудилось около 2 млн. человек; артели давали до 6 % валовой продукции промышленности, в том числе — 40 % мебели, 70 % металлической посуды, более трети трикотажа, практически все игрушки; тогдашний артельный мир СССР — это около сотни конструкторских бюро, два десятка экспериментальных лабораторий, два научно-исследовательских института и собственная, негосударственная пенсионная система. В масштабах Ленинграда — это тоже много чего интересного, но отмечу здесь лишь профильные для Давида Столяра направления: именно

ленинградские артельщики запустили в производство первые советские ламповые радиоприемники (1930 г.), первые советские радиолы (1935 г.), первые советские телевизоры с электронно-лучевой трубкой (1939 г.). Лично же Давид Столяр, как коопчасник, занимался, в числе прочего, юстировкой хронометров Балтийского флота.

Здесь уместно задаться вопросом — А что же есть наша артель вообще, по природе своей? Обратившись к такому испытанному источнику, как «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, узнаём, что артель — это товарищество за круговую порукой; братство, где — все за одного, один за всех; дружина, соглас, общество; братство для общего хозяйства и особенно пищи, для работы сообща и раздела заработков; ватага, арава, шайка; толпа, скоп, куча народа; семья — всё, что садится за один стол. Соответственно, атаманом артель крепка, артелью городá берут; ну и, разумеется — артель расходчика кормит. Есть у Владимира Ивановича насчет этого понятия и такое многозначительное присловье: зимою волкú артёля-ми рыщут...

Не знаю, насколько справедливо будет утверждать, что и сообщество археологов Абрам Давидович в дальнейшем, уже как человек с богатым опытом, воспринимал по жизни, прежде всего и более всего, как артель. Пусть люди, близко знавшие А. Д. Столяра, поддержат или опровергнут это предположение; лично у меня, читая труды Абрама Давидовича и общаясь с его учениками, осталось впечатление, что — воспринимал.

Далее, А. Д. Столяр — типичный представитель той части наших коллег, кто пришел в науку из детской археологии и, ко времени поступления в университет, уже имел как учителей из числа археологов первой величины, так и вполне приличный полевой стаж.

За 1932–1938-й гг. А. Д. Столяр сменил три школы Василеостровского района. Посреди учебного года, в начале 1932-го, он пришел в 4-й класс 7-й фабрично-заводской десятилетки (7-я линия ВО, д. 52 — второй дом по 7-й линии за Средним проспектом). В 1936 г. А. Д. Столяр перемещается в 17-ю полную среднюю школу (14-я линия ВО, д. 39) — это легендарное в нашей истории реальное училище на степени гимназии К. И. Мая. Впрочем, эта смена оказалась недолгой: в сентябре 1937 г. в здании школы № 17 была размещена 6-я артиллерийская спецшкола, и 10-й класс А. Д. Столяра пришелся на 1-ю образцовую полную среднюю школу (22-я линия ВО, д. 7; сейчас здесь располагается юридический факультет Санкт-Петербургского университета).

Детский мир Ленинграда 1930-х гг. трогательно, хотя и вычурно аттестовал впоследствии сам Абрам Давидович: он пишет, в частности, что его, малóго провинциала, сразу же сразили необычайные просторы занятий в очень пестром букете кружков. И можно не сомневаться, что нáбольшим обаянием, нáбольшей притягательною силой для юного А. Д. Столяра обладал в то время Эрмитаж; тем более, что детскою наукой здесь занимались специально. Эрмитаж не только ориентировал детей в мире высокого и древнего искусства, давал навыки экспозиционной работы, общения с публикой — Эрмитаж просто позволял взять в руки замечательные древности, что уже одно могло перевернуть душу впечатлительного отрока и необратимо поставить его на путь археолога.

И, видимо, не случайно в Эрмитаже с детьми работали, прежде всего и более всего, дамы; так что в мемуарах А. Д. Столяра музей предстает как преимущественно бабье царство под началом деда — И. А. Орбели. На самом деле, Иосиф Абгарович был еще не стар, рождения всего лишь 1887 г.; однако, в глазах А. Д. Столяра этот, будто сошедший со страниц Ветхого Завета директор и академик, был, пожалуй, самым настоящим дедом. Тот же П. П. Ефименко был тремя годами старше И. А. Орбели; однако, дедом Петра Петровича А. Д. Столяр не называет. Проще говоря, дед — это не возраст, дед — это состояние души.

Следует подчеркнуть, что отношение наших коллег той эпохи к детской науке вообще было очень серьезным. Так, пионеры Эрмитажа с 8-го класса, т. е. с возраста 13–15-ти лет, выходя на уровень полной средней школы, старанием И. А. Орбели, могли пользоваться книгами Публичной Библиотеки, что на углу Невского и Садовой, как взрослые читатели, наравне со студентами и научными работниками. Кто вспомнит свой первый визит в Публичку (в каком бы возрасте он ни состоялся) — надеюсь, по достоинству оценит деяние Иосифа Абгаровича. Каково оказаться в числе пятнадцатилетних капитанов Эрмитажа, а? Был среди этих счастливцев и юный А. Д. Столяр.

Впрочем, не обошел А. Д. Столяр своим вниманием и Русский Музей, и территориально самую близкую для него Кунсткамеру (к тому же, посещение Кунсткамеры не зависело от разведения мостов). Правда, в мемуарах Абрам Давидович лишь поминает Кунсткамеру; однако, именно ее люди — Давид Натанович Лев (1905–1969), который руководил детским археологическим кружком, и Петр Петрович Ефименко (1884–1969), который просто руководил — благословили полевой дебют А. Д. Столяра. Именно по их рекомендации заведую-

щий кафедрой археологии Ленинградского университета Владислав Иосифович Равдоникас (1894–1976) взял в экспедицию на Онежское озеро пару Василеостровских школьников, одним из которых и был А. Д. Столяр.

На следующий по Онежской экспедиции, 1938-й г. А. Д. Столяр поступает на исторический факультет Ленинградского университета. Таким образом, школьный полевой стаж оказался у А. Д. Столяра довольно скромен — иные его современники набирали в тогдашней «детской археологии» куда больше полевого опыта. Однако, количественно скромное поле хорошо компенсировала для А. Д. Столяра более чем весомая Питерская камералка — Эрмитаж, Кунсткамера, Русский Музей.

И, наконец, Абрам Давидович принадлежит к числу тех археологов — участников Великой Отечественной войны, кто встретил ее на студенческой скамье, ушел на фронт, а затем продолжил обучение и полноценно состоялся в науке уже по окончании войны.

Очень хорошо на поступление А. Д. Столяра в университет пришлось открытие археологического отделения — первой университетской структуры такого рода в стране. За три последующие года Абрам Давидович успевает обрести ценнейший экспедиционный опыт под началом В. И. Равдоникаса в Старой Ладогe, а также стать учеником М. И. Артамонова, В. Ф. Гайдукевича, М. К. Каргера и не только...

Тогда же, на университетской скамье А. Д. Столяр приобретает и к академическому направлению Ленинградской археологии. Еще в 1937 г. Институт истории материальной культуры (ИИМК) АН СССР переехал из Мраморного дворца в историческое здание Академии Наук, что промeж Кунсткамеры и университета. Один из наставников А. Д. Столяра, десятью годами старший его Павел Иосифович Борисковский открывает перед молодым человеком камералку Института и привлекает его к разбору коллекций палеолитического кремня. И вскоре, с протекции П. И. Борисковского А. Д. Столяр, студент 2-го курса Ленинградского университета, зачисляется в ноябре 1939 г. в штат ИИМК временным научно-техническим сотрудником с окладом в 350 рублей.

Беглое упоминание об этом в мемуарах Абрама Давидовича позволяет, между прочим, оценить уровень жизни людей тогдашней советской науки. Достаточно сравнить жалование студента на подработке (причем — по основной научной специальности; т. е. эта подработка не просто не отвлекала его от учебы, но и прямо формировала как будущего профессионала) со среднею зарплатой квалифицированных

рабочих того времени в 200–300 руб. (а неквалифицированных — в 115–150 руб.). В колхозах же (в том числе — под Ленинградом) один трудодень стоил в это время от 50 коп. до 1 руб.

Кстати, П. И. Борисковский, как и его ученик — «майский жук», выпускник школы К.И. Мая 1927 г. (тогда это была 217-я единая трудовая школа I-й и II-й ступеней; тогда колоритный барельеф майского жука над входной дверью был еще жив...). И так же, как его ученик, П.И. Борисковский с первых дней примет участие в Великой Отечественной войне, правда — куда более драматичное, нежели А. Д. Столяр. В составе 10-й стрелковой дивизии Павел Иосифович пройдет из Эстонии под Ленинград, 3-го декабря 1941 г. будет тяжело ранен на Невской Дубровке и, после излечения в госпиталях, к строевой службе уже не вернется. В Ленинград он вернется чуть позже А. Д. Столяра, в 1946 г. и вновь обратится в наставника Абрама Давидовича...

Итак, к июню 1941 г. 20-летний А. Д. Столяр — выпускник 3-го курса исторического факультета Ленинградского университета, с осени 1939 г. научный сотрудник ИИМК АН СССР. Его полевой стаж, как археолога, идет с 1937 г.; его хорошо знают, как подающего надежды молодого человека, в Эрмитаже, Кунсткамере и Русском Музее...

Как пишет сам Абрам Давидович, с 27 июня и по конец августа 1941 г. он находился в составе комсомольского батальона на полевых аэродромах в Каськово, Волосовского района, а затем под Тосно. Далее, на три осенних месяца А. Д. Столяр становится курсантом Военно-Автомобильного Училища ВВС Ленинградского фронта.

Однако, командование резонно рассудило, что студенту истфака Ленинградского университета с практически законченным образованием (три полных курса плюс несколько лет кружков «детской археологии») место — отнюдь не за штурвалом машины аэродромного обслуживания, но на совсем другом, как сказали бы сейчас — информационно-психологическом участке фронта. И А. Д. Столяр начинает свой боевой путь политруком роты 1254-го стрелкового полка 378-й стрелковой дивизии — одной из тех Сибирских дивизий, что прибыли в декабре 1941 г. на Волховский фронт.

Судя по всему, А. Д. Столяр, как ротный политрук, оказался вполне на своем месте. Во всяком случае, он — молодой человек пиетерской выучки, энергичный, аналитически мыслящий, с близким к завершению высшим образованием и уже неплохим научным, в том числе полевым, опытом, — этот молодой человек за годы войны так и не продвинулся ни по командной, ни по штабной, ни по политической линиям. Скорее всего, Абрам Давидович действительно был хороший

старшина: таких обычно ценят и стараются удержать в занимаемой должности, даже в ущерб их служебной карьере.

К тому же, офицеров и унтер-офицеров РККА по политической части наградами особо не жаловали. Это — одна из особенностей политической службы: кто подписывает наградные листы на товарищей, сам, как правило, остается «без сапог». Да и за что, собственно, награждать политрука? За то, что рота политически грамотна, помнит присягу, не унывает, бодра и свежа? За то, что она не дрогнула в бою? Странно даже как-то... Не стал исключением и А. Д. Столяр: погоны старшины, скромный офицерский орден Отечественной войны II-й степени да медали «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией» — вот, собственно, и все боевые отличия ротного политрука и комиссара Ленинградского и Волховского фронтов А. Д. Столяра.

Из армии Абрама Давидовича отпустили лишь в самом конце 1945 г.; и сразу же, под новый, 1946 г. он возвращается на исторический факультет Ленинградского университета. Отсюда начинается уже совсем другая история...

УДК 502.8

В. А. Калинин, М. В. Смирнов

ООО «Научно-проектный реставрационный центр»,
Санкт-Петербург, Россия

КОМПЛЕКСЫ ПЕТРОГЛИФОВ ФЕННОСКАНДИИ КАК ОБЪЕКТЫ КОНСЕРВАЦИИ И МУЗЕЕФИКАЦИИ

Представлен сравнительный анализ апробированных в отечественной практике методов сохранения комплексов петроглифов как природно-исторических ансамблей, близких памятникам монументального искусства: изъятие фрагментов скал с изображениями из природно-культурной среды с последующим экспонированием в музейных залах; консервация способом возведения защитного сооружения в условиях необратимого техногенного преобразования среды; консервация способом возведения защитного сооружения в близком к «аутентичному» окружении. Выделяется в своем роде уникальный опыт консервации группы Каменный-7 петроглифов Канозера в Мурманской области (2012–2014), как наиболее отвечающий актуальным представлениям о степени внедрения в подлинную материальную структуру объекта и его природно-культурную среду. Приведено обоснование необходимости применения к комплексам наскальных изображений терминологии и технологий реставрации памятников монументальной скульптуры;

указывается на ценность опыта по консервации данных объектов для практики сохранения архитектурно-археологических раскритий. Обозначены некоторые направления дальнейших научно-практических работ по данной проблематике.

Ключевые слова: петроглифы, природно-исторические ансамбли, консервация, природно-культурная среда, экспонирование, сигнация.

V. A. Kalinin, M. V. Smirnov

«Nauchno-proektnyi restavracionnyi center» Ltd., Saint-Petersburg,
Russia

ROCK CARVINGS COMPLEX OF FENNOSKANDIA AS OBJEKTS OF ARCHITECTURE PRESERVATION AND ARCHEOLOGICAL MUSEUMFICATION

Our research team introduces a compared analytic work based on our approved experience how to preserve rock carvings as a natural historical complex of monuments in North-West of Russia. Therefore our approach assumes that these rock carvings are objects of monumental art. All parts of rocks with drawing have been excluded in order of removing them from natural area to their late supplement to museum's exhibition. A temporary closing-down preservation of rock carvings has been realized by building a special protection construction which makes rock carvings guard from natural conditions and man-caused environment. Thus a crucial point of the temporary closing-down is to construct it in a way as closed as possible to authentic one. There is a valuable sample of unique actual preservation of rock carvings in Russia as it essentially should be mentioned by us. The «Kamennui-7» group of temporary closing-down of rock carvings has been realized in lake Kanozero of Murmansk area (2012–2014). The one presents the most effective and reliable way of combined a construction of temporary closing-down of rock carvings with its natural surroundings. During our research we had to pay attention on proving our conclusion that there is a need to operate terminology and techniques of restoration just the same as researches use in the area of reservation of monumental art. So that, that kind of temporary closing-downs is valuable as a practical experience of preserving archeological and architecture discoveries. As conclusion of our work we have found out and emphasized some basic principles for approaches of subsequent research efforts in the area of architecture and archeological preservation.

Key words: rock carvings, preservation, historical and cultural complex, temporary closing-downs, natural and cultural environments, exhibition, visual mark.

Петроглифы — выбитые на скалах в различных техниках древние изображения, являются ярчайшими образцами первобытного искусства. На Европейском Севере России (Карелия, Мурманская область)

расположено несколько впечатляющих комплексов наскальных изображений, своего рода природно-исторических ансамблей, каждый из которых содержит значительное количество изображений-«выбоек». Условно в каждом комплексе выделяется ряд групп изображений [1]. Их открытие, фиксация и интерпретация связаны с именами выдающихся историков и археологов, среди которых нельзя не отметить почетного профессора СПбГУ д. и. н. Абрама Давидовича Столяра.

Совершенно отчетливы, как интерес к данным объектам культурного наследия широкой общественности, так и стремление профессионального сообщества (в основном, археологов и музейных работников) к повышению доступности и максимально информативному экспонированию наскальных изображений. А. Д. Столяр отмечал [2]: «О решающей роли местной духовной ауры убедительно свидетельствует опыт соседней Финляндии. Располагая много более скромными древними изобразительными памятниками, местное население... и прежде всего юная поросль, почитает, обихаживает такие места... Столь же значителен традиционный вклад школьников в заботу о состоянии участков с наскальными изображениями в Норвегии и Швеции. Все эти памятники выразительно обозначены и составляют предмет особой гордости живущих там людей».

К сожалению, до настоящего времени большого интереса у специалистов-реставраторов тема сохранения петроглифов не вызывала. Вследствие этого, остаются актуальными вопросы консервации и музеефикации комплексов наскальных изображений, единые подходы к которым пока отсутствуют. Для многих памятников наскального искусства Фенноскандии ситуация усугублена труднодоступностью мест расположения объектов и тяжелыми природно-климатическими условиями, отдельной проблемой является естественная эрозия поверхностей скальных массивов с изображениями. Важной задачей остается защита скальных массивов с петроглифами от проявлений вандализма. Отметим, что для большинства масштабных комплексов наскальных изображений Южной Европы, в связи с принципиально иной природно-климатической ситуацией, ряд вопросов требует иных подходов, а другие вопросы и совсем неактуальны.

Представляется, что комплексы петроглифов не могут рассматриваться исключительно как объекты археологического наследия, по причине их ярко выраженного неутилитарного характера. Разумеется, известны не все обстоятельства их создания, но такие признаки, как определенность географического местоположения и тесная

взаимосвязь с ландшафтом, широкая вариативность фигур определенного иконографического ряда, нарративность значительного количества изображений — роднят их с произведениями монументального искусства. Следовательно, видится оправданным применение к комплексам петроглифов принятых для реставрации памятников монументальной скульптуры терминов (авторская поверхность, система текущего ухода) и технологических приемов. Следует отметить, что определяющим фактором ценности скальных массивов с петроглифами является именно наличие последних как рукотворного феномена; как правило, их природное окружение не осознается как само по себе примечательное.

Отечественный опыт консервации и музеефикации петроглифов включает в себя мероприятия, которые сводятся к трем основным принципиальным подходам:

1. Музеефикация фрагментов скальных массивов с изображениями путем изъятия из природного окружения в музейные залы. Данный подход был реализован в 1934 г., когда оторванный взрывом от основного массива скалы фрагмент с группой онежских петроглифов Пери Нос-III (Карелия) стал «самым тяжёлым экспонатом» Государственного Эрмитажа [3]. С 1988 г. один из камней — № 5 — комплекса Чальмны-Варре, вырванный из ландшафтного контекста, выставлен в Музее истории, культуры и быта кольских саамов (село Ловозеро Мурманской области). Явным преимуществом данного подхода является возможность организации любого освещения, обеспечения оптимального температурно-влажностного режима, исключение техногенных воздействий. Однако удаление объектов из аутентичного природного окружения не только искажает (обедняет) их восприятие, но и, как показывает практика, приводит к определенным утратам — что является несомненными и весомыми недостатками.

2. Консервация способом возведения защитного сооружения, в условиях необратимого техногенного преобразования ландшафта. Характерный пример — бетонный павильон над группой беломорских петроглифов «Бесовы следки» (Карелия), который был возведен в 1968 г., в ходе строительства Выгостровской ГЭС [3]. Сооружение павильона определило сам факт сохранности группы петроглифов до настоящего времени; но, вместе с тем, возымело и необратимые негативные последствия. Это, в частности, серьезные изменения характера природного функционирования скального массива (напряженно-деформированное состояние скалы, фильтрационный и гидрологический режимы). Некоторые петроглифы, по-видимому, были

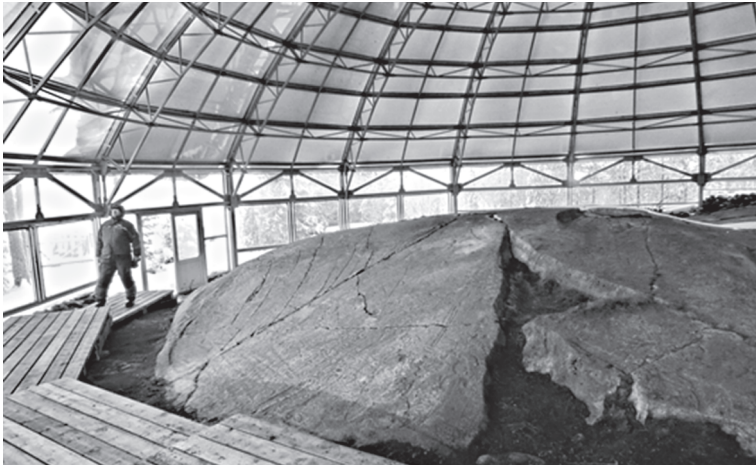
повреждены или утрачены. Сооружение, несомненно, защитило петроглифы от техногенных и отчасти климатических воздействий; однако условия для оптимального экспонирования созданы не были.

3. Консервация способом возведения защитного сооружения, с минимизацией воздействия на природную среду, не затронутую хозяйственной деятельностью и в максимальной степени близкую к «аутентичному» окружению (купольное сооружение в виде остекленного металлокаркаса над группой Каменный-7 петроглифов Канозера, Мурманская область). Большепролетное защитное сооружение возведено в 2014 г. без значительного внедрения в природное окружение, с практически исключительной степенью обратимости, без малейших утрат структуры скального массива. Неизбежное и минимально необходимое внедрение в природно-культурную среду осуществлялось под надзором сотрудников Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН (Санкт-Петербург), а все земляные работы были выполнены ими непосредственно, с соблюдением актуальной методики изучения культурного слоя. В «интерьере» сооружения созданы условия для максимально эффективного экспонирования петроглифов (в том числе, ходовые мостки и система боковой подсветки). Основными преимуществами сооружения явились минимальное количество локальных (столбчатых) опор и возможность монтажа без применения строительной техники и тяжелых механизмов. Впервые в отечественной практике, при реализации консервационных мероприятий ни одно изображение не пострадало.

Необходимо отметить, что все эти три подхода делают возможным как круглогодичное, так и круглосуточное экспонирование петроглифов. В «естественном» состоянии большую часть года на скалах имеется устойчивый снежный покров; к тому же, «результативный» осмотр изображений достигается лишь при определённом боковом освещении (во время восхода или заката), при фронтальном освещении изображения практически неразличимы.

До настоящего времени неисследованной остается проблема определения оптимальных параметров температурно-влажностного режима, для петроглифов на поверхности той или иной горной породы.

Опыт скандинавских стран в сохранении аналогичных объектов культурного наследия, на который указывал А. Д. Столяр [2], заслуживает отдельного детального исследования. Однако в этих странах охранно-музейные мероприятия, как правило, исчерпываются обеспечением комфортного доступа (обустройство культурной инфра-

Ил. 1. Защитное сооружение над группой Каменный-7 петроглифов Канозера. Интерьер. Фото 2015 г.

структуры, оборудование мостков по скалам, прокладка пешеходных троп) и «выявлением» петроглифов способом подкрашивания, либо заполнения выбонок тем или иным инертным материалом. Такого рода сигнация вызывает крайне негативное отношение профессионального археологического сообщества, так как лишает будущих исследователей возможности применения новых методик изучения техник выбивки (обратимость этих решений до известной степени условна). Однако, в отсутствие подкрашивания необходима организация боковой подсветки изображений, которую следует признать более соответствующей актуальной реставрационной методике.

Следует особо обратить внимание на схожесть задач консервации групп петроглифов и различных архитектурно-археологических раскритий, а также и руин в сложных природно-климатических условиях.

Литература:

1. Колпаков Е. М., Шумкин В. Я. Петроглифы Канозера. СПб.: Искусство России, 2012. 424 с.
2. Столяр А. Д. Сохраните, и вам воздастся // Карелия. 2002. 31 октября.
3. Савватеев Ю. А. Вечные письма (наскальные изображения Карелии). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, Редакционно-издательский отдел, 2007. 464 с.

УДК 903.7.031.1

А. И. Королев, А. Ф. Кочкина, Д. А. Сташенков
Самарский государственный социально-педагогический
университет, Самара, Россия
Самарский областной историко-краеведческий
музей им. П. В. Алабина, Самара, Россия

**МОГИЛЬНИК ЕКАТЕРИНОВСКИЙ МЫС В СРЕДНЕМ
ПОВОЛЖЬЕ — НОВЫЙ ПАМЯТНИК ИЗУЧЕНИЯ
ИСКУССТВА ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА**

В могильнике Мариупольского типа Екатериновский мыс в Самарской области в 2013–2015 гг. было исследовано 60 погребений, многие из которых содержали погребальный инвентарь из камня, кости, рога, зубов животных, раковин. Особое место занимают предметы из рога и кости: одни из них орнаментированы в геометрическом стиле, другие являются зооморфными. Большую группу составляют изделия из кабаньих клыков с гравированными узорами. В погребениях с престижным инвентарем найдены скульптурные изображения голов животных — лося, лошади (?), птицеобразных — утки, цапли.

Ключевые слова: грунтовый могильник Екатериновский мыс, ранний энеолит, зооморфные предметы, геометрический орнамент.

A. I. Korolev, A. F. Kochkina, D. A. Stashenkov
Samara State Social and Pedagogical University, Samara, Russia
Samara Museum for History and Regional Studies
named after P. V. Alabin

**THE BURIAL GROUND EKATERINOVSKY CAPE IN MIDDLE
VOLGA REGION IS THE NEW SITE FOR STUDYING
ENEOLITHIC ART**

In burial ground Ekaterinovskiy cape of the Mariupol type in Samara region in 2013-2015 there was investigated 60 graves, many of which contained grave goods made of stone, bone, horn, teeth of animals, shells. A special place is occupied by objects from horn and bone: some of them are ornamented in geometric style, others are zoomorphic. Large group of products from canines with engraved patterns. A large group of jewelry presented plates of wild boar tusks with engraved patterns. In the graves with prestigious inventory found sculptures of heads of animals — elk, horses (?), birdlike — ducks, herons.

Key words: ground burial Ekaterinovskiy Cape, the Early Eneolithic, zoomorphic subjects, geometric ornament.

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ 17-11-63007

При раскопках могильника мариупольского типа Екатериновский мыс в Безенчукском районе Самарской области в 2013–2015 гг. было выявлено 60 погребений, многие из которых сопровождалась инвентарем из камня, кости, рога, зубов животных, раковин [1]. Особое место занимают предметы из рога и кости. Наиболее выразительные из них рассматриваются в данной работе.

Многочисленны изделия из кабаньих клыков. Они найдены как в погребениях, так и в культурном слое. Большой интерес представляют пекторали с просверленными отверстиями или выемками на противоположных концах. Среди них есть орнаментированные изделия.

Примечательна пектораль, собранная из крупных частей, один фрагмент залегал в погр.40 (рис. 1–8), другие — вне погребений. Ее размеры: 13,6 × 2,3 × 0,6 см. Внутренняя поверхность залощена от использования. С одной стороны дуговидной пластины имеется круглое отверстие. Полностью сохранившаяся правая часть на округлом окончании орнаментирована спиралевидным узором, по краю с обеих сторон нанесен волотообразный орнамент. С обоих концов изделия расположены поперечные резные линии с насечками.

Вторая пектораль также имеет плавный выступ (рис. 1–7). Под ним завитком начинается резная линия, переходящая в спираль, венчающую округлое окончание пластины. В центре имеет два сквозных отверстия. Стилистически аналогичное изображение с двумя отверстиями в центральной части и украшенными спиральными орнаментом округлыми окончаниями на пластине из клыка кабана происходит из погр. 53 Нальчикского могильника [2]. Подобным образом орнаментирован крупный фрагмент еще одной пекторали (рис. 1–4).

Большой интерес представляют пластинки из кабаньих клыков с поперечными нарезками, аналогичные пластинкам из могильника у с. Съезжее [3, с. 152, рис. 3, 15–17], Мариупольского [4, с. 68, рис. 26; с. 70, рис. 29; с. 87, рис. 57], Ясиноватовского могильника [5, рис. 23, 18–25]. Одна из пластинок с выступом (рис. 1–3) также находит аналогии в Съезжинском и Ясиноватовском могильниках, но вместо поперечных нарезок она имеет отверстия по краям. Кроме пластин из клыка кабана, в качестве погребального инвентаря присутствуют пластинки из резцов бобра с поперечными нарезками по краям.

Изделия из рога относятся к числу наиболее выразительных предметов изобразительного искусства. К их числу относится скульптурное изображение головы лося из погр. 46 (рис. 1–5). Реалистично переданы характерные удлиненные пропорции головы с горбинкой и крупной нижней губой, которую подчеркивает линия рта. Глаза

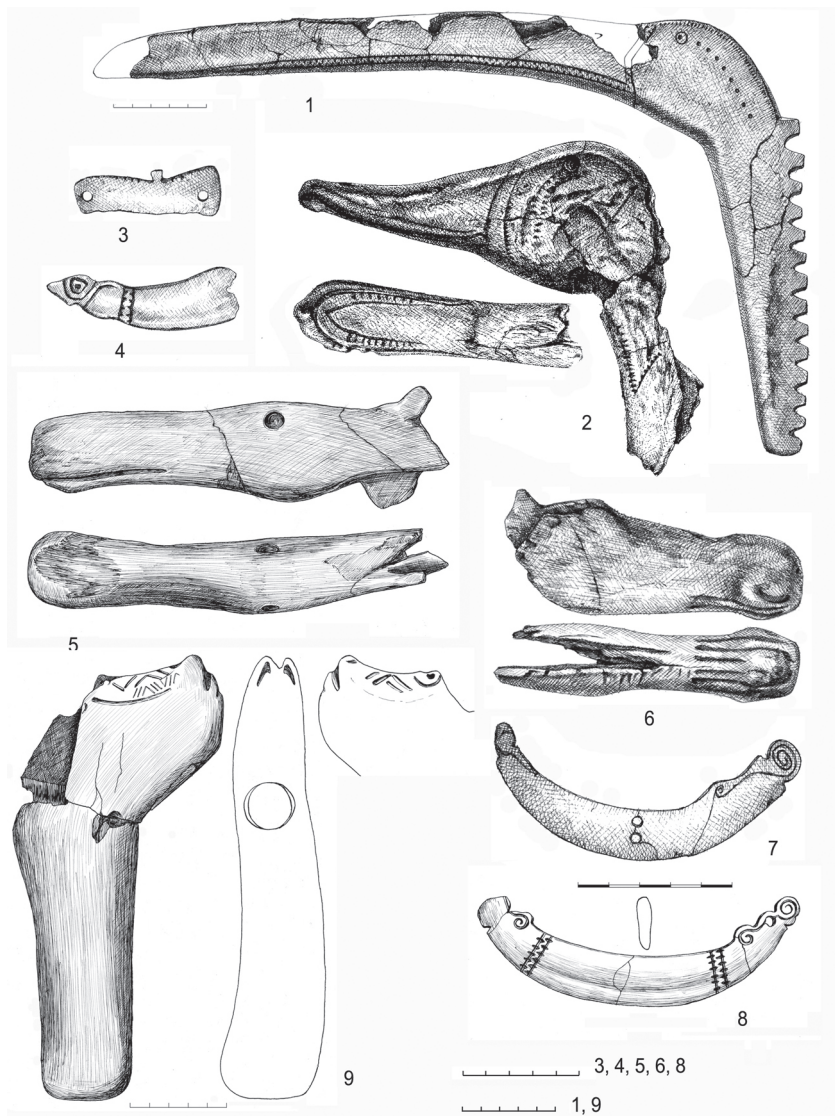

Рис. 1. Могильник Екатериновский мыс: 1 — скульптурное изображение головы утки, п. 40; 2 — скульптурное изображение головы цапли, п. 45; 3 — пластина, п. 21; 4 — пластина, п. 18; 5 — скульптурное изображение головы лося, п. 46; 6 — скульптурное изображение головы лося, п. 17; 7 — пластина, п. 21; 8 — пластина, п. 40; 9 — молотовидный предмет с зооморфным декором, п. 40. 3, 4, 7, 8 — клык кабана; 1, 2, 5, 6, 9 — рог

обозначены небольшими круглыми ямками. Ухо закругленное, небольшое. Немного окрашена охрой. Изделие служило, вероятно, навершием жезла и крепилось к рукояти (посоху). Размеры: общая длина 18,2 см, ширина 4,2 см, толщина около глаз 3,2 см. Скульптурные лосиноголовые изображения распространены широко в лесной зоне, но для юга лесостепи они не характерны. Можно отметить в качестве территориально близкого «токский» жезл, происходящий из Оренбургской области [6].

Стилистически очень близко описанному изделию второе лосиноголовое навершие из погр. 17 (рис. 1–6). Оно залегало между правой плечевой костью и ребрами погребенного. Голова лося реалистична, пропорциональна, мастерски смоделированы характерные черты животного.

Молотовидное изогнутое в профиле изделие из рога с отверстием для рукояти из погр. 40 (рис. 1–9) в месте перегиба имеет поперечный слом с глубокой выщербленной, видимо, от специально нанесенного удара. Длина 23,7 см, ширина в месте изгиба 6,7 см. Округлое отверстие диаметром 2,2 см. Изделие было зашлифовано, судя по поверхности хорошо сохранившейся «ударной» части. «Обушок» оформлен в виде головы животного. Глаз показан глубокой ямкой, очерченной полукруглым надрезом. Нос вздернут, от глаз к носу прорезан зигзагообразный рисунок из двойных линий. На лучше сохранившейся правой стороне этот орнамент двойной — под крупным зигзагом нанесен более мелкий. Ниже орнаментальной зоны, подчеркивая ее, прорезана широкая канавка. Нос с обеих сторон показан глубокими наклонно нанесенными симметричными нарезками. Определение вида животного затруднительно ввиду неполной сохранности, но можно отметить некоторое сходство с головой лошади.

В погр. 40 около нижней челюсти костяка обнаружено скульптурное изображение головы утки (рис. 1–1). Скульптура выполнена удивительно реалистично. Размер фигурки от кончика клюва до затылочной части головы составляет 15,4 см. Высота от теменной части головы до основания шеи 14,3 см, длина клюва 8 см, ширина клюва до 3 см. Глаза в виде ямок с округлым дном выполнены сверлением. На хорошо сохранившейся левой стороне клюва вырезана ноздря в виде ромба с мелкой ямкой. По верхней части головы линия клюва отделена V-образной нарезкой, а с боковых сторон подчеркнута изогнутой линией. Окончание клюва венчает характерный выступ. Так же детально оформлена и нижняя часть клюва. Поперечными нарезками показаны «щеточки». Сохранившийся участок шеи птицы передает изящество

ее изгиба. С боковых сторон головы параллельно линии основания клюва были прорезаны еще три изогнутые линии с поперечными короткими нарезками. Такой орнамент, как представляется, воспроизводит особенности оперения головы. На правой стороне, несмотря на худшую степень сохранности, также заметны орнаментальные линии, параллельные основанию клюва. Подобные линии с поперечными нарезками, сходящиеся углом, расположены и на шее утки.

Особый интерес вызывает навершие жезла или посоха, представляющее собой крупное скульптурное изображение головы длиноклювой птицы из погр. 45 (рис. 1–2). Длина между окончаниями клюва и шеи 41,2 см, длина клюва 27 см, ширина головы 5,9 см, толщина 2,8 см. Изделие было заполировано. Верхняя и нижняя части клюва разделены сдвоенной прорезной канавкой с короткими поперечными встречными нарезками в шахматном порядке, образующими зигзагообразную полосу. В основании клюва такая же полоса отделяет его от головы птицы. Изображение реалистично, пропорциями напоминает голову цапли. Глаза показаны тонко прорезанным кружком с мелкой ямкой внутри. От глаз к шее нанесены 7–8 мелких ямок. По верхнему краю головы от основания клюва до первого зубца также с двух сторон содержатся короткие мелкие нарезки. Шея длиной 17 см имеет клиновидную форму, вероятно удобную для крепления в рукояти (посохе). На ее внешней стороне нарезано 14 крупных зубцов.

Большая часть изделий из ребер животных и костяных пластин дошла до нас в виде обломков. Примечателен фрагмент костяной зооморфной фигурки, изготовленной из ребра крупного животного. По краям фигурка обломана, в верхней продольной стороне имеется небольшой выступ с поперечной насечкой, который имитирует округлое ухо. «Передняя» слегка суженная часть фигурки по линии слома имеет два круглых отверстия. Длина сохранившейся части 6,1 см, ширина — 3,0 см, толщина — 0,7 см. Еще один фрагмент костяной фигурки, изготовленной из ребра, также с небольшим выступом. Передняя часть фигурки слегка утолщена. Длина сохранившейся части 4,1 см, ширина — 1,2 см, толщина — 0,6 см.

Следует также упомянуть многочисленные украшения из зубов мелких хищников, костяные пластинки с отверстиями, фрагменты костяных фигурок, кольца из трубчатых костей, пронизки и круглые бусины из раковин.

Представляется немаловажным отметить, что многие изделия из могильника были обнаружены в обломках. В ряде случаев достоверно устанавливается преднамеренная порча вещей как отражение

ритуальной практики. В заключение следует отметить, что могильник Екатериновский мыс содержит богатейший археологический материал, который предоставляет уникальную возможность изучения первобытного искусства эпохи раннего энеолита.

Литература:

1. Королев А. И., Кочкина А. Ф., Сташенков Д. А. Екатериновский мыс — новый энеолитический могильник в лесостепном Поволжье // Известия СНЦ РАН. Т. 17. № 3 (2). Самара, 2015. С. 514–517.
2. Круглов А. П., Пиотровский Б. Б., Подгаецкий Г. В. Неолитическое поселение близ г. Нальчика // Материалы и исследования по археологии СССР. № 3. 1941. С. 47–146.
3. Васильев И. Б., Матвеева Г. И. Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // Советская археология. 1979. № 4. С. 147–166.
4. Макаренко М. Маріюпільський могильник. Київ, 1933. 151 с.
5. Телегин Д. Я. Неолитические могильники мариупольского типа: (свод археологических источников). Киев: Наукова думка, 1991. 96 с.
6. Богданов С. В. Токский жезл // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Межвузовский сборник научных статей. Оренбург: Изд-во Оренбургского пединститута, 1992. С. 195–205.

УДК 303.724

А. В. Курбатов

*Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия*

ВЗГЛЯД ИСТОРИКА И ПРАКТИКА АРХЕОЛОГА: ПРЕОДОЛЕНИЕ ОШИБОК В ИЗУЧЕНИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО КОЖЕВЕННОГО РЕМЕСЛА

На сегодня освоен комплекс методических приемов, разработанных предшественниками и получивших дальнейшую разработку на основе новооткрытых археологических материалов. Опыт изучения археологических коллекций, анализ письменных, изобразительных и этнографических материалов позволяет сформулировать программу дальнейшего изучения средневекового кожевенного ремесла и показывает назревшую потребность в объединении усилий российских специалистов этого направления.

Ключевые слова: средневековая Русь, кожевенное ремесло, источники, методы изучения.

A. V. Kurbatov

Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, Saint-Peterburg, Russia

**THE VIEW OF A HISTORIAN AND THE PRACTICE OF AN
ARCHAEOLOGIST: OVERCOMING MISTAKES IN STUDIES OF
MEDIEVAL LEATHER-WORKING**

Now, the complex of methods elaborated by previous researchers and further developed on the basis of newly discovered archaeological finds has been introduced into practice. The examination of archaeological collections as well as analysis of documentary, visual and ethnographical evidence allow us to define a programme of further studies of the mediaeval tannery and indicate the urgent need to unite the efforts of Russian scholars concerned with this branch.

Keywords: Mediaeval Rus, leather-working, sources, methods of studying.

Введение. Археологическое изучение средневековых памятников Древней Руси входит в понятие историческая археология. И здесь историки долгое время не видели необходимости развивать особые методические приемы в практике изучения археологических объектов средневековья в сравнении их с другими историческими источниками — письменными, изобразительными и иными. Так, данные этнографии ученые были склонны, во всех случаях, напрямую соотносить со средневековыми археологическими находками, подчеркивая неизбежность «традиционной» материальной культуры. Сегодня в ряде вопросов мы наблюдаем влияние накопленных ложных выводов, сделанных при изучении средневековых археологических памятников, что является следствием прямого перенесения исторических и этнографических понятий на археологический материал.

Сегодня можно признать правомерными многие критические замечания современных археологов, связанные с оценкой методов полевой археологической фиксации открытых объектов и находок в середине XX в. Хотя не следует забывать, что методика полевой археологии в то время развивалась в русле общего совершенствования археологических исследований древних городов, полностью учитывая отечественный и зарубежный опыт. Отметим, что в ранний период раскопок Новгорода и Москвы было не до конца преодолено отношение к археологии, как к «истории, вооруженной лопатой», для которой не требовалась особая методика интерпретации объектов и вещевых комплексов. Отсюда проистекали широкие исторические выводы, сделанные непосредственно по остаткам открываемых объектов.

Укажем некоторые современные оценки в отношении средневекового кожевенного ремесла на Руси, противоречащие ранним выводам историков:

1. До недавнего времени у историков не было сомнений в том, что славяне и древнерусские жители ходили преимущественно в лыковых лаптях. Самое раннее упоминание «лапотников» мы находим в Повести Временных лет под 985 годом: «В лето 6493. Иде Володимерь на Болгары съ Добрыною съ уемь своимъ въ лодьяхъ, а Торъки берегомъ приведе на конихъ, и победи Болгары. Рече Добрыня Володимеру: съглядахъ колодникъ оже суть вси въ сапозехъ, симъ дани намъ не дати, поидемъ искать лапотниковъ. И сотвори Володимер съ Болгары миръ...» [1, с. 36].

На основании этой записи с косвенным упоминанием лаптей — историки относят плетеную лыковую обувь к древнейшей форме обуви славян. Но следует обратить внимание на два неясных вывода: 1) какая группа людей — «лапотники» — связывается с определенной формой обуви; 2) «лапотъ» представляется обувью, плетеной из бересты или лыка. Ни то, ни другое не следует из летописного текста, и даже более того, не согласуется с другими источниками.

2. Первый опыт изучения больших массивов археологического кожевенного материала в средневековом Новгороде позволил С. А. Изюмовой сделать широкие исторические выводы о: 1) достижении высокого уровня технологичности в кожевенном ремесле уже в домонгольское время и 2) материалы разных периодов средневековой Руси рассматривались как единое и неизменное состояние ремесла, сохранявшееся в кустарном деле до XX в. Поэтому она считала правомерным использование документов XVI–XVII вв. для оценки ремесла древнерусского времени.

Широкий охват археологических, письменных и этнографических данных способствовал популярности работы и предложенных выводов. Выводы, сделанные на материалах одного раскопа в Новгороде, С. А. Изюмова рассматривала как общую тенденцию развития ремесла во всех древнерусских землях и городах.

2. Монголо-татарское нашествие неправомерно представляется как стагнация всех форм ремесла, в том числе кожевенного. Можно привести мнение Б. А. Рыбакова: «Особенности монгольской политики в завоеванных областях сильнее всего сказались на ремесленниках. Разрушением покоренных городов монголы наносили особенно чувствительный удар русской ремесленной промышленности и особенно наиболее важной и ценной ее части — городскому ремеслу» [2, с. 525].

И далее: «По целому ряду производств мы можем проследить падение или даже полное забвение сложной техники, огрубление и упрощение ремесленной промышленности во второй половине XIII в.» [3, с. 534]. До недавнего времени даже предположения обратного рода, сделанные на основе конкретных представительных материалов отдельных памятников, вызывали только молчаливое недоумение [4, с. 194]. Переломным можно назвать конференцию «Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций?», проведенную в Институте археологии РАН в 2000 г. [5].

3. Не учитывается влияние восточных традиций в кожевенных изделиях, часть из которых могли делать в русских городах. Это особые виды и формы кожаных сумок, появление и широкое распространение сапог и обуви со швом посередине подошвы, и особые формы декора [6, с. 62–69].

4. Технические аспекты ремесла не согласуются с выводами из анализа материальных предметов, в частности, касающихся назначения деревянных обувных колодок [7, с. 294–296]. Длительное использование колодок при изменениях в технике пошива обуви предполагает их различное назначение. Выделено 4 варианта вероятного использования колодок в разные исторические периоды. При этом можно говорить о постоянном использовании колодок при сушке обуви после ношения.

5. Примерно с середины X в. начинается развитие самостоятельного и самодостаточного направления кожевенного ремесла и форм продукции [8, с. 58 и сл.].

Методические разработки. В работах историков 1930-х — начала 1950-х годов — Б. А. Рыбакова, А. В. Арциховского, Л. И. Якуниной и других, разных по широте охвата материала и объемности исторических реконструкций, общим в интерпретации археологических данных было их приравнивание к историческим источникам в конкретных сюжетах исследований. Историки науки уже отмечали этот синкретизм во взглядах на источники, характерный для советских историков и археологов в конкретное время [9, с. 80 и сл.; 10, с. 14–16].

Новые археологические материалы в 40-е — 50-е гг. XX в. способствовали появлению специальных работ по кожевенному делу, что позволяет считать конец 1950-х гг. началом нового этапа в развитии научных представлений о древнерусском ремесле. Специалисты стали широко применять методы естественных наук, проводить эксперименты и анализы. Данные археологии, этнографии и письменных источников сопоставлялись, исходя из оценки конкретных

исторических ситуаций и археологических комплексов. Так, в работах профессионального кожевника Ю.П. Зыбина объясняются технологические приемы обработки кожевенного сырья, методы раскроя, пошива и декора изделий от эпохи Древней Руси до Нового времени [11, с. 316].

Следующий шаг в методике анализа археологических материалов сделала С. А. Изюмова [12]. На материалах Неревского раскопа в Новгороде она впервые использовала статистику всех фиксированных кожаных предметов — по слоям и ярусам, дала типологическое деление видов обуви по конструктивным признакам, изменение форм обуви и способов её декора, рассмотрела все археологические свидетельства организации ремесла и технического оснащения кожевенных мастерских. Она впервые описала всё многообразие кожаных изделий в русском средневековом городе XI–XV вв. и проследила динамику развития продукции кожевенного ремесла на группах массовых находок — обувь, детали одежды, чехлы для ножей и другое. Сопоставление археологических материалов с данными других исторических дисциплин укрепило ранние предположения о наличии многих специалистов-кожевников в XV–XVI вв. и территориальном делении посадов Новгорода по отдельным группам мастеров. В целом, работа С. А. Изюмовой показала возможности социологического изучения древнерусского города на массовом материале отдельного вида ремесла.

Выводы, сделанные для Новгорода, С. А. Изюмова рассматривала как общую тенденцию развития ремесла во всех древнерусских землях и городах. В материалах разных периодов средневековой Руси она видела единое и неизменное состояние ремесла, сохранявшееся в кустарном деле до XX в., и поэтому считала правомерным использовать документы XVI–XVII вв. для оценки ремесла древнерусского времени. Широкий охват археологических, письменных и этнографических данных способствовал популярности предложенных выводов [13, с. 166].

Дальнейшее развитие методов изучения кожевенного ремесла предложила Е. И. Оятева, разработав программу графического и вербального описания археологических находок, что стало актуальным по мере их интенсивного накопления. Классификации обуви была основана на трех технопризнаках — материале, конструкции, функции — и охватывала всё многообразие видов кроя, способов шивания и основных видов декора, известных к 1970-м гг. [14]. Эта работа стала руководством для правильного описания археологических предметов,

определения их назначения и традиций в производстве. Предложенная схема развития конструкций обуви, построенная на материалах Старой Ладого, Пскова и Переяславля Рязанского, служила основой для сравнения древнерусских материалов с находками в Польше и Норвегии.

Работы Е. И. Оятевой, учитывающие разработки европейских специалистов, отражают качественный сдвиг в изучении массового археологического кожевенного материала. Они показали необходимость формализации при описании находок для их сравнения с разных памятников. Подход Е. И. Оятевой помогал проверять выводы разных исследователей и стал практическим решением вопроса о внутренней критике источников. В этом направлении развивалась методика изучения кожевенного ремесла в других европейских странах. Кроме того, Е. И. Оятева наметила пути решения вопроса об этно-социальных и региональных различиях в обуви, методах пошива и декора кожаных изделий [15, с. 204]. Сегодня стала очевидной перспективность такого направления научного поиска [16, с. 313–314].

Прогресс в изучении кожевенного ремесла в русских средневековых городах в последние годы связан с накоплением новых материалов, полученных при широкомасштабных археологических раскопках и выделении представительных эталонных коллекций, полученных при раскопках в Ивангороде (1980–1993 гг.) и Твери (1993–1997 гг.). Здесь на практике были освоены приемы и методы комплексного археологического источниковедения, отработаны приемы полевой и камеральной обработки массового кожевенного материала, выделены перспективные направления дальнейшей работы с ним [17, с. 16–20]. В частности, выполнена дальнейшая разработка и унификация систем фиксации и описания кожаных деталей. На основе работ предшественников автор предложил графическое описание предметов, разработанное на материалах из ряда городов и охватывающее находки всего средневековья. На сегодня предложена еще одна система описания кожаных предметов, отвечающая требованиям музейного хранения [18].

Кроме того, отмечается практическая необходимость в описании опыта регистрации и пакетировании массовых находок, рациональных действий по первичной обработке кожевенного материала в полевых условиях и способах хранения всего массива кожаных предметов без дорогостоящей консервации, рекомендуемой специалистами.

Современная проблематика складывается из нескольких факторов:

- не полностью преодолено наследие «исторического подхода» к средневековой археологии;
- не полностью используемый системный подход при фиксации и обработке массивов археологического материала;
- избирательность анализируемых археологических коллекций и находок;
- неполное использование фундаментальной базы всех исторических дисциплин.

Можно отметить, что планиграфическое распределение кожаных предметов в средневековых слоях все чаще начинают рассматривать при изучении отдельных участков городов. Накапливается такой опыт и в Новгороде, в частности, при наблюдениях за распределением кожаных находок на усадьбах XII в. [19].

Выводы. На сегодня освоен комплекс методических приемов, разработанных предшественниками и получивших дальнейшую разработку на основе новооткрытых археологических материалов. Опыт изучения археологических коллекций, анализ письменных, изобразительных и этнографических материалов позволяет сформулировать программу дальнейшего изучения средневекового кожевенного ремесла и показывает назревшую потребность в объединении усилий российских специалистов этого направления [20].

Литература:

1. ПСРА. Т. 1. Лаврентьевская летопись. СПб. 1846.
2. Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М.—Л., 1948 792 с.
3. Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М.—Л., 1948. 792 с.
4. Курбатов А. В. Коллекция кожаных предметов из раскопок 1985 г. в Тверском Кремле в связи с вопросами совершенствования технологии ремесла в русских средневековых городах // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1994. С. 189–195.
5. Курбатов А. В. Кожевенное ремесло лесной зоны Руси в XIII–XIV вв. // *Stratum plus*. 2016. № 5.
6. Курбатов А. В. Булгаро-татарские кожаные изделия в русских городах // *АрхЛаб. Известия археологической лаборатории Башкирского государственного университета* / Отв. ред А.Н. Султанова. Вып. 1. Уфа, 2015. С. 62–69.
7. Курбатов А. В. Инструменты и приспособления для пошива кожаных изделий в средневековой России // *Stratum plus*. № 5. 2005–2009. Русское время. 2009. СПб–Кишинев–Одесса–Бухарест. С. 284–310.
8. Курбатов А. В. Кожаные предметы из раскопок 3–5 на Земляном

городище Старой Ладоги // Ладога и Ладожская земля в эпоху Средневековья. Вып. 5. СПб., 2015. С. 48–100.

9. Клейн Л. С. Археологические источники. Изд. 2-е. СПб., 1995. 352 с.

10. Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Курбатов А. В. Мангазея: кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.). Екатеринбург, 2011. 216 с.

11. Курбатов А. В. Современная проблематика в изучении русского средневекового кожевенного ремесла // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. II. Тверь, 2007. С. 306–319.

12. Изюмова С. А. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 65. М., 1959. С. 192–222.

13. Курбатов А. В. Спорные вопросы в изучении кожевенного ремесла средневековой России // Археологические вести. № 18. 2012. С. 162–173.

14. Оятева Е. И. К методике изучения древней кожаной обуви // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 15. 1973. С. 105–111.

15. Оятева Е. И. Белозерская кожаная обувь // Голубева Л.А. Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М., 1973. С. 199–205.

16. Курбатов А. В. Современная проблематика в изучении русского средневекового кожевенного ремесла // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. II. 2007. С. 306–319.

17. Курбатов А. В. Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993–1997 гг.). СПб., 2004. 312 с.

18. Осипов Д. О., Лихтер Ю. А. Системное описание и классификация кожаной обуви (методические рекомендации). М., 2004. 66 с.

19. Петров М. И. Усадебный комплекс 30–40-х гг. XII в. (по материалам раскопа Посольский-2006 в Великом Новгороде) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 60. 2015. С. 166–176.

20. Курбатов А. В. Изучение древнего кожевенного ремесла сегодня: опыт консолидации специалистов. Рец. на: IN GREMIO–IN PRAXI. Studia nad średniowiecznym skórnictwem. Szczecin. 2009 // Археологические вести. № 19. 2013. С. 246–254.

УДК 902/904

А. Я. Мартынов

*Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Соловецкий государственный историко-архитектурный и
природный музей-заповедник», Соловки, Россия*

**АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КУРАТОВ И АБРАМ
ДАВИДОВИЧ СТОЛЯР В СУДЬБЕ ПЕРВОБЫТНОЙ АРХЕОЛОГИИ
СОЛОВЕЦКОГО АРХИПЕЛАГА**

В процессе исследований первобытного прошлого Соловецкого архипелага важную роль сыграли археологи А. А. Куратов и А. Д. Столяр, много лет состоявшие в профессиональной переписке. Усилиями А. А. Куратова была создана Архангельская археологическая экспедиция, участниками которой под его руководством проведено регистрационное обследование каменных лабиринтов, открыты две первобытные стоянки, начаты раскопки валунных насыпей, сопровождающих лабиринты, осуществлены первые экспериментальные работы. Им опубликован ряд статей и монография, посвященные проблематике лабиринтов, обоснована гипотеза о существовании на Соловках древних святилищ. А. Д. Столяр осуществлял в течение тридцати лет методическую и методологическую помощь в изучении памятников первобытной культуры Архангельского Севера (Северодвинского бассейна, Беломорья, Соловецких островов). Он рецензировал и редактировал диссертации, монографии и статьи по археологии региона, был одним из организаторов и вдохновителей первой международной археологической конференции на Соловках (2006), принимал личное участие в полевых исследованиях Соловецкой археологической экспедиции (2007, 2010).

Ключевые слова: археология, лабиринт, стоянка, керамика, гипотеза, неолит, Бронзовый век.

A. Ya. Martynov

Cultural Institution of Federal State Budget «Solovetsky State Museum-Reserve of History, Architecture and Nature» Solovky, Russia

**ANATOLIY A. KURATOV AND ABRAM D. STOLYAR IN
PREHISTORIC ARCHAEOLOGY OF SOLOVETSKY ARCHIPELAGO**

A. Kuratov and A. Stolyar played important part in the process of Solovky Prehistoric past investigation. Thanks to A. Kuratov Arkhangelsk archaeological expedition made the registration of stone labyrinths of archipelago, found two ancient settlements, began the excavation of stone piles connected with labyrinths. He published several articles and the book devoted to main problems of labyrinths and suggested the hypotheses about ancient sanctuaries on Solovky. During 30 years A. Stolyar gave methodical help in investigation of Prehistoric

archaeological monuments of Russian North (North Dvina Region, White Sea coast, Solovky). He edited and criticized dissertations, articles and books devoted to Prehistoric archaeology of this Region, took an active part in first international archaeological conference on Solovky (2006) and in the field research of Solovetsky archaeological expedition (2007, 2010).

Key words: archaeology, labyrinths, settlement, ceramics, hypotheses, Neolithic period, Bronze Age.

Одно из первых упоминаний об объектах древней культуры Соловецких островов «светского или даже языческого характера» содержится в статье А. А. Спицына «Северные лабиринты», опубликованной в 1904 г. [1, с. 106]. Описание островных «вавилонов» и сопровождающих их каменных выкладок (преимущественно насыпей) впервые было осуществлено Н. Н. Виноградовым в 1927 г. [2]. Регистративное обследование каменных выкладок, зафиксированных Н. Н. Виноградовым, выполнено А. А. Евневичем и П. К. Казариновым в 1934 г. [3]. Наиболее ранние раскопки девяти насыпей, произведенные в первой половине XX в. К. П. Рево [4] и А. Я. Брюсовым [5, с. 49–150], после которых не осталось никакой полевой документации (?!), нельзя признать удовлетворительными и соответственно включить в перечень официальных исследований, имевших тот или иной положительный результат.

С 1964 по 1981 гг. на Соловки выезжала Архангельская археологическая экспедиция (ААЭ) под руководством А. А. Куратова, которая продолжила на более совершенном уровне мониторинг каменных выкладок, предприняла первые документально оформленные раскопки насыпей, сопровождающих лабиринты, открыла две стоянки эпохи бронзы. В кандидатской диссертации «Древняя история Архангельского Беломорья в эпохи неолита и раннего металла» (1971), подготовленной на кафедре археологии ЛГУ и защищенной в научном совете Университета (научный руководитель — член кафедры Т. А. Белановская), А. А. Куратов наметил долгосрочную программу полевых исследований на архипелаге и подвел первые итоги работ экспедиции.

В ряде более поздних публикаций он предложил новую классификацию каменных лабиринтов Северной Европы и обосновал гипотезы о технологии сооружения лабиринтов, присутствии на Соловках трех первобытных святилищ и их датировке [6]. Выкладка подковообразного лабиринта на м. Кострище в 1978 г. положила начало реконструктивной археологии Соловков, и обеспечила Соловецкий музей-заповедник новым экскурсионным маршрутом, который успешно

функционирует уже 38 лет. В составе ААЭ с 1971 по 1979 г. работал и автор данных тезисов.

Начало самостоятельных стационарных полевых работ Соловецкой археологической экспедиции на архипелаге в 1984 г., непосредственно связано с именем А. Д. Столяра — научного руководителя соискателя кафедры археологии, старшего научного сотрудника Соловецкого музея А. Мартынова, зачисленного по рекомендации А. А. Куратова. В ряду замечаний и пожеланий, высказанных Абрамом Давидовичем к рукописи диссертации «История Северодвинского бассейна в эпохи мезолита, неолита и раннего металла», был посыл — отразить в работе связь первобытного прошлого исследуемого региона с островами Белого моря через Южное Беломорье. Именно он вдохновил меня на комплексную разведку о. Анзер, в ходе которой удалось найти первую стоянку с ямочно-гребенчатой орнаментацией и, таким образом, отодвинуть начало освоения архипелага на добрую тысячу лет. Осуществленные в течение трех полевых сезонов раскопки памятника «подарили» фондам музея один из наиболее интересных комплексов артефактов эпохи неолита [7, с. 481–486]. Более поздняя связь регионов была установлена еще ранее по гребенчатой («турбинской») керамике, кремневому инвентарю и характерному многоцветному кремню, являющемуся своеобразной «визитной карточкой» Орлецкого (на Северной Двине) известнякового месторождения, которые были обнаружены в процессе раскопок первой соловецкой стоянки Муксалма-1. Выводы о культурных связях островных памятников неолита — бронзы со стоянками Южного Беломорья и Северодвинского бассейна были включены в диссертацию.

С этого момента А. Д. Столяр то незримо, то явственно присутствовал в работе археологической экспедиции Соловецкого музея-заповедника практически до конца своей жизни. Все эти годы мы регулярно перезванивались, изредка встречались, и он «с пристрастием» расспрашивал о новых стоянках, результатах раскопок, публикациях, новостях в работе музея. В 1994 г. я был приглашен к участию в конференции, посвященной столетию В.И. Равдоникаса, на которой впервые смог изложить профессиональному сообществу сложившиеся к тому времени взгляды на проблематику каменных лабиринтов [8, с. 88–90]. Осуществленные накануне раскопки 22 каменных насыпей на «святилищах» Анзерского и Б. Заяцкого островов показали, что представления коллег (и мои собственные), основанные на материалах всего трех раскопанных А. А. Куратовым насыпей, нуждаются в кардинальном пересмотре.

В два этапа (в 1997 и 2000 гг.) Абрам Давидович осуществил свою давнюю мечту: посетить Соловки и дойти пешком до м. Колгуй Анзерского острова. В первый раз затянувшийся на неделю шторм наглухо запер о. Анзер, и нам (А. Д., супругам Гортер, В. Пойкалайнену, Н. Твердохлебовой и В. Шумкину) удалось сходить на самоходной барже только на архипелаг Кузова. Виды бушующего Белого моря с вершины скального купола Немецкого Кузова не оставили и следа от скепсиса Абрама Давидовича, рвавшего вопреки прогнозу на возделенный мыс Колгуй. Весь обратный путь седовласый профессор стоял на скачущем по волнам носу судна и... пел песни. А в 2000 г. он приехал вместе с А. А. Никоновой специально для поездки на Анзер в составе нашей экспедиции, которая копала в то лето две разновременные стоянки: «Малое Кумино» и «Могильники». Его присутствие в экспедиции, рассказы об археологах 1930-х — 1950-х годов, лекции и мастер-класс сделали тот сезон незабываемым. Финалом был все же состоявшийся поход «по пересеченной местности» из Капорской губы к лабиринту на м. Колгуй (24 км), который 79-летний профессор одолел с упорством, вызвавшим неподдельную зависть и восхищение гораздо более молодых членов экспедиции.

Очень важным для процесса исследования первобытного прошлого Соловков и для меня лично был год работы над рукописью монографии «Первобытная археология островов южной части Белого моря», в которой были обобщены данные пяти десятков объектов первобытной культуры. Советы и рекомендации рецензентов А. А. Куратова и А. Д. Столяра вкупе с редакционной правкой В. Я. Шумкина позволили выпустить в свет книгу (Архангельск, 2010), которая и сейчас, спустя семь лет, нуждается, в основном, в дополнениях материалами новых памятников.

Многолетнее общение с Анатолием Александровичем Куратовым и Абрамом Давидовичем Столяром (а они состояли в переписке не менее двадцати лет) — моими учителями в археологии — вдохновило на спонтанное написание еще одной книги, о которой не думалось и не мечталось: «Записки провинциального археолога» (Архангельск, 2008). Помимо всего прочего, в ней описаны все 36 полевых сезонов, которые состоялись в моей жизни к моменту ее издания. Молчаливое одобрение «Куратыча», для которого по словам сына Андрея книга долгое время была «настойной», и краткое резюме «Абани» («Достойная книга») дали понять, что закончить ее я смогу, только сходя «в поле» последний раз. В рукописи новой главы есть такие строки, написанные вскоре после получения от Володи Шумкина известия

*А.Д. Столяр вещает.
Рисунок А.А. Куратова из
семейного архива (1990-е г.)*

о смерти Абрама Давидовича: «С уходом А.Д. Столяра уходит и целая эпоха в археологии России — эпоха легендарных исследователей и личностей. Таких, как Артемий Владимирович Арциховский, Даниил Антонович Авдусин, Михаил Илларионович Артамонов, Владислав Иосифович Равдоникас, Борис Александрович Рыбаков, Валентин Васильевич Седов, Петр Николаевич Третьяков, Александр Александрович Формозов... Их огромный вклад в развитие отечественной археологии бесспорен, они являлись, по сути, олицетворением советской науки о древностях одной шестой части суши земного шара. В „арсенале“ каждого из них фундаментальные монографии и сотни научных статей, за ними стоят десятки учеников, ставших докторами или кандидатами исторических наук. Их имена напоминают нынешним поколениям исследователей о подвижническом и ратном труде предшественников, живших и работавших в неизмеримо более тяжелых условиях и реалиях советского времени.

В их ряду Абрам Давидович выделялся необыкновенно душевными человеческими качествами. Мне доводилось разговаривать о нем со многими выпускниками исторического факультета Ленинградского государственного университета, и не было среди них никого, кто бы не испытывал чувства глубокого уважения и благодарности к этому человеку. Что же касается лично меня, то знакомство и многолетнее дружеское общение с А.Д. Столяром согревало и поддерживало „провинциального археолога“ более 40 лет, с момента первой встречи на студенческой археологической конференции в Вильнюсе в 1972 году».

Литература:

1. Спицын А. А. Северные лабиринты // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 6. СПб, 1904.
2. Виноградов Н. Н. Соловецкие лабиринты. Их происхождение и место в ряду однородных доисторических памятников // Материалы Соловецкого общества краеведения. Вып. VII. Соловки, 1927; Он же:

Новые лабиринты Соловецкого архипелага // Материалы Соловецкого общества краеведения. Вып. XII. Соловки, 1927.

3. Евневич А. А., Казаринов П. К. Историко-археологические памятники Соловецкого архипелага (памятники вне Кремля). Рукопись. Соловки, 1935 // СГИАПМЗ. Научно-вспомогательный фонд. № 3849.

4. Рева К. П. О раскопках в 1907 году // ОАК за 1907 г.

5. Брюсов А. Я. История Древней Карелии. М., 1940. Устная информация о раскопках двух насыпей в структуре лабиринта № 2 Б. Заяцкого острова была получена автором в 1974 г. от А. А. Куратова (оплывшие шурфы А. Я. Брюсова сохранились до настоящего времени).

6. Куратов А. А. О каменных лабиринтах Северной Европы. Опыт классификации // Советская археология. № 1. 1970; Он же: Каменные лабиринты Архангельского Беломорья. К вопросу о назначении лабиринтов Северной Европы // Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1973; Он же: Соловецкие лабиринты — древние памятники культуры Северной Европы // Культура Русского Севера. Л., 1988; Он же: Каменные лабиринты в сакральном пространстве Северной Европы. Архангельск, 2008.

7. Мартынов А. Я. Древнейший памятник материальной культуры на Соловецких островах // Памятники культуры. Новые открытия. Вып. 1990. Т. XVII. М., 1992.

8. Мартынов А. Я. К проблеме интерпретации культово-погребальных памятников Соловецких островов // Международная конференция к 100-летию В. И. Равдоникаса: тезисы докладов. СПб, 1994.

УДК 398.3, 726.9, 902.2, 908

В. Б. Панченко, А. А. Селин, И. А. Федоров

Государственный Эрмитаж, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербургский кампус, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

**КАМЕННЫЙ КРЕСТ ИЗ Д. КОШЕЛЬКОВО НА КАФЕДРЕ
АРХЕОЛОГИИ СПБГУ И ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ
ПОЧИТАЕМЫХ КОМПЛЕКСОВ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ**

В статье рассматриваются проблемы происхождения почитаемых комплексов с каменными крестами на Северо-Западе России. Для исследования привлекаются археологические и фольклорно-этнографические данные,

полученные авторами в результате полевых работ в Ленинградской области, архивные материалы XVIII–XX вв.

Ключевые слова: средневековые каменные кресты, почитаемые комплексы, традиционная культура

V. B. Panchenko, A. A. Selin, I. A. Fedorov

The State Hermitage Museum, National Research University «Higher School of Economics», St.-Petersburg Campus, St.-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

**STONE CROSS FROM KOSHELKOVO VILLAGE AT THE
ARCHAEOLOGICAL DEPARTMENT, ST.-PETERSBURG STATE
UNIVERSITY AND THE STUDYING SACRAL COMPLEXES IN
RUSSIAN NORTH-WEST**

The authors consider some issues of the origin of sacral places with stone crosses in Russian North-West. Archaeological and folklore data from expeditions in Leningradskaja oblast' and also archival documents were used in the article.

Keywords: medieval stone crosses, sacral complexes, traditional culture.

История деревенских святынь Северо-Запада России (местночтимых каменных крестов, камней, родников) слабо обеспечена источниками — как археологическими, так и письменными. Археологические исследования культурного слоя с целью получения информации о времени функционирования и причинах появления этих культовых объектов проводились довольно редко. Одним из таких исследований были разведочные раскопки у д. Кашельково, проведенные в 1996 г.; в том же году обнаруженный во время раскопок каменный крест был передан на кафедру археологии СПбГУ [1].

Комплекс археологических памятников у д. Кашельково включал в себя сельское поселение XV–XVI вв., остатки часовни XIX в. и средневековый каменный крест. Дважды в год (11 июня ст. ст. и 14 сентября ст. ст.) к почитаемому месту ходил крестный ход из церкви с. Хрепле. После первого выгона скота в поле в Егорьев день (23 апреля ст. ст.) здесь совершалось водосвятие. Обломки известнякового креста «в круге», с рельефным ободком, без надписей были обнаружены во время археологических работ среди остатков часовни, сгоревшей во время Великой Отечественной войны. Кресты данного типа датируются временем не позже второй половины XIV в. [2]. Рядом с ним находились медные монеты 1811–1952 гг. и другие предметы, свидетельствовавшие о почитании местной святыни. Исследованный

почитаемый комплекс со средневековым крестом, судя по археологическим данным, возникает в XIX в.

К настоящему времени результаты работ в д. Кошельково могут быть дополнены исследованиями на Ижорском плато. Культурные комплексы с каменными крестами существовали здесь уже в 1731–1733 гг. [3]. С начала XX в. в д. Войносолово (Кингисеппский р-н Лен. обл.) было зафиксировано несколько скоплений каменных крестов (не менее 50-ти памятников) — как в самой деревне, так и на средневековом могильнике, находящемся поблизости от деревни и занятым современным кладбищем [4]. Одно из скоплений на окраине деревни было исследовано Е. А. Рябиным в 1973 г., в ходе расчистки 9-ти каменных крестов были обнаружены западноевропейские и русские монеты 1740–1881 гг. [5]. Второе скопление в деревне, из которого происходит опубликованный В. В. Седовым [6] подписной крест XIV в. «Савы Тарасина кузнеца», считалось не сохранившимся [7]. Впервые оно было зафиксировано в 1925 г. Ф. М. Морозовым [8]. Скопление, находившееся «у ручья», включало не менее 17 каменных крестов, на лопасти креста Савы Тарасина была повязана лента — очевидно, votивное приношение, среди крестов и плит находилась икона. В этой связи можно предположить, что крест не был намогильным, надпись на кресте может быть интерпретирована как сокращение формульной надписи, распространенной на обетных крестах «[Поставлен] крест [повелением] раба Божия Савы Тарасина кузнеца». В 1950-х гг. два креста (в том числе и подписной) были перевезены в г. Кингисепп и установлены у Екатерининского собора, во время обследований 1973, 1998 и 2011 гг. никакие кресты на месте скопления уже не были обнаружены (возможно, частично они перенесены на кладбище у д. Войносолово). Однако при очередном обследовании места скопления крестов в 2015 г. был обнаружен еще один каменный крест, по типу и орнаменту аналогичный одному из перевезенных в г. Кингисепп, и подпятная плита.

Первые сведения о существовании в деревне почитаемого комплекса относятся к 1734 г.: Константин Федоров, протопоп Ямбургского собора и Григорий Прохоров священник церкви Николая Чудотворца Котельского погоста, сообщали в Духовное правление СПб, что в д. Войносолово «Имеетца часовня, при которой крестов много, и приходя тоя деревни крестьяне молятся, а перед Ильиным днем, в воскресенье, приводят корову и убивают при той часовне и, розрубя и разделя, варят в домех своих, ядят и молятся в домех своих; да в той же деревне Войносолове имеются на дворах у всех крестьян,

разве не во всяком дворе, кресты, только молятся ль, того де он поп сам не видал» [9, с. 264].

К таким же комплексам можно отнести почитаемые каменные кресты еще в нескольких деревнях, находившихся поблизости от д. Войносолово. Почитаемый комплекс в д. Пумалицы (Кингисеппский р-н) — известен с XIX в., здесь существовал обычай закапывать кости баранов, забитых на Илью, к двум каменным крестам, которые назывались «кресты Ильи», поблизости от них находился источник (запись относится к 1901 г.) [10, с. 112–113]. Кресты сохранились и находятся во дворе усадьбы, построенной на почитаемом месте в 1930-х гг. В д. Пиллово (Кингисеппский р-н) сведения о часовне с крестом и празднике, посвященном св. Анастасии, впервые были записаны в 1734 г. [11, с. 264]. Почитание комплекса сохранялось до 1940-х гг. [12, с. 104–105]. Культурный комплекс с каменным крестом в д. Бабино того же Котельского Николаевского прихода, к которому относилась и д. Войносолово, в 1911 г. зарисовал С. Паулахарью [13, с. 96].

В д. Старые Смолеговицы (Волосовский р-н, Лен. обл) в 1838 г. были отмечены 10 каменных крестов «в сажень вышиною, с остатками высеченных надписей» в центре деревни [14]. В 1863 г. сообщается, что на крестах «была высечена надпись, но во время пожара в деревне она почти совершенно истребилась» [15]. В 1985 г. В.А. Лапшин зафиксировал всего два креста с двусторонними рельефными изображениями высотой 2,8 м, без надписей в центральной части деревни [16]. В 2016 г. на участке, прилегающем к одному из сохранившихся высоких крестов, были обнаружены остатки часовни и 18 каменных крестов без надписей. На одном фрагменте вырезана монограмма «НИ». Лампадное стекло и две монеты 1867 и 1914 гг., обнаруженные у креста, свидетельствуют о функционировании этого почитаемого комплекса во второй половине XIX в. Первые сведения о существовавшей здесь часовне относятся к 1862 г. [17].

Предварительные результаты исследований указывают на то, что известные почитаемые комплексы с каменными крестами Северо-Западной части Новгородской земли складывались довольно поздно и в основном находились на территории поселений. Важно отметить, что они не связаны напрямую с древнерусскими могильниками, как это фиксируется для восточных территорий.

Литературы:

1. Панченко А. А., Панченко В. Б., Селин А. А. Почитаемое место у д. Кашельково. Опыт междисциплинарного исследования // Российская

- археология. 2000. № 2. С. 115–126.
2. Панченко В. Б. Каменные кресты из коллекции академика Н. П. Лихачева // Труды Государственного Эрмитажа. Т. LXXI. Наследие Николая Петровича Лихачева: интерпретация текста и образа. СПб. 2014. С. 201–219.
 3. Платонов Е. В. Первая перепись часовен Санкт-Петербургской провинции 1734–1735 гг. и обстоятельства ее появления // Антропологический форум. СПб., 2012. № 16. С. 253–273.
 4. Панченко В. Б. Каменные кресты Ижорского плато (каталог) // Stratum plus. Культурная антропология и археология. № 5. 2005–2009. Русское время. СПб–Кишинев–Одесса–Бухарест, 2009. С. 420–422.
 5. Рябинин Е. А., Рябинина Т. В. Работы Ижорского отряда // Археологические открытия 1973 г. М., 1974. С. 30.
 6. Седов В. В. Войносовский крест // Советская археология. 1962. № 3. С. 311–314.
 7. Федоров И. А. Отчет о разведках в Гатчинском и Кингисеппском районе Ленинградской области в 2010–2011 гг. СПб., 2012 г. // Архив Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. Г. С. Лебедева СПбГУ.
 8. Научный архив ИИМК РАН. ФА. Альбом О. 67 (Ф. М. Морозов). Л. 27.
 9. Платонов Е. В. Первая перепись часовен Санкт-Петербургской провинции 1734–1735 гг. и обстоятельства ее появления.
 10. Västriik Ergo-Hart. Votian village feasts in the context of Russian Orthodoxy // Journal of Ethnology and Folkloristics Vol. 1 (2). Tartu, 2008. P. 99–122.
 11. Платонов Е. В. Первая перепись часовен Санкт-Петербургской провинции 1734–1735 гг. и обстоятельства ее появления.
 12. Västriik Ergo-Hart. Votian village feasts in the context of Russian Orthodoxy.
 13. Ингерманландия глазами Самули Паулахарью. Велоекспедиция летом 1911 года. 2014. СПб.: Гйоль. 112 с.
 14. Шведские могилы в Ямбургском уезде // ЖМВД. 1838. Ч. 28. С. 5–6.
 15. Список сопкам и земляным насыпям, именуемым шведскими могилами, в Ямбургском уезде СПб губернии [доставлено г. Ямбургским земским исправником А.А. Траубенбергом] // СПб Губернские ведомости. 1863. Отдел второй. Ч. Неофициальная. С. 75.
 16. Лапшин В. А. Разведка в западных районах Ленинградской обл. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35 1985 г. Д. № 61–63.
 17. Список населенных мест по сведениям 1862 года. СПб., 1864. С. 203. № 4937.

УДК 904

В. Б. Трубникова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия***СЯНЬБИЙСКИЙ ВОПРОС: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ**

По мере изучения сяньбэй и накопления археологического материала стало возможным сформулировать новые вопросы. Среди них такие, как выделение общих интеркультурных стадийальных явлений, поиск прародины сяньбэй, попытка дифференциации культурных традиций сяньбэй от других кочевых общностей и выделение отдельных локальных групп внутри сяньбэй. Решение поставленных вопросов может быть достигнуто лишь после переосмысления процессов, происходивших за пределами исторического Китая на рубеже тысячелетий, в частности в Южной Сибири.

Ключевые слова: сяньбэй, хунну, Южная Сибирь, Китай

V. B. Trubnikova

*St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia***XIANBEI PROBLEM: YESTERDAY AND TODAY**

The Xianbei studying and the archeological material accumulation have made it possible to frame new questions. The latter concern, for example, the definition of common intercultural stage events, the search of the Xianbei ancestral homeland, the attempt to differentiate cultural Xianbei traditions from other nomadic communities, and the distinguishing the individual local groups within the Xianbei. The stated questions may be solved only after the reinterpretation of processes having taken place outside the territory of the historical China at the turn of the millennium, in particular, in the Southern Siberia.

Key words: Xianbei, Huns, South Siberia, China.

Сегодня появление новых атрибуций археологического материала как сяньбийского, а также накопление существенной коллекции из китайских раскопок и попытки её систематизации, позволяют перейти к решению некоторых ключевых вопросов. Помимо общих задач, как реконструкция исторических событий и выделение сяньбийской культуры на территории Китая, существует несколько дополнительных. К ним относятся поиск прародины сяньбэй, попытка дифференциации культурных традиций сяньбэй от других кочевых общностей, в особенности от хунну. Также ключевой задачей является выделение отдельных локальных групп внутри сяньбэй. Решение поставленных вопросов может быть достигнуто лишь после переосмысления тех

процессов, что происходили за пределами исторического Китая на рубеже тысячелетий, в частности в Южной Сибири.

Под этнонимом сяньбэй принято понимать не одно сяньбийское племя, а объединение племен в первой половине I тысячелетия н. э. Условно можно разделить их историю на два этапа: первый этап — ранние сяньбэй до сложения сяньбийских династий в Китае. Ранняя история охватывает широкие временные рамки со II в. до н. э. до середины III в. н. э. Второй период начинается в конце III в. и длится вплоть до VI в. Впоследствии масштабной миграции на территорию Китая были созданы шестнадцать варварских государств, среди которых особо выделялось сяньбийское государство Северная Вэй династии Тоба Вэй. Однако основной интерес археологов сегодня ограничивается в основном первым этапом истории сяньбэй, как наименее исследованным. Письменные источники «Хоу Хань шу» (гл. 90), «Вэйчжи» (гл. 30) и «Вэй Шу» охватывают широкий круг знаний, начиная от вопросов расселения сяньбийских племен, заканчивая установлением сяньбийской династии. Первые письменные упоминания сяньбэй приходятся на I век н. э. В 90-х гг. — сяньбэй разгромили хунну; в 89 г. анклав южных хунну и сяньбэй покорили северных хунну; к 87 г. северный шаньюй был обезглавлен, последние приняли название сяньбэй [1]. Из этого можно заключить, что заимствование культурных традиций происходило уже на ранних этапах существования сяньбэй, что существенно осложняет попытку разделения хуннской и сяньбийской культурных традиций.

Уникальная возможность, позволяющая соотнести материальное наследие с письменными источниками, определила ранний интерес китайской археологической школы к поиску и исследованиям сяньбийских памятников. Первые масштабные научные археологические раскопки и исследования сяньбийских погребальных памятников начали Институт Археологии Внутренней Монголии и Китайская академия наук, которые в конце 50-х и 60-х XX века предприняли раскопки в Хулунбуир (Hulunbeier) в Маньчжурии и Чжалайнор (Chzhalajnor) во Внутренней Монголии. Накопление археологического материала позволило соотнести его с историческими данными. В своей сводной статье китайский археолог Су Бэй первым собрал и распределил по признакам памятники, принадлежащие сяньбийской культурной общности. Автор выделили следующие типы погребений: мужунские памятники в провинции Ляонин, тобаские — в верховьях Амура на р. Аргуни, позднетобаские — в провинции Шаньси и Хэнань [2]. Несомненно, что племена Tuoba-Xianbei (тоба-сяньбэй) и Murong-Xianbei

(мужун-сяньбэй) имеют в своей основе общий генезис, однако прослеживаются отдельные погребальные и изобразительные традиции для каждой из групп, особенно выраженные в поздний период. При этом важно отметить, что на ранних этапах в письменных источниках также встречается лишь общий этноним сяньбэй, что позволяет предположить о наличии одного центра происхождения. К слову, сегодня у исследователей до сих пор нет определенности касательно прародин сяньбэй в связи с невозможностью выделить в китайских материалах раннего пласта памятников.

Одно из возможных решений для определения места зарождения сяньбийских традиций — расширить ареал поиска. Так, Е. В. Ковычев, анализируя китайские источники, считает местом зарождения сяньбийских племён ещё в период хуннской державы — Восточное Забайкалье. Указывая на Забайкалье, как на район, лежащий за границами хуннской державы, тем не менее, Е. В. Ковычев выделяет на этой территории элементы хуннского инвентаря. Из этого факта он заключает, что инвентарь забайкальских могильников «мог принадлежать той части хуннов, которая была ассимилирована сяньбийцами» [3]. В дальнейшем в Забайкалье были предприняты методические исследования, позволившие выделить ряд могильников и погребальных памятников, по мнению археологов, принадлежавших к сяньбийским. К «сяньбийской культуре» относят памятники Зоргол-I, Большая Канга-I, Кункур, Ботула, Кия-13, Дурой-II и др. [4]. Основанием для культурной атрибуции памятников послужил анализ керамического комплекса, а также отличные для этого района погребальные традиции. Накопление большого количества материала и его комплексный анализ позволил также предположительно разделить его на несколько хронологических групп.

Возможное выделение памятников «сяньбийской культуры» в Забайкалье — единственный пример для всей территории Южной Сибири. С уверенностью можно говорить только, что индикаторами присутствия сяньбэй там являются лишь образцы сяньбийской металлопластики и другие изобразительные традиции [5]. На фоне яркой, продолжительной традиции хунну, отражение которой можно увидеть во всех синхронных культурах, сяньбэй до сих пор можно назвать «призраками» в археологии. Это, однако, в свою очередь диссонировало с историческими источниками, страницы которых пестрят различными упоминаниями о сяньбэй. Появление сяньбэй в пределах «видимости» китайских летописцев было достаточно внезапным и неясным, впоследствии читателям рассказывают и об их социаль-

ном устройстве, и о родословной, и об ярких исторических событиях сяньбэй. Одно из них обозначено в пределах 89–91 гг., когда после разгрома хунну китайской армией к сяньбэй присоединились свыше 100 тысяч семей хунну. Это важное замечание в том числе позволяет объяснить невероятное сходство хуннских и сяньбийских культурных традиций. Отчасти на ранних этапах существования сяньбэй их культура – это хуннская основа с наложением на неё лишь некоторых новых элементов различных сяньбийских групп. Отсюда берет корни вариabельность погребального обряда сяньбэй при общих в основе упрощенных хуннских чертах; такие же тенденции прослеживаются и в погребальном инвентаре. Неясным остаётся в таком случае этническая принадлежность сяньбэй. Сегодня большинство исследователей поддерживает предположение о том, что сяньбэй – это протомоголы, потомки дунху, высказанное А. А. Викторовой [6].

Очевидно, что термин сяньбийская культура и, более распространённый, хунно-сяньбийская эпоха, не отражают полностью все процессы, происходившие в начале первого тысячелетия на ойкумене Северного Китая, главными участниками которых были племена сяньбэй. Первый не показывает всё этническое разнообразие племён, второй охватывает более шести веков и характеризует период, предшествующий активному процессу тюркизации степи и смены этнического состава, повлекшей становление новых культурных традиций. При отсутствии общего массового материала в современной традиции культурогенеза сяньбийское наследие более соответствует понятию археологическая общность, в рамках изучения которой предстоит дальнейшая разработка сяньбийской проблематики.

Литература:

1. Таскин В. С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М., 1984.
2. Су Бэй. Дунбэй, Нэймэнгу дицюйдэ сяньбэй ици, цзилу чжи (Сяньбийские памятники на территории Северо-востока Китая и Внутренней Монголии) // Вэньу. Пекин, 1977. № 5. С. 42–54. (На кит. яз.).
3. Ковычев Е. В. К вопросу о древних связях племён Восточного Забайкалья с тюркоязычными соседями в I тыс. н.э. // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 148–156.
4. Яремчук О. А. Могильник Зоргол-1 — памятник хунно-сяньбийской эпохи Степной Даурии: дис. ... канд. ист. наук. Чита, 2005.
5. Трубникова В. Б. Сяньбийская изобразительная традиция как индикатор присутствия сяньбэй (сяньби) в Южной Сибири // Новые

материалы и методы археологического исследования: Материалы III Международной конференции молодых ученых. М.: ИА РАН, 2015. С. 159–160.

6. Викторова А. Л. К вопросу о расселении монгольских племён на Дальнем Востоке в IV в. до н. э. — XII в. н. э. // Ученые записки ЛГУ. 1958. № 256.

УДК 904; 930.253

И. В. Тункина

*Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Санкт-Петербург,
Россия*

**ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ СИБИРИ В ДОКУМЕНТАХ
ЛИЧНОГО ФОНДА Д.Г. МЕССЕРШМИДА***

В статье приведен краткий обзор научных и научно-организационных документов Д. Г. Мессершмидта о его Сибирской экспедиции. Эти в большинстве своем неизданные материалы хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН в составе личного фонда путешественника. Основное внимание уделено фиксации Д. Г. Мессершмидтом памятников археологии Сибири.

Ключевые слова: Д. Г. Мессершмидт, экспедиция в Сибирь, графическая фиксация памятников, личный фонд, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.

I. V. Tunkina

*St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of
Sciences, St. Petersburg, Russia*

**ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS OF SIBERIA IN THE
DOCUMENTS OF THE PERSONAL PAPERS OF
D.G. MESSERSCHMIDT**

The article provides a brief overview of the scientific and scientific-administrative documents of D.G. Messerschmidt about his Siberian expedition. These mostly unpublished materials are held in the St. Petersburg Branch of the Archive of RAS in the personal papers of the traveller. The attention is focused on the fixation of archaeological monuments of Siberia by D. G. Messerschmidt.

* Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ, проект 16-01-00231/16.

Key words: D.G. Messerschmidt, expedition to Siberia, graphic fixation of monuments, personal papers, St. Petersburg Branch of the Archive of RAS.

Личный фонд доктора медицины Даниила Готлиба Мессершмидта (1685–1735), осуществившего первую научную комплексную экспедицию в Сибирь по указу Петра I «для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей» [1; 2], до сих пор остается малоизученным. Научные и научно-организационные документы его экспедиции, карты, планы, рисунки и другие материалы, хранившиеся в XVIII–XIX вв. в различных академических учреждениях, в начале 1930-х гг. были собраны в личный фонд Д.Г. Мессершмидта в Архиве АН СССР в Ленинграде (ныне Санкт-Петербургский филиал Архива РАН) [3, с. 164–165].

Д.Г. Мессершмидт по праву считается «отцом» археологии Сибири [4, с. 67–85]. Как известно, данцигский врач первым начал использовать археологические данные для изучения истории Сибири: он собирал сведения о «могильных вещах», хлопотал у сибирских властей, чтобы ему доставляли всякие «к древности принадлежащие вещи», проводил первые раскопки курганов с научной целью, изучал их устройство, графически фиксировал находки, причем явно зачастую по археологическим комплексам, которые попадались ему в руки от «бугровщиков» и местного населения. В августе 1722 г. путешественник открыл для науки «рунические» надписи (средневековую письменность хакасов VII–XIII вв.) на Уйбатском памятнике, стоявшем на равнине р. Бирь (Бюрь) в Хакасии, описал и графически зафиксировал Куртуякскую статую в Абаканских степях и многие другие объекты.

Параллельно Д.Г. Мессершмидт изучал географию, этнографию, лингвистику, флору и фауну Сибири, проводил метеорологические и геодезические наблюдения, составлял карты и пр. В Петербург он вернулся в 1727 г. с уникальными для того времени материалами и коллекциями, которые большей частью поступили в Кунсткамеру, однако многие артефакты сгорели в катастрофическом пожаре академического музея 1747 г. Д.Г. Мессершмидт был отстранен от изучения своих материалов, поэтому он не успел ввести их в научный оборот. Неизданные документы путешественника изучали ученые Петербургской АН при подготовке других научных экспедиций XVIII–XIX вв. в Сибирь. Осознавая актуальное значение трудов Д. Г. Мессершмидта для развития многих отраслей научного знания, в течение трех веков предпринимались неоднократные попытки обнародовать в полном виде научное наследие ученого, но какой-то зловещий рок постоянно

мешает реализации этих планов [5]. В 1962–1977 г. АН СССР и Берлинская академия наук предприняли совместное издание путевых дневников Д. Г. Мессершмидта на немецком языке за январь 1721 — декабрь 1726 гг. [6], которое, однако, до сих пор не завершено и не может считаться критическим изданием текста. Отдельные фрагменты дневника о пребывании путешественника в Соликамске и поезде до верховьев Обвы издал В. В. Напольских [7]. В 2013 г. в Абакане опубликован сокращенный русский перевод первого тома немецкого издания 1962 г. (29 ноября 1721 — 9 октября 1722 г.) [8].

Особый интерес представляет главный труд Д. Г. Мессершмидта, и по сей день остающийся неизданным, — «*Sibiria perlustrata, etc.*» («Описание Сибири»), в котором Мессершмидт систематизировал и обобщил результаты своих сибирских исследований в разных областях науки. Его полное название в русском переводе «Описание Сибири, или Реестр образцов трех царств природы, наблюдаемых в течение восьмилетнего путешествия по Сибири, Киргизии, Тунгусии, Самоэдии, Бурятии, Даурии и т. д., вместе с Даром Сибирской Иисуса, или Каталогом почти 1800 естественнонаучных предметов, извлеченных и доставленных из глубины Сибири, сопровождаемое некоторыми рисунками: к этому прилагаются памятники неизвестной доселе древности и подземные памятники, вырытые из старинных погребальных курганов преимущественно Киргизии, схематично зарисованные и кратко описанные; с маршрутом, или погодными записями Сибирского путешествия, помещенной во вводной части труда и проиллюстрированной: некоторыми таблицами с описаниями местности и разными другими изображениями и кроме того, широтами 332 мест и т. д. Трудом и усердием Даниила Готтлиба Мессершмидта из Гданьска, доктора медицины, до сих пор скитавшегося по Сибири» [9].

Третий отдел рукописи «*Sibiria perlustrata*» озаглавлен «*Philologico-Historico-Monimentario et Antiquario-Curiosus*» («Любопытные филолого-исторические памятники и древности»). Он содержит записи слов языков народов Сибири, сведения о некоторых восточных рукописях, а также фиксацию памятников археологии Сибири. Из упомянутых в оглавлении 58 рисунков в рукописной книге приведены только 35 [10]. Многие рисунки фиксируют артефакты из погребений — амулеты, сосуды, предметы домашнего быта и культа, украшения, инструменты, оружие, конскую сбрую и пр. В археологическом разделе рукописи автор ограничился пояснительными подписями к рисункам, которые требуют интерпретации и комментирования с позиций современной науки. За эту трудоемкую работу взялся

виднейший специалист по археологии и этнографии Сибири Д. Г. Савинов [11; 12].

Другие археологические изображения представлены в тексте дневников в виде чернильных рисунков пером, некоторые акварельные и карандашные рисунки составляют отдельные дела, например, изображения писаного камня на Городиевой стене на отвесном берегу Енисея напротив дер. Новосельцы. Сохранившиеся в фонде зарисовки Д. Г. Мессершмидта и рисовальщика экспедиции К. Г. Шульмана, не искаженные последующим гравированием, крайне важны как первая графическая фиксация впервые описанных путешественником памятников археологии. К примеру, изображения на курганных плитах в Есинско-Тейской степи, позднее изданные участником экспедиции пленным шведом Ф. И. Таббертом-Страленбергом (1730), по технике исполнения отличаются от рисунков Д. Г. Мессершмидта. Следует подчеркнуть, что все полевые наброски, рисунки и акварели имеют не только чисто историографическое, но и актуальное научное значение — по документам фонда можно проследить места раскопок и покупок артефактов, описанных и изображенных Д. Г. Мессершмидтом.

Рисунки Д. Г. Мессершмидта имеют исключительную научную ценность — по заключению Д. Г. Савинова, они зафиксировали все этапы развития древних и средневековых культур Минусинской котловины, петроглифы, каменные изваяния и курганные плиты, отдельные западные и восточные импорты. Натуралист четко распределял артефакты по функциональному назначению и, чисто интуитивно, по хронологическим периодам и даже по археологическим культурам, представления о которых появились в археологии Сибири лишь два века спустя.

Неизданными остаются и другие материалы Д. Г. Мессершмидта — переплетенные в два тома его донесения («Relationes») в Медицинскую канцелярию (22 рапорта с приложениями за 1719–1726 гг.) и другая научно-организационная переписка по экспедиции, которая включает рукописи Г. Стеллера и И. Г. Гмелина [13]. Не меньший интерес представляет так называемый «Журнал» Д. Г. Мессершмидта (с ноября 1718 г. по сентябрь 1728 г.) из фондов академического архива [14]. «Журнал» включает экстракты всех русскоязычных документов о его экспедиции, причем в дневнике путешественника он именуется «Actis curialibus russicis» [8, с. 105]. Собранные в нем документы позволяют проследить, как изменялись и уточнялись задачи многолетней экспедиции по мере продвижения вглубь территории России. «Журнал» содержит сведения об обширной собирательской работе

ученого, способах поиска и транспортировки собранных коллекций и доставке их в Петербург [15]. К примеру, 26 мая 1721 г. комендант Томской приказной палаты В. Е. Козлов приказал служилому человеку, казачьему сыну Александру Колмогорову для оказания помощи экспедиции выехать «для приискивания» (т.е. проведения раскопок) и приобретения у местного населения «древних могильных вещей и всяких цветных камней». Комендант приказал Колмогорову привлечь в качестве помощников при раскопках двух шведских пленников «Ягана Цемера и Питера», а также «казаков двух человек у московского списка дворянина Алексея Кругликова» для осуществления караула, с наказом: «за оными шведскими пленниками смотреть накрепко, чтобы они русским людям и иноземцам обид и разорения никому не чинили» [14, л. 28–28 об.].

Научное изучение творческого наследия ученого-энциклопедиста Д. Г. Мессершмидта по прошествии почти 300 лет с момента начала его экспедиции до сих пор находится на начальном этапе. Из статьи в статью, из книги в книгу кочуют одни и те же, порой ошибочные, сведения о жизни и деятельности путешественника и оставленных им материалах. Причина такого положения — пугающая воображение специалистов обширность научного наследия подвижника науки, а также незнакомство современных исследователей с немецкой палеографией и латинским научным языком XVIII в. Следствием этого стала неопубликованность большей части архива Д. Г. Мессершмидта. Как и сто лет назад, его рукописи доступны и изучаются лишь ограниченным числом читателей академического архива в Петербурге [5, с. 247].

Литература и источники:

1. Новлянская М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970.
2. Копанева Н. П. Научное путешествие Д. Г. Мессершмидта как часть проектов Петра I по описанию Российского государства // Уральский исторический вестник. 2016. № 2 (51). С. 44–52.
3. Архив Академии наук СССР: Обзорные архивных материалов / Под общей редакцией Г.А. Князева. Л., 1933. (Труды Архива АН СССР. Вып. 1).
4. Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск, 2005.
5. Тункина И. В. Экспедиция Д. Г. Мессершмидта 1719–1727 гг. в Си-

бирь в российской историко-научной историографии XX — начала XXI вв. // Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук. Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции 23–25 апреля 2013 г., Санкт-Петербург / Отв. ред. И.В. Тункина. СПб., 2013. С. 238–250.

6. Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Tagebuchaufzeichnungen / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann, G. Jarosch. Teile I–V. Berlin, 1962–1977. Teil 1: Tagebuchaufzeichnungen 1721–1722. 1962; Teil 2: Tagebuchaufzeichnungen Januar 1723–Mai 1724. 1964; Teil 3: Tagebuchaufzeichnungen Mai 1724–Februar 1725. 1966; Teil 4: Tagebuchaufzeichnungen Februar 1725–November 1725. 1968; Teil 5: Tagebuchaufzeichnungen ab November 1725. Gesamtregister. 1977 (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas: hrsg. von der historischen Abteilung des Institute für Slawistik und der Arbeitsgruppe für Geschichte der slawischen Völker am Institut für Geschichte. Bd 8, T. 1–5).

7. Напольских В. В. Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта. Дневниковые записи, декабрь 1726 г. Ижевск, 2001.

8. Мессершмидт Д. Г. Дневники: Томск–Абакан–Красноярск. 1721–1722 / Пер. с нем. Е. А. Ким. Абакан, 2012.

9. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 98. Оп. 1. Д. 22.

10. Басаргина Е. Ю. Изобразительный материал в труде Д. Г. Мессершмидта «Sibiria Perlustrata» // Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия: Материалы Международной научной конференции / отв. ред. В. Ю. Афиани. М., 2013. С. 286–291.

11. Тункина И. В., Савинов Д. Г. Фонд Д. Г. Мессершмидта как источник по археологии Сибири // Ученые и идеи: Страницы истории археологического знания Тезисы докладов Международной научной конференции / Отв. ред. П. Г. Гайдуков, И. В. Тункина. М., 2015. С. 60–62.

12. Tunkina I. W. Die Archäologie Sibiriens in den dokumenten Messerschmidts // Из Сибири — 2015: Международная научно-практическая конференция, научно-информационный сборник. Тюмень, 2015. С. 230–231.

13. СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 20–21.

14. СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 32.

15. Соболев В. С. Журнал Д. Г. Мессершмидта как источник по истории изучения Сибири (1718–1728) // Вопросы истории естествознания и техники. 2013. № 3. С. 174–180.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГИМ — Государственный исторический музей
ДТМАО — Древности. Труды Московского археологического общества. М.
ИАЭТ — Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
КСИА — Краткие сообщения Института археологии РАН. М.
МАИ — Московский археологический институт
ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников ГИМ
ПГПУ - Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
ТГИМ — Труды ГИМ. М.
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М.
УдГУ — Удмуртский государственный университет
ФГОС ВО - Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования
РА - Památky archeologické
Slov. Arh. - Slovenská Archeologia

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
Секция I. Кафедра археологии СПбГУ — 80 лет	
<i>Захарова Е. Ю.</i> Становление археологии в Воронежском государственном университете (1940–1950-е гг.): роль ленинградских учёных	8
<i>Клейн А. С.</i> Об идеальной среде для преподавания археологии	13
<i>Михайлова Е. Р.</i> О топохронах, варангике и метафизике Петербурга: идеи Г. С. Лебедева в археологии Северо-Запада	19
<i>Носов Е. Н.</i> В. И. Равдоникас и его Ладожская эпопея	25
<i>Платонова Н. И.</i> Межфакультетский семинар по проблемам этногенеза и этнической истории (рук. А. С. Герд — Г. С. Лебедев): ключевые идеи и вклад в археологическую славистику	33
<i>Рябцева С. С.</i> Древняя Русь—Моравия—Дунай (одно из исследовательских направлений на кафедре археологии ЛГУ)	41
<i>Седых В. Н.</i> Ярославский край эпохи средневековья в исследованиях Санкт-Петербургского университета	48
<i>Тихонов И. А.</i> Традиции изучения и преподавания истории археологии в Санкт-Петербургском университете	58
<i>Шаров О. В.</i> М. Б. Щукин и «Готская проблема»	69
Секция II. Археологическое образование: прошлое, настоящее, будущее	
<i>Белозёрова И. В., Кузьминых С. В.</i> Василий Алексеевич Городцов и Институт археологии и искусствознания РАНИОН: у истоков становления московской археологической школы	78
<i>Бессуднов А. Н.</i> Проблемы и перспективы археологического образования в вузах педагогического профиля	88

<i>Буровский А. М.</i> Преподавание как источник профессионального роста	93
<i>Гурьянов В. Н., Чубур А. А.</i> Провинциальный вуз в российской археологии (на примере Брянского государственного университета)	97
<i>Детлова Е. В.</i> Геро фон Мергарт и его «марбургская школа»	103
<i>Кайзер Э., Сафонов И. Е.</i> Подготовка археологов по первобытной археологии в университетах Германии	109
<i>Китова А. Ю.</i> Проблемы подготовки археологов в системе трехуровневого высшего образования	116
<i>Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.</i> Археология в Кубанском государственном университете	121
<i>Малов Н. М.</i> Археология в Саратовском государственном университете: 1918–1937 гг.	127
<i>Мельникова О. М.</i> Кабинеты археологии в системе подготовки научных кадров в российских университетах	131
<i>Плавинский Н. А.</i> Роль сотрудников археологического музея Вильнюсского университета имени Стефана Батория межвоенного периода в изучении погребальных памятников белорусского Подвинья и Понеманья конца I — начала II тыс. н. э.	136
<i>Сафонов И. Е.</i> Археология в Воронежском отделении Московского археологического института (1920–1923 гг.)	140
<i>Черных Е. М.</i> Магистерская подготовка по археологии: плюсы и минусы (из опыта работы Удмуртского госуниверситета)	145
<i>Шмуратко Д. В.</i> Возможность подготовки археологов в рамках ФГОС ВО «педагогическое образование»: опыт Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета	151
<i>Щавелев С. П.</i> Археологические основы университетского «курса истории русского права» Д. Я. Самоквасова	158

Секция III. Памяти Абрама Давидовича Столяра

<i>Gjerde Jan Magne</i>	
Stone Age Rock Art in Fennoscandia — an overview	164
<i>Helskog Knut</i>	
Early snowshoes in Fennoscandia	170
<i>Голованова А. В., Доронищев В. Б.</i>	
Культура и общество неандертальцев: что знает об этом homo sapiens в начале 21 века?	179
<i>Голованова А. В., Доронищев В. Б.</i>	
Влияние окружающей среды на человека и его культуру в среднем и позднем плейстоцене Кавказа	185
<i>Доронищев Е. В., Недомолкин А. Г., Мурый А. А.</i>	
Новые открытия стоянок палеолита в республике Адыгея, Северо-Западный Кавказ	190
<i>Жук А. В.</i>	
На пороге науки. Ленинград и археология перед юным А. Д. Столяром	195
<i>Калинин В. А., Смирнов М. В.</i>	
Комплексы петроглифов Фенноскандии как объекты консервации и музеефикации	201
<i>Королев А. И., Кочкина А. Ф., Сташенков Д. А.</i>	
Могильник Екатерининский мыс в Среднем Поволжье — новый памятник изучения искусства эпохи энеолита	207
<i>Курбатов А. В.</i>	
Взгляд историка и практика археолога: преодоление ошибок в изучении средневекового кожевенного ремесла	212
<i>Мартынов А. Я.</i>	
Анатолий Александрович Куратов и Абрам Давидович Столяр в судьбе первобытной археологии Соловецкого архипелага	220
<i>Панченко В. Б., Селин А. А., Федоров И. А.</i>	
Каменный крест из д. Кошельково на кафедре археологии СПбГУ и проблема исследования почитаемых комплексов Северо-Запада России	225
<i>Трубникова В. Б.</i>	
Сяньбийский вопрос: вчера и сегодня	230
<i>Тункина И. В.</i>	
Памятники археологии Сибири в документах личного фонда Д. Г. Мессершмидта	234

Научное издание

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Материалы Международной научной конференции, посвященной
80-летию первой в России кафедры археологии, Санкт-Петербург,
СПбГУ, 19–21 октября 2016 г.

Редактор И. А. Тихонов
Корректор А. В. Бусыгина
Верстка и оформление Я. А. Страхова

Подписано в печать с оригинал-макета заказчика
Формат 60 × 90^{1/16}. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 15,25. Тираж 100 экз.
Заказ №

Издательство Санкт-Петербургского университета
199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, д. 11
тел./факс (812) 328-44-22
publishing@spbu.ru ; publishing.spbu.ru